

Кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС
при информационной поддержке Волгоградского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Международная научно-практическая конференция памяти
Михаила Федоровича Медведева (1925–2011)
(Медведевские чтения 2022)

Волгоград, 2022

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

**Кафедра гражданско-правовых дисциплин
при информационной поддержке Волгоградского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»**

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ
(МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2022)**

Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)

Волгоград, 2022

УДК 347.45/.47(063)
ББК 67.404.219.4я431
Т 33

Под общей редакцией:

кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;

кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Т 33 Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 268 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2022), которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 20 мая 2022 года.

Организатором этого мероприятия выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Целью конференции являлось обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых не только города Волгограда, но и других регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Республики Крым), а также зарубежных стран (Германии, Республики Беларусь, Республики Таджикистан) по современным аспектам гражданского права в сфере деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Печатается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС от 23.06.2022, протокол № 9.

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционную правку.

За содержание статей ответственность несут авторы.

Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

ISBN 978-5-7786-0862-7

© Волгоградский институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2022

МЕДВЕДЕВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ
(1925-2011)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Аширбекова М. Т.</i> О значении научного наследия профессора М. Ф. Медведева в подготовке юристов	7
---	---

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Анисимов А. П.</i> Современные проблемы охраны климата в контексте теории экологических деликтов	11
<i>Артамонникова С. В.</i> Ответственность нотариуса: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Испании	18
<i>Батурина Н. И., Котельников Н. В.</i> Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним на досудебной стадии уголовного судопроизводства.....	25
<i>Вольфсон В. Л.</i> Требование о выплате компенсаций за нарушение исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в контексте российской модели деликтной ответственности	30
<i>Глебов В. Г.</i> Компенсация морального вреда при реабилитации в уголовном процессе	44
<i>Кайль Я. Я.</i> Презумпция вины: достоинства и недостатки	49
<i>Кравченко Н. А.</i> Некоторые особенности возмещения вреда, причиненного налоговыми органами при реализации мероприятий налогового контроля...	57
<i>Кратенко М. В.</i> Институт ответственности за вред вследствие дефектной продукции в праве России и зарубежных стран	62
<i>Кузбагаров М. Н.</i> Обстоятельства непреодолимой силы как основания освобождения от гражданско-правовой ответственности	73
<i>Летута Т. В.</i> Принципы деликтной ответственности.....	78
<i>Маркелова А. А., Карачун А. В.</i> Особенности возмещения вреда, причиненного в результате фактического изъятия земельных участков	85

Митрофанова И. А. Ответственность нотариуса при отказе в совершении нотариального действия.....	94
Осетрова А. Ю. Обязательное экологическое страхование ответственности владельцев производственных объектов в системе профилактики экологических деликтов	100
Райнер Г., Пиплак А. Требования к доказыванию причинно-следственной связи в случаях причинения вреда вследствие вакцинации от COVID-19: замечания к немецкому праву.....	105
Рутман Е. Я. Компенсация морального вреда как вид деликтных обязательств: некоторые вопросы праворегулирования в Республике Беларусь....	120
Рыженков А. Я. Экологические деликты: правовые основы регулирования.....	128
Стрилец Л. Е. Особенности солидарной ответственности за совместно причиненный вред.....	138
Федосеев П. С. К вопросу о применимости термина «деликтное право» в российской цивилистике.....	147

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Абезин Д. Д. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями органов публичной власти	152
Бородин Д. В. Тенденция замены деликтных обязательств страховыми	158
Воробьева П. В. Понятие вины как условия привлечения к гражданско-правовой ответственности.....	165
Гусейнов Т. А. Отдельные проблемы правового регулирования обязательств, возникающих из столкновения судов в международном морском частном праве: национальный и коллизионный аспект	171
Давлатзода Х. М. К вопросу о функциях гражданского истца по УПК республики Таджикистан.....	177
Комилжонов Р. И. Привлечение учредителя исключенного юридического лица к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве.....	182

Кудряшов Д. В. Экологические деликты как основания гражданско-правовой ответственности	188
Кузнецов Г. Д. Основания освобождения от ответственности продавца и производителя за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги	194
Култаев В. А. Установление вины в публичном деликте, произошедшем в результате сбоя информационной системы.....	200
Кураев Д. Д. Противоправность как условие деликтного обязательства арбитражного управляющего	207
Локтионова Е. В. Юридические аспекты возмещения вреда, причиненного водным объектам	213
Макарова-Землянская А. А. Проблемы доказывания вреда, причиненного с использованием информационных технологий и искусственного интеллекта	218
Москаленко Д. А. Основания компенсации морального вреда, предусмотренные гражданским законодательством: перспективы развития.....	224
Подъяпольская В. А. Проблема определения морального вреда, причиненного лицу	229
Сухова А. В. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей	235
Хрипунов А. И. Роль причинно-следственной связи в составе деликта в предпринимательском праве	241
Яновская Ю. А. Проблемы доказывания причинной связи в токсичных деликтах	247
ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ	252

Вместо предисловия

УДК 340.1

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА М. Ф. МЕДВЕДЕВА В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

Аширбекова М. Т., доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

ABOUT THE IMPORTANCE OF SCIENTIFIC HERITAGE PROFESSOR'S M. F. MEDVEDEV FOR THE TRAINING OF LAWYERS

Ashirbekova M. T., PhD in Law, Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Михаил Федорович Медведев был одним из первых преподавателей гражданского права в Волгоградской следственной школе МВД СССР, о чем хранится память в виде его трудов в библиотеке Волгоградской академии МВД РФ, в музее этого уважаемого учебного заведения. Имея за плечами серьезнейший практический опыт судьи, а также научно-педагогической деятельности, Михаил Федорович Медведев стал также одним из первых профессоров, заложившим основы преподавания цивилистических дисциплин в Волгоградском институте государственной службы, ныне – Волгоградский институт управления РАНХиГС. Много он сделал для подготовки преподавательских кадров, о чем свидетельствует организация его учениками ежегодных конференций, посвященных его памяти и наследию.

В научное наследие Михаила Федоровича Медведева входит много работ, посвященных разным вопросам цивилистики, но, конечно, ключевое место занимают труды о деликтных обязательствах. Данные труды значимы не только при освоении обучающимися дисциплин сугубо цивилистического цикла, они дополняют необходимый круг теоретических источников, используемых в преподавании и других дисциплин.

Прежде всего это касается трудов и идей профессора М. Ф. Медведева по вопросам возмещения государством вреда, причиненного его органами лицу в связи с допущенными незаконными действиями при реализации того

или иного вида публичной деятельности (*ex officio*), в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Профессор М. Ф. Медведев был одним из первых среди ученых юристов, кто привлек внимание к этому вопросу в юридической науке последней трети XX века, то есть задолго до принятия Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., а также принятия Конституции РФ 1993 г., в ст. 53 которой признается юридическая ответственность государства за незаконные действия его органов и их должностных лиц.

Признание деликтоспособности государства за нарушения прав и законных интересов своих граждан, обоснование оснований и условий наступления его юридической ответственности, да еще в тот период исторического развития страны, были в определенном смысле актом смелости в интересах защиты справедливости.

Важно подчеркнуть, что в целом тематика юридической ответственности государства перед личностью за допущенные в отношении последней незаконные действия и решения остается актуальной и сейчас при преподавании правовых дисциплин в ходе подготовки юристов.

Это обусловлено тем, что сама по себе юридическая ответственность государства предопределена основами конституционного строя, в том числе обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ). Понятно, что если есть обязанность, то нарушение таковой является основанием для юридической ответственности. Данное положение характеризует суть отношений между государством и его гражданином, показывает уровень демократичности таких отношений.

Как замечает А. И. Экимов, исторически государство по праву сильного всегда исходило из своих интересов и само устанавливало, когда ему отвечать перед гражданином, а когда нет; долгое время государство несло ответственность перед частным лицом только в тех случаях, когда это было ему выгодно [4]. Но углубляющиеся демократические процессы, ориентация на справедливость во взаимоотношениях государства и личности закономерно приводят к пониманию того, что сильное государство должно функционировать в интересах народа, иначе оно может превратиться из органа, стоящего на службе обществу, в организацию бюрократии, обслуживающей свои собственные интересы [1, с. 6].

Юридическая ответственность государства носит праввосстановительный характер, поскольку заключается в реализации обязанности по возмещению причиненного вреда, а также в восстановлении незаконно нарушенных прав и свобод [2, с. 10].

Импульс, данный профессором М. Ф. Медведевым к изучению оснований и порядка возмещения государством причиненного гражданину вреда, конечно, получил дальнейшее развитие в нормах современного гражданского законодательства, существенно преобразованного «на сломе эпох», то есть с

переходом к новым социально-политическим основам бытия российского общества и государства. Ясно, что в этом плане актуальны положения об общих и специальных основаниях деликтной ответственности, что в обязательном порядке осваивается студентами при изучении курса «Гражданское право».

Надо отметить, что эти положения становятся предметом изучения и, соответственно, преподавания курса «Уголовный процесс». При этом можно выделить три плоскости постижения нормативных положений о деликтном обязательстве, охватывающих: 1) процессуальные условия подготовки разрешения вопроса о возмещении ущерба, причиненного лицу преступлением, то есть гражданского иска в уголовном процессе (это может быть преступление, совершенное гражданином или должностным лицом); 2) процессуальные основания и условия возмещения вреда лицу, за которым признано право на реабилитацию в связи с оправданием и прекращением уголовного дела (преследования) по реабилитирующему основанию; 3) процессуальные условия возмещения лицу вреда, причиненного незаконно примененными мерами процессуального принуждения, но вне процесса реабилитации, то есть без признания права на реабилитацию (ч. 3 ст. 133 УПК РФ).

Иными словами, нормы института обязательств вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ) являются базой и для правовых институтов уголовно-процессуального права, а именно института гражданского иска и института реабилитации.

Профессор М. Ф. Медведев целью реабилитации в уголовном судопроизводстве рассматривал восстановление справедливости, в том числе, в виде возмещения лицу ущерба, причиненного незаконным и необоснованным уголовным преследованием [3].

Значимость его идей выразилась в официальном признании важности реабилитации в уголовном судопроизводстве. Так, УПК РФ 2001 г. включил в себя главу 18 «Реабилитация», где разрешение вопроса о возмещении вреда реабилитированному предполагает в том числе и учет специальных оснований, предусмотренных в гражданском законодательстве, а именно в ст. 1070 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда».

В названной статье применительно к уголовно-процессуальной деятельности перечисляются такие действия как незаконное осуждение, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде. Понятно, что обязанность государства возместить вред в перечисленных случаях наступает вне зависимости от наличия вины в действиях причинителя вреда. Реабилитация в уголовном судопроизводстве – институт смешанный, межотраслевой. Потому вполне понятны положения ст. 1070 ГК РФ применительно к последствиям оправдательного приговора в отношении подсудимого, полной или частичной отмены обвинительного приговора, поскольку названная статья говорит о вреде, причиненном в «результате незаконного осуждения». Понятны положения ст. 1070 ГК РФ и в части указания на при-

чину вреда в виде «незаконного привлечения к уголовной ответственности», поскольку тут имеется в виду прекращение уголовного дела (уголовного преследования), возбужденного незаконно и необоснованно. Но в части незаконно и необоснованно примененных мер пресечения ст. 1070 ГК РФ указывает только два вида последних: заключение под стражу и подписку о невыезде. Получается, что формально для возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда в связи с незаконным применением других мер процессуального принуждения (например, задержания в порядке ст. 91 УПК РФ или домашнего ареста) необходимо доказывать вину субъекта, который осуществляет уголовный процесс. При этом положения ч. 3 ст. 133 УПК РФ содержат общее правило о том, что право на возмещение вреда возникает и при наличии иных незаконно примененных процессуальных мер принуждения, причем к любому лицу, в отношении которого вопрос о реабилитации не был поставлен. Под эту ситуацию дается пояснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», где указывается, что и в иных случаях применения мер уголовно-процессуального принуждения к гражданину вред возмещается государством в соответствии с положениями ст. 15 и 1070 ГК РФ, ст. 133 УПК РФ в полном объеме и независимо от вины субъекта, осуществлявшего производство по уголовному делу. Этим достигается определенная синхронизация норм гл. 18 УПК РФ и норм ст. 1070 ГК РФ. И, тем не менее, думается, что положения ч. 3 ст. 133 УПК РФ должны быть конкретизированы прямым указанием на то, что при отсутствии оснований для реабилитации, вред, причиненный в ходе производства по уголовному делу подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, а также иным участвующим в деле лицам возмещается без необходимости доказывания вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Библиографический список

1. Бутусова Н. В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 58 – 66.
2. Кислухин В. А. Виды юридической ответственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Юрид. ин-т МВД РФ. Москва, 2002. 26 с.
3. Медведев М. Ф., Медведева Т. М. Законность и социальная справедливость при возмещении вреда реабилитированному // Проблемы демократизации предварительного следствия. Сборник научных трудов / Редкол.: Будников В. Л., Глазырин Ф. В. (Отв. ред.), Закатов А. А., Коржанский Н. И., Очередин В. Т. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1989. С. 58 – 65.
4. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. («Круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. 2000. № 3. С. 29 – 30.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 347.51

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ КЛИМАТА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДЕЛИКТОВ

Анисимов А. П., доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются современные климатические угрозы и роль государства и права в их преодолении. Выявляется перечень правовых гарантий, направленных на смягчение последствий изменения климата, которые должны быть реализованы органами экологического управления. Отмечается, что механизм возмещения вреда, причиненного изменениями климата и обусловленных этим природных явлений (стихийных бедствий), не отработан ни в России, ни в других странах мира, ввиду невозможности доказывания причинно-следственных связей между деятельностью ответчика, изменением климата и причиненным вредом. Намного более перспективной будет другая стратегия защиты экологических прав граждан, связанная с обжалованием действий (бездействия) правительств по разработке нормативно-правовых актов или иных мер, направленных на смягчение последствий от изменения климата или адаптации к ним.

Ключевые слова: вред, климат, деликт, парниковые газы, здоровье.

MODERN PROBLEMS OF CLIMATE PROTECTION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF ENVIRONMENTAL TORTS

Anisimov A. P., PhD in Law, Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article discusses modern climate threats and the role of the state and law in overcoming them. The list of legal guarantees aimed at mitigating the effects of climate change, which should be implemented by environmental management bodies, is revealed. It is noted that the mechanism of compensation for damage caused by climate change and the resulting natural phenomena (natural

disasters) is not implemented either in Russia or in other countries of the world, due to the impossibility of proving causal links between the defendant's activities, climate change and the harm caused. Another strategy for protecting the environmental rights of citizens will be much more promising, related to appealing the actions (inactions) of the government to develop regulatory legal acts or other measures aimed at mitigating the effects of climate change or adaptation to them.

Keywords: harm, climate, tort, greenhouse gases, health.

Проблема глобального изменения климата имеет большое число самых разных аспектов. Само по себе ежегодное увеличение среднегодовых температур не вызывает особых сомнений и фиксируется станциями экологического мониторинга во всем мире. Однако относительно причин этого явления есть разные точки зрения. Одни ученые полагают, что причиной является выброс парниковых газов [2, с. 3-5]. Другие считают изменения климата естественным природным явлением, не зависящим от антропогенной деятельности человека [1, с. 124].

На уровне правительств ведущих стран мира сложился определенный консенсус относительно необходимости уменьшения выбросов парниковых газов, были приняты Киотский протокол и Парижское соглашение по климату 2015 г., направленные на снижение выбросов парниковых газов и заложившие механизм торговли квотами на них. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» и ряд указов Президента, посвященных реализации Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств. Однако в базовом экологическом законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. климат не упоминается как объект правовой охраны. Между тем, не смотря на столь противоречивое регулирование охраны климата, число природных аварий и катастроф растет, равно как и тенденций опустынивания и таяния вечной мерзлоты. От всех этих объективно существующих явлений невозможно отмахнуться, тем более что из-за них причиняется вполне конкретный вред жизни, здоровью и имуществу граждан (имуществу юридических лиц). В этой ситуации возникает вопрос о том, кто именно должен возмещать вред, причиненный гражданам вследствие изменения климата, когда конкретный причинитель вреда не очевиден или вообще отсутствует.

Общая теория обязательств вследствие причинения вреда (в том числе применительно к экологическим деликтам) предусматривает обязательное наличие вреда; противоправность действий (бездействий) причинителя вреда; причинную связь между противоправными действиями (бездействиями) и вредом, и, как правило, вину лица, причинившего вред (хотя из последнего правила есть ряд исключений). Общее определение экологического вреда (вреда окружающей среде) сформулировано в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»: это негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Между тем, экологический вред может выражаться не только в причинении вреда окружающей

среде, но и жизни, здоровью, имуществу гражданина (имуществу юридического лица), в также в причинении морального вреда. Соответственно, необходимо различать первичный вред (окружающей среде) и вторичный вред (жизни, здоровью и имуществу граждан).

Применительно к случаям, когда причинитель вреда известен, гражданское и экологическое законодательство подробно регламентируют, как общие принципы возмещения вреда (необходимость его полного возмещения, особенности ответственности владельца источника повышенной опасности), равно как и специфику расчета возмещения вреда окружающей среде по таксам и методикам [3]. Однако механизм возмещения вреда, причиненного стихийными (природными) катастрофами, вызванными выбросами парниковых газов и обусловленного этим изменениями климата, в России и других странах мира отсутствует. Тем не менее, в США уже неоднократно предпринимались попытки привлечения к деликтной ответственности предприятий, осуществляющих выбросы парниковых газов. Суды, однако отказывали в удовлетворении заявленных требований, поскольку невозможно доказать причинно-следственную связь между выбросами отдельно взятого предприятия и изменениями климата, и, уж тем более, с природными катастрофами и стихийными бедствиями [6, с. 167-169].

Кроме того, суды указывали, что предъявленные иски не соответствовали принципу разделения властей, поскольку истцы предлагали федеральным судам США рассмотреть широкие вопросы национальной энергетической и экологической политики, которые зарезервированы для других ветвей власти – законодательной и исполнительной. Поэтому суды не могли исправить многолетнюю неспособность Конгресса и органов исполнительной власти адекватно реагировать на накопление CO₂ в атмосфере. Помимо вопросов разделения властей, одной из проблем, на которую часто ссылались в качестве основания для отказа в удовлетворении исков граждан, связанных с климатом, являлась неразвитость судебной экспертизы при решении вопросов, связанных с климатом. Эти проблемы наиболее остры в случаях, когда возникают вопросы о причинно-следственной связи, например, вызвали ли выбросы парниковых газов ответчиком ущерб, понесенный истцом, и повлияло ли это на увеличение вероятности возникновения разрушительного урагана. Все чаще климатологов просят перевести научные доктрины о связи экстремальных погодных явлений с изменением климата в правовую плоскость для судов, рассматривающих вопросы причинно-следственной связи, что вызывает большую сложность в связи с неоднозначностью проблемы [7, с. 30]. С ускорением изменения климата растет число дополнительных потерь, связанных со стихийными бедствиями, для которых правовая система не предусматривает адекватных мер правовой защиты [8, с. 103-104]. Их можно назвать косвенные, «неэкономические потери». Как оценить в денежной форме потерю семьей дома, который вместе с островом скрылся под водой из-за роста уровня Мирового океана, или утрату культурной самобытности? На эти и многие другие вопросы законодательство и судебная практика не дают убедительного ответа.

Существует и другая тенденция развития зарубежной судебной практики по вопросам климата, связанная уже не с требованиями о возмещении вреда (в натуре или денежной форме), а об оспаривании действий (бездействия) правительства, а также региональных органов власти соответствующей страны, по разработке эффективных национальных мер по уменьшению выбросов парниковых газов, и исполнению тем самым взятых на себя международных обязательств по Парижскому соглашению по климату 2015 г. Отдельной тенденцией последних лет является выступление по таким спорам в качестве истцов различных социально уязвимых групп населения, экологические права которых подвержены наибольшим угрозам из-за бездействия правительства. Так, в 2003 г. были проведены исследования, где изучалась связь между изменением климата, недавним жарким летом и последствиями для здоровья, особенно преждевременной смертностью. Чрезвычайно жарким летом 2003 г. по всей Европе было зарегистрировано 70 000 дополнительных смертей по сравнению с любым другим летом. В Швейцарии число погибших на 6,9 % превысило средний показатель. Эти случаи смерти не были случайным образом распределены среди всех категорий населения, и оказали непропорционально сильное воздействие на пожилых людей в возрасте от 75 до 85 лет. При этом выяснилось, что женщины пострадали больше, чем мужчины, и больше всего пострадали пожилые женщины с респираторными заболеваниями. Однако возросшее количество смертей во время жары невозможно объяснить простой преждевременной смертью серьезно больных людей.

Причинно-следственная связь между изменением климата, которое бесспорно уже происходит, и преждевременной смертностью, была весьма вероятна. Это обусловило иск ассоциации пожилых женщин к правительству Швейцарии, с целью заставить последнее предпринять более амбициозные действия по защите людей от вреда, причиняемого изменением климата [4, с. 196-204].

Другой вариант защиты в суде климатических прав человека уязвимыми национальными или социальными группами (то есть находящимися под особой угрозой) наиболее ярко представлен исками коренных малочисленных народов.

Так, индейское племя инуитов, проживающее в штате Аляска (США), попыталось установить в суде связь между нарушениями прав человека, экологическим ущербом, с которым они сталкивались, и выбросами конкретных компаний или штатов. В 2005 г. они также подали петицию в Межамериканскую комиссию по правам человека с просьбой обеспечить смягчение последствий изменения климата, усугубляемого действиями (бездействием) властей США. И хотя суд отказал им в иске, данное судебное разбирательство позволило положить конец восприятию экологических проблем вне контекста прав человека. Еще один подобный судебный спор касался деревни Кивалина (США), где местная община также оказалась под угрозой, поскольку ей угрожало таяние арктического морского льда и утрата, в связи с

этим, традиционного образа жизни. Данная община коренных народов предъявила в суде иск к компании Exxon Mobil в связи с потерей культурного наследия и территориальной целостности, обусловленных изменением климата. Однако в иске им было отказано. Но даже если правительство США и потратит необходимые 400 млн. долларов, требуемых для переселения жителей этой и других деревень, их земля, религиозные и культурные права будут безвозвратно утрачены, поскольку жизнь большинства коренных народов неразрывно связана с географическим районом, который они занимают [5, с. 226].

В некоторых международных документах (например, п. 19 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2018 г. «Охрана глобального климата в интересах нынешнего и будущих поколений человечества») перечень групп населения, наиболее уязвимых в связи с изменением климата, дополняется «женщинами и девочками», которые «часто больше других страдают от последствий изменения климата вследствие гендерного неравенства и того, что для многих женщин природные ресурсы являются источником средств к существованию». Это означает, что данная группа лиц также может защищать свои климатические права в суде, если докажет свою «особую уязвимость» из-за изменений климата.

Из приведенного обзора следует, что в настоящий момент рассматриваемые в судах многих зарубежных стран «климатические дела» делают основной акцент не на возмещении вреда, а на понуждении правительств принимать решения (действия) по защите прав человека, разрабатывать нормативные акты, ужесточающие требования и ответственность хозяйствующих субъектов за выбросы парниковых газов. Это обусловлено тем, что при современном уровне развития науки (в том числе юридической) доказать причинно-следственную связь между выбросами отдельно взятого предприятия и изменением климата (в целом на Земле или в отдельной местности) невозможно. Все известные попытки предъявления подобных исков в США и других странах не дали результата.

Между тем, из этого совершенно не следует, что государство и право бессильны перед климатической угрозой. Существует множество инструментов государственного экологического управления, которые не используются в полную силу либо находятся в стадии становления. В случае их эффективного применения можно рассчитывать на смягчение последствий негативного воздействия человека на окружающую среду и климат. Если говорить о России, то в их числе – механизм нормирования выбросов в атмосферный воздух, принятие специального закона о дополнительных требованиях к охране атмосферного воздуха в некоторых экологически неблагоприятных регионах (Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного возду-

ха)), принятие отдельного закона, посвященного ограничению выбросов парниковых газов (Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»). С другой стороны, предусмотрен комплекс мер по борьбе с лесными пожарами и лесовосстановлению (главы 3,4 ЛК РФ), развитие сети особо охраняемых природных территорий.

В качестве отдельной природоохранной меры можно выделить закрепление в российском законодательстве как «ординарных» требований к обычным источникам повышенной опасности, так и разработку «дополнительных» экологических требований, запретов и ограничений к опасным производственным объектам, подпадающим под действие норм Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (на указанные в приложении к этому закону объекты распространяется ряд дополнительных экологических обязанностей – разработка деклараций промышленной безопасности, проведение экспертизы, страхование ответственности и т.д.). Применительно к отдельным секторам экономики перечень условий реализации и средств защиты климатических (экологических) прав граждан и юридических лиц может содержать и ряд дополнительных гарантий. Например, в связи с изменением климата и засухой фермеры и другие сельскохозяйственные товаропроизводители часто несут убытки. Чтобы смягчить эти негативные последствия, предусмотрена процедура их государственной страховой поддержки, сформулированная в Федеральном законе от 25.07.2011 № 260-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». Кроме того, действуют механизмы выплаты компенсаций пострадавшим от стихийных бедствий, предусмотренные ст. 24 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Таким образом, гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного изменением климата жизни, здоровью и имуществу граждан (имуществу юридических лиц), в настоящий момент не работает в силу ряда объективных и субъективных причин, однако российское государство предпринимает ряд нормативных мер по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, осуществляет меры поддержки наиболее уязвимых категорий субъектов.

Библиографический список

1. Гагарин В. Г. Выступление в феврале 2010 г. в Центральном доме ученых на заседании секции права по теме «Влияет ли право на изменение климата?». Цит. по: Золотова О. А. Влияет ли право на изменение климата? // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 119 – 124.

2. Никонов Р. В. Развитие правового регулирования в сфере предупреждения изменения климата в России, Германии и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 32 с.

3. Ребиков И. Ю. Возмещение вреда, причиненного природным объектам и комплексам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 31 с.

4. Bähr C. C., Brunner U., Casper K., Lustig S. H. KlimaSeniorinnen: lessons from the Swiss senior women's case for future climate litigation // *Journal of Human Rights and the Environment*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 194 – 221.

5. Davies K. et al. The Declaration on Human Rights and Climate Change: a new legal tool for global policy change // *Journal of Human Rights and the Environment*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 217 – 253.

6. Gerhart M. Climate change and the endangered species act: the difficulty of proving causation // *Ecology Law Quarterly*. 2009. Vol. 36. P. 167 – 199.

7. Peel J., Osofsky H. M. Climate Change Litigation // *Annual Review of Law and Social Science*. 2020. Vol. 16. P. 21 – 38.

8. Telesetsky A. Climate-Change Related “Non-economic Loss and Damage” and the Limits of Law // <https://www.lossanddamagecollaboration.org/stories/climate-change-related-non-economic-loss-and-damage-and-the-limits-of-law> (дата обращения: 20.02.2022).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИСПАНИИ

Артамонникова С. В., нотариус Камышинского района
Волгоградской области, г. Камышин

Аннотация. Статья посвящена ответственности нотариуса за неправомерность своих действий на примере законодательства Российской Федерации и Испании. Выявлены моменты, требующие более детального изучения. Сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации, касающегося механизма ответственности нотариуса. Предложены свои варианты решения данной проблемы.

Ключевые слова: ответственность, нотариальная деятельность, страхование, возмещение.

NOTARY'S RESPONSIBILITY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SPAIN

Artamonnikova S. V., notary of the Kamyshinsky district
of the Volgograd region, Kamyshin

Abstract. The article is devoted to the responsibility of a notary for the illegality of his actions on the example of the legislation of the Russian Federation and Spain. As a result of the study, the points requiring a more detailed study were identified. Conclusions are drawn about the need to improve the legislation of the Russian Federation concerning the mechanism of notary responsibility. Their own solutions to this problem are proposed.

Keywords: liability, notary activity, insurance, compensation.

Вопрос о деликтной ответственности нотариуса в гражданско-правовом обороте достаточно дискуссионный. Начиная от понимания того, подпадает ли ответственность нотариуса под деликтные обязательства, до порядка возмещения за ошибку.

Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, Основами законодательства о нотариате защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Таким образом, очевидно, что нотариус осуществляет публично-правовые функции, действуя от имени государства. В ст. 17 Основ законодательства о нотариате содержатся основополагающие моменты ответственности нотариуса и закреплено, что нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную от-

ветственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона [1]. При этом нотариус, занимающийся частной практикой, несет ответственность за реальный ущерб, причиненный неправомерным отказом в совершении нотариального действия, а также разглашением сведений о совершенных нотариальных действиях. Возмещение убытков вследствие неправомерных действий нотариусов может осуществляться несколькими способами: во-первых, посредством выплаты страхового возмещения на основе страхования гражданской ответственности нотариуса; во-вторых, путем коллективного страхования гражданской ответственности среди нотариусов конкретного региона; в-третьих, уплатой компенсации за счет личного имущества нотариуса; и, в-четвертых, за счет компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты РФ.

Сумма страхового возмещения, первого из указанных способов, определена законодательством в 1,5 миллиона рублей для сельских нотариусов; и в 2 миллиона рублей для городских нотариусов и в 5 миллионов рублей для нотариусов, удостоверяющих договоры ипотеки. В основном, большинство нотариусов заключают договор с суммой страховой премии в 5 миллионов рублей. Многие нотариусы добровольно увеличивают эту сумму, но это не является обязательным. Второй способ гражданско-правовой ответственности состоит в возмещении недостающей суммы за счет коллективного страхования региональной нотариальной палаты. Затем, при необходимости, нотариус отвечает своим имуществом, и, если этих средств бывает недостаточно, то появляется возможность обратиться к средствам компенсационного фонда Федеральной Нотариальной Палаты РФ.

В юридической литературе высказано мнение в отношении того, что законодательство содержит достаточно узкую классификацию действий нотариуса, в отношении неправомерности которых может наступить страховой случай. Поскольку, совершенно не ясно, что делать, если нотариус совершил деяние, которое не подпадает ни под одно из следующих деяний: (1) необоснованный отказ в совершении нотариальных действий; (2) совершение нотариальных действий, противоречащих законодательству РФ; и (3) разглашение сведений о совершении нотариальных действий. То есть возможны такие действия нотариуса, которые были вызваны его некомпетентностью, ошибками, допущенными лицами, обратившимися к нотариусу (например, предоставление ложной информации или ее искажение), а также невнимательностью нотариуса в ходе исполнения своей работы. Об этом ничего не сказано в нормативно-правовых актах, регулирующих нотариальную деятельность. Поэтому решение подобной проблематики, в том числе, и возмещения вреда в этих случаях, остается актуальной и злободневной [3, с. 91]. Более того, несмотря на устоявшийся термин «нотариальные услуги», фактически нотариальная деятельность имеет особый статус и не является предпринимательской, не преследует цели извлечения прибыли, в связи с чем, воспользоваться положениями законодательства о защите прав потребителей, в том числе по возмещению убытков, не представляется возможным.

Действительно, с одной стороны, многоступенчатый порядок ответственности нотариуса создает определенный задел для понимания того, что в любом случае пострадавшая сторона получит возмещение, но при решении этого вопроса может возникнуть определенные трудности, связанные как с признанием соответствующей ситуации страховым случаем, так и с порядком и сроками такого рода возмещения.

Сравнивая полномочия нотариусов России и Испании можно увидеть, что в Испании нотариус наделен более широким спектром полномочий от примитивного свидетельствования верности копий документов до оформления кредита. Очень много нотариальных действий переведены в цифровой формат. Трансформация такого направления (электронного документооборота) началась в этой стране еще в 1999 году. В России же знаковым периодом в этом направлении стал только 2019 год. Наглядно разницу по полномочиям нотариусов в сфере электронного документооборота можно увидеть в следующих схемах.

Схема № 1

Деятельность нотариусов Испании регламентируется Нотариальным положением от 02.06.1944 (Reglamento Notarial, aprobado por Decreto de 2 de junio de 1944) (далее по тексту – Положение) [2]. Раздел III этого акта определяет порядок возмещения ущерба, понесенного неправомерными действиями нотариуса. Основные направления компенсационных аспектов заключается в двух юридических действиях: во-первых, заключение договора страхования; и, во-вторых, внесение залога.

В ст. 25 Положения сделан акцент на то, что страхование гражданской ответственности предназначено для покрытия таких обязательств, которые могут быть понесены нотариусом при исполнении им своих обязанностей. Сумма для определения страхового возмещения не едина, она определяется после слушаний Генерального совета нотариусов, который определяет минимальные условия страхования гражданской ответственности. Однако Генеральный совет нотариусов может обоснованно обратиться в Главное управление реестров и нотариусов с просьбой об изменении этих условий. Этот административный орган должен в течение одного месяца прямо вынести решение по такому заявлению о внесении изменений.

Дополнительная обеспечительная мера нотариальной деятельности в качестве залога, согласно испанскому законодательству сильно отличается от

аналогичных положений российского законодательства. Размер этой суммы установлен в ст. 26 Положения и составляет 1500 евро, за исключением случаев, когда речь идет о населении более одного миллиона человек, и в этом случае он составляет 3000 евро, сумма которого может быть обновлена Главным управлением реестров и нотариусом после слушания Генерального совета нотариусов. Предмет залога тоже детально регламентирован в Положении. Он может быть предоставлен в виде облигаций (государственных долговых ценных бумаг) или под залог деревенских или городских поместий самим нотариусом или третьей стороной.

Срок, в который нотариус, виновный в причинении ущерба, должен возместить сумму компенсации составляет 1 (один) месяц. Контроль за исполнением лежит на Главном управлении реестров и нотариусов.

По истечении срока, если должник не удовлетворил необходимую сумму возмещения, Главное управление реестров и нотариусов отдает распоряжение о блокировании и приведении в исполнение залога. Если его сумма достаточна для погашения нанесенного ущерба Главное управление принимает необходимые меры для ее погашения. При этом нотариус-должник получает уведомление о том, что если размера залога будет недостаточно, то его деятельность будет приостановлена, в силу ст. 14 Положения. Если такой факт подтверждается, то Главное управление объявляет об отсутствии залога и приостановлении работы нотариуса с примечанием в протоколе. Такое приостановление не будет отменено до тех пор, пока не будет полностью погашена задолженность и не будет возвращен залог (ст. 30 Положения).

Размер залога по согласованию с Главным Управлением может быть изменен, а его возврат производится путем письменного обращения самого нотариуса, или его наследника, или судебных органов по заявлению заинтересованных лиц к территориальному руководству Коллегии нотариусов (*Junta Directiva del Colegio Notarial*), к которому прикреплен нотариус. Соответствующее Правление Коллегии нотариусов, в соответствии со ст. 30 Положения, приобщает к делу отрицательное или положительное свидетельство. Содержание этого документа зависит от обстоятельств. В нем могут быть зафиксированы или факт отсутствия нарушений или наоборот – нарушения правил, недостатки, которые отмечаются в протоколах соответствующего нотариуса, а также факты обнаружения имущества, определенного, как средство обеспечительного характера.

Возврат нотариального залога происходит по истечении пятнадцатилетнего срока после прекращения деятельности нотариуса без предъявления претензии.

Таким образом, анализируя ответственность нотариуса в законодательстве Испании и России можно прийти к выводу, что нотариат Испании содержит более конкретные сроки возмещения убытков, выплата которых происходит, в том числе, в упрощенном порядке, без долгих судебных разбирательств и бумажных волокит. А вот сумма страхового возмещения индивидуальна, в зависимости от объема работы, места осуществления деятельности и других факторов, что, соответственно, также является показателем того, что

расходы, понесенные вследствие ошибки нотариуса, будут покрыты в полном составе. Срок обеспечительной меры в 15 (пятнадцать) лет дает дополнительный приоритет в понимании того, что, даже, сложив полномочия или прекратив деятельности по каким-либо другим причинам, залог нотариуса останется как обеспечительная сумма его деятельности (в том числе, не правомерных действий) в течение этого периода.

Анализируя опыт нотариата России и Испании в сфере ответственности по обязательствам нотариусам, причинении ущерба (вреда), можно сделать следующие выводы. Отечественная практика выплаты страхового возмещения в качестве меры ответственности за вред, причиненный неправомерными действиями нотариуса, явно проигрывает тому, что установлено в Испании, и по критерию достаточности выплат, и по оперативности осуществления возмещения.

В российской нотариальной практике такой способ, сводится к тому, что его реализация будет возможной только на основании решения суда или решению страховой компании, которая, как правило, отправляет клиента в суд. Поэтому, на мой взгляд, надо, помимо страхования, предусмотреть еще и альтернативный способы разрешения такой ситуации. К ним можно бы было отнести, во-первых, заключение с клиентом компенсационного соглашения, в котором будет прописана ответственность нотариуса, в случае совершения конкретных правонарушений (например, при указании неверных сведений). Ответственность может заключаться в условии о внесении изменений в нотариальный документ, либо в изготовлении нового документа за счет нотариуса. Подобное решение обусловит правильное понимание клиентами ответственности нотариуса, закрепит в документальном (наглядном) выражении порядок реализации их прав. Во-вторых, создание компенсационного фонда региональной нотариальной палатой. В этом случае такой фонд должен будет принимать оперативное решение по выплате компенсации, например, на основе деятельности комиссии по этике совместно с бюджетной комиссией. Организация и функционирование фонда должна быть включена в корпоративные программы развития региональных нотариальных палат России. Подобная мера позволит в досудебном порядке разрешать конфликтные ситуации, связанные с ответственностью нотариусов, но и создаст еще один способ обеспечения правомерности деятельности нотариата РФ в целом. В-третьих, ввести дифференциацию суммы страхового возмещения в зависимости от нотариального округа и валового дохода нотариуса.

В преддверии 2020 года, Государственная Дума РФ отклонила законодательную инициативу по внесению изменений в ст. 8.1 ГК РФ об обязательной нотариальной форме сделок с недвижимостью, пояснив, что эта мера преждевременная, в связи со слабым проработанным сегментом нотариальных тарифов и ответственности нотариуса. На наш взгляд, вышеперечисленные меры как раз и позволят конкретизировать меры ответственности нотариуса и будут способствовать реализации заложенных в указанном законопроекте инициатив.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 26.03.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 09.05.2022).

2. Королевский указ 45/2007 от 19 января 2007 г. «О внесении изменений в регламент организации и режима нотариуса», утвержденный Указом от 02.06.1944. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2007-1810 (дата обращения: 08.05.2022).

3. Лисица А. А. Правовой анализ и проблемы ответственности нотариуса в РФ // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 3. № 4(21). С. 90 – 92.

4. Официальный сайт Правительства Министерства Юстиции Испании. URL: <https://www.renovarpapeles.com/www-mjusticia-gob-es-sitio-web-del-ministerio-de-justicia/> (дата обращения: 08.05.2022).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ НА ДОСУДЕБНОЙ
СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Батурина Н. И., кандидат юридических наук, доцент,
Котельников Н. В., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. В статье предпринята попытка разрешить проблемные ситуации, связанные с возмещением вреда, причиненного несовершеннолетним преступником на досудебной стадии. Предлагается, в случае, когда не представляется возможности фактически возместить потерпевшему вред, причиненный преступлением несовершеннолетнего лица, то из созданных государственных фондов выделять денежные средства на его возмещение. Кроме того, к субсидиарной ответственности при возмещении вреда, совершенного несовершеннолетним, рекомендуется привлекать не только законных представителей, но и иных лиц, на воспитании у которых они фактически находятся.

Ключевые слова: возмещение вреда, деликтные обязательства, гражданский иск, досудебная стадия, гражданский истец, гражданский ответчик, субсидиарная ответственность.

**CURRENT PROBLEMS OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED
TO MINORS AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL
PROCEEDINGS**

Baturina N. I., PhD in Law, Associate Professor,
Kotelnikov N. V., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article makes an attempt to solve problem situations related to compensation for harm caused by juvenile delinquent at pre-trial stage. It is offered, if it is not possible to actually compensate to the victim the harm caused by a juvenile delinquent, then from the created state funds to allocate money for its compensation. Besides, it is recommended to involve not only legal representatives, but also other persons who actually take care of them to subsidiary liability for compensation for harm done by a minor.

Keywords: reparation of harm, tort obligations, civil action, pre-trial stage, civil plaintiff, civil defendant, subsidiary liability.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними лицами – явление нередкое для современного общества не только в Российской Федерации, но и за ее пределами. Несовершеннолетний, становясь участником таких отно-

шений, нарушает не только нормы уголовного законодательства, но и нормы гражданского законодательства в том числе, поскольку при совершении им таких деяний, как преступления против личности, против свободы чести и достоинства, преступления в сфере экономики причиняется еще и имущественный и (или) моральный вред потерпевшему. Несмотря на то, что преступление является общественно опасным деянием, вместе с тем, для потерпевшей стороны важнее всего, чтобы было восстановлено его имущественное положение, существовавшее до совершения преступления, была произведена компенсация морального вреда, тех нравственных и душевных страданий, которые пришлось пережить в результате совершенного преступления. Возмещение причиненного ущерба возможно как в результате добровольного возмещения вреда подозреваемым или обвиняемым, так и привлечения последних в качестве гражданских ответчиков, если в добровольном порядке возместить вред потерпевшему не представилось возможным. Следователем или дознавателем, должны быть предприняты все возможные способы, направленные на возмещение вреда, причиненного потерпевшему на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Подобные действия будут способствовать реализации конституционной гарантии о компенсации потерпевшим причиненного ущерба и одновременно, будет выполняться одна из важных задач предварительного расследования – доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением. Вред, причиненный имуществу или личности физического лица или имуществу юридического лица, должен быть возмещен делинквентом в полном объеме (п. 1 ст. 1064 ГК РФ) [1], а именно, при этом, будет учитываться не только реальный ущерб, но и упущенная выгода, которую потерпевший мог бы получить, если бы в отношении него или его имущества не было совершено преступление (п. 2 ст. 15 ГК РФ) [2].

Применение предъявления по уголовному делу гражданского иска по возмещению вреда, причиненного преступлением несовершеннолетним лицом в правоприменительной деятельности органов следствия и дознания, не всегда оправдывается в последующем, несмотря на то, что с процессуальной точки зрения, уполномоченные на то лица, предприняли все необходимые действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. В большинстве случаев, ответчиком по уголовному делу, когда ставится вопрос о возмещении вреда, признается лицо, подозреваемое или обвиняемое в преступлении. Когда преступление совершено несовершеннолетним, круг участников по возмещению вреда может быть расширен. Объясняется это тем, что на момент предъявления гражданского иска, у несовершеннолетнего ответчика отсутствует имущество или оно недостаточно для возмещения причиненного им вреда. Тогда, в подобных ситуациях применяются правила субсидиарной ответственности, адресованной к законным представителям несовершеннолетнего преступника. К таковым гражданское законодательство относит родителей, попечителей и усыновителей (п. 1 ст. 26 ГК РФ). Гражданское законодательство предусматривает самостоятельную ответственность несовершеннолетнего за причиненный им вред, начиная с четыр-

надцатилетнего возраста (п. 1 ст. 1074 ГК РФ), который является отправной точкой для наступления уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления. Однако, как правило, подросток в этом возрасте не обладает в достаточном объеме денежными средствами или имуществом, чтобы возместить убытки потерпевшему. Для решения подобной проблемы законодатель вроде бы как предусмотрел последующий алгоритм действий – привлечение законных представителей подростка, а если таковые отсутствуют, то организацию, в которой он содержался из-за отсутствия попечения родителей (п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Вместе с тем, положение п. 2 ст. 1074 ГК РФ делает некую оговорку, если будет доказано отсутствие вины законных представителей или организации, в которой содержится несовершеннолетний, в том, что их подопечный причинил вред (в данном случае речь идет о причинении вреда в результате совершенного преступления), то они освобождаются полностью или от недостающей части по возмещению такого вреда. Отсутствие вины указанных лиц, возможно, как правило, лишь в том случае, когда они надлежащим образом исполняли возложенные на них законом обязанности по воспитанию несовершеннолетних и осуществляли надлежащий надзор за подопечными. Родитель несовершеннолетнего, проживающий отдельно от него, наравне несет ответственность с тем родителем, который проживает совместно с ребенком. Вместе с тем, не исключена ситуация, когда отдельно проживающий родитель по вине другого родителя был лишен возможности принимать участия в воспитании и развитии ребенка, тогда при постановке вопроса о возмещении вреда, по усмотрению суда, такой родитель может быть освобожден от ответственности от совершеннолетнего. Соответственно, вся ответственность будет возложена на родителя, совместно проживающего с подростком, совершившим преступление, у которого не всегда может быть в достаточном количестве имущества, необходимого для восстановления имущественного положения потерпевшего, существовавшего до совершения преступления.

В такой и иных подобных ситуациях незащищенной стороной остается потерпевший, который с одной стороны признан гражданским истцом, но в то же время, реально отсутствует лицо, которое могло бы возместить причиненный ущерб.

Гражданское законодательство предусматривает возможность привлечения родителей, лишенных родительских прав к участию в возмещении вреда, причиненного несовершеннолетним при совершении им преступления, поскольку их поведение, выражающееся в ненадлежащем исполнении ими родительских прав, послужило следствием такого поведения подростка. Закон устанавливает временные рамки, в течение которых возможно применение положения ст. 1075 ГК РФ – не более трех лет, с момента лишения родителей родительских прав. Приведенное правило привлечения родителей к участию в возмещении вреда, причиненного преступлением несовершеннолетнего, является еще одной причиной, по которой реальной невозможности потерпевшему получить возмещение за вред, причиненный деянием несовершеннолетним нет. Лица, лишенные родительских прав, как правило, ведут

асоциальный образ жизни: злоупотребляют алкогольными напитками или наркотическими веществами, не имеют постоянного места работы, в связи с чем, не в состоянии возместить вред, который был причинен в результате противоправных действий их несовершеннолетним ребенком. В подобной ситуации, потерпевший так же не сможет получить реального возмещения вреда, причиненного преступлением несовершеннолетнего.

Приведенные примеры показывают, что основными проблемами, которые служат причиной «неудовлетворительной работы по обеспечению возмещения потерпевшим имущественного вреда по-прежнему остается несовершенство законодательства, не позволяющего оперативно обнаруживать имущество и денежные средства, за счет которых это возмещение должно осуществляться. Кроме того, при возмещении причиненного преступными действиями материального ущерба возникает ряд проблем, связанных с материальными возможностями подозреваемых (обвиняемых) лиц. В первую очередь это неплатежеспособность лиц, совершивших имущественные преступления, вследствие отсутствия у них работы, заработка или иного дохода, имущества, которым они могут в добровольном порядке возместить ущерб» [3, с. 81]. Соответственно, совершенные преступления несовершеннолетними не влекут за собой обязательства виновного лица по возмещению вреда в реальной действительности, потерпевший остается незащищенным и уязвимым.

Для устранения указанной проблемы, со стороны государства могут быть предприняты меры по устранению существующих таких уязвимых ситуаций. Думается, что наиболее оптимальным решением, является создание специального государственного фонда, денежные средства которого могли бы выделяться той категории потерпевших по уголовным делам, которые в силу очевидных обстоятельств не могут получить реального возмещения от лиц, совершивших преступление, как на примере с несовершеннолетним преступником. Вместе с тем, нельзя рассматривать создание такого фонда, как способ освобождения несовершеннолетнего преступника от имущественной ответственности. Фонд в порядке регресса вправе обратиться к несовершеннолетнему по достижению им восемнадцатилетнего возраста или в случае до достижения указанного возраста появления у него доходов или имущества о взыскании суммы, которая была предоставлена фондом потерпевшему для возмещения вреда, причиненного подростком преступлением. Сумму, которую несовершеннолетний должен возместить фонду должна исчисляться с учетом инфляции, если таковая имела место в тот период времени: с момента выплаты денежных средств потерпевшему до того момента, с которого у несовершеннолетнего возникает обязанность имущественного характера перед фондом.

Не редки случаи, когда несовершеннолетнего воспитывают лица, не являющиеся законными представителями. Это могут быть близкие родственники – дедушки, бабушки, полнородные и неполнородные совершеннолетние братья и сестры, а также тети и дяди и иные родственники. Если гражданское законодательство напрямую связывает тот факт, насколько «правильно» за-

конные представители выполняют возложенные на них обязанности по воспитанию детей и как это отражается на их поведении, повлекшим причинение вреда третьим лицам и последующее их привлечение к субсидиарной ответственности, то было бы справедливо и разумно применить указанное правило и в отношении тех лиц, которые не обладают статусом законного представителя, но принимают активное участие в воспитании несовершеннолетнего. Признание на законодательном уровне за фактическими воспитателями указанной выше субсидиарной обязанности, позволило бы следователям (дознателям) привлекать к участию в досудебной стадии уголовного судопроизводства таких лиц в качестве гражданского ответчика. Это способствовало бы не только увеличению гарантий потерпевшему при возмещении вреда, причиненного преступлением несовершеннолетним лицом, но и когда деликтные обязательства, в которые вовлечен несовершеннолетний, возникают вне уголовно-процессуальных отношений.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Селедникова О. Н. Некоторые проблемы возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, на стадии предварительного расследования // Административное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 80 – 85.

**ТРЕБОВАНИЕ О ВЫПЛАТЕ КОМПЕНСАЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Вольфсон В. Л., кандидат юридических наук
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Выплата компенсаций за нарушение исключительного права рассматривается в работе как один из видов деликтной ответственности. Приводя свои доводы в обоснование восстановительной направленности компенсаций, автор также видит свою задачу в том, чтобы показать их существенные отличия от возмещения убытков и предложить соответствующее решения по усовершенствованию законодательства.

Ключевые слова: природа компенсаций за нарушение исключительного права; осуществление гражданских прав; защита гражданских прав; деликтная ответственность.

**COMPENSATION CLAIM FOR AN INFRINGEMENT
OF THE EXCLUSIVE RIGHT IN INTELLECTUAL PROPERTY:
THE CONTEXT OF THE RUSSIAN TORTIOUS LIABILITY DOCTRINE**

Volfson V. L., PhD in Law
North-West Institute of Management – branch of RANEPА, Saint-Petersburg

Abstract. According to the author, compensation claim for violations of exclusive rights would best be discussed as a specific kind of the tort. While arguing in favor of the restorative theory of this legal remedy, he offers a view on its nature that allows seeing its distinctions from claim for damages. The proposals as to a relevant amendment of the current law are also provided.

Keywords: exercise of rights, compensation for an infringement of exclusive right; protection of rights; tortious liability.

Выявление природы компенсаций, как способа защиты нарушенного гражданского права, давно выделилось в самостоятельную область цивилистической дискуссии. Для придания этой полемике плодотворности целесообразно ввести её в смысловое поле деликтного права. Это не только создаст верный угол зрения на явление в целом, но и позволит поставить и разрешить некоторые неочевидные вопросы его содержания.

Компенсация часто применяется при защите исключительных прав на интеллектуальную собственность – простота их нарушения и сложность оценки вреда, причинённого правообладателю, затрудняют определение его

объёма. Другие предусмотренные законодательством основания для компенсации, связанные с причинением вреда неправомерными действиями, немногочисленны и, за исключением причинения морального вреда, далеко не столь распространены на практике¹. В прикладном виде обсуждаемая проблема проявляется в сложностях с определением соразмерности взыскиваемых компенсаций последствиям нарушения, причём отсутствие корреляции даёт о себе знать при выходе из границ санкционной симметрии и в ту, и в другую сторону². О том, какое значение имеет для оборота отсутствие ответа на вопрос о природе компенсаций в действующем праве, свидетельствует двукратное обращение к ней высших судебных органов по гражданским делам и экономическим спорам в постановлениях их пленумов³, а также двукратное принятие таких актов в ходе конституционного судопроизводства⁴. Этот факт, по нашему мнению, сам по себе выглядит неординарно для конституционно-правовых толкований отраслевой проблемы права. Тем не менее, последнее из постановлений даёт повод для оптимизма сторонникам восстановительной теории. Оно уже способствует учёту практикой восстановительной природы обсуждаемой санкции [4, с. 92-94]. В настоящем исследовании, однако, автор ограничится обсуждением доктринальных проблем. Подробный анализ и оценка разъяснений правовых позиций высших судов и соответствующих изменений норм Гражданского кодекса РФ содержатся в иной работе, в которой предпринята попытка всестороннего рассмотрения обсуждаемой темы [4, с. 97].

Все упомянутые в законе требования компенсаций, если они основаны на причинении вреда неправомерными действиями, подпадают, с оговоренными ниже изъятиями, под режим деликтного права. То есть, не только возникают в результате такого правонарушения в доктринальном смысле, но и подчиняются положениям гл. 59 ГК РФ, на что неоднократно обращалось внимание в литературе [6, с. 42-52]. Это следует, во-первых, из положений

¹ Помимо названных случаев компенсации, к известным гражданскому праву основаниям для возмещения вреда, причинённого неправомерными действиями, относятся: утрата права участия в корпорации (п. 3 ст. 65.3 ГК РФ); последствия нарушения строительных норм (п. 1 ст. 60 Градостроительного кодекса РФ); злоупотребления, вызванные неправомерно принятым акционерным соглашением (п. 7 ст. 32.1. ФЗ «Об акционерных обществах»). Согласно ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму», государство осуществляет компенсационные выплаты лицам, которым был причинён ущерб в результате террористического акта. Гражданско-правовые компенсации в счет возмещения вреда, причиненного при перевозке пассажира, предусмотрены транспортными уставами и кодексами, а также международными конвенциями о перевозках. К подобным основаниям следует отнести нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок в соответствии с Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ.

² В литературе в качестве показательного примера взыскания завышенной компенсации приводится Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10521/10. В виде примеров взыскания явно заниженной компенсации на основании действующих ныне положений права приводятся судебные акты, принятые по делам № А40-242482/2016, А41-81557/2016, А41-85521/2016.

³ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2; и Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ, допускающих установление законом или договором, обязанности выплаты потерпевшему компенсации сверх возмещения вреда. Существенна не диспозиция нормы (не указание на то, что компенсация может взыскиваться сверх возмещения), а отнесение её гипотезы к предмету регулирования средствами деликтного права, т. е. определение правовых начал компенсации положениями гл. 59 ГК РФ. В поддержку своего тезиса о совместимости такой меры защиты с началами гражданского законодательства, Конституционный Суд в Постановлении № 28-П от 13.12.2016 в абз. 5 п. 3.1. мотивировочной части ссылается, в частности, на ту же норму (т.е. на абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Кроме того, сама гл. 59 ГК РФ названа «Обязательства вследствие причинения вреда» (а не по его возмещению!). Таким образом, расположение обсуждаемой нормы в § 1 «Общие положения о возмещении вреда» этой главы, должно пониматься, не исходя из предположения о том, что законодатель отождествил возмещение вреда с любыми обязательствами вследствие его причинения, что вело бы к ошибочному представлению, будто компенсация в российском праве не является мерой защиты, применяемой к причинению вреда, а, напротив, как указание на то, что компенсация является одной из применяемых вследствие такого правонарушения мер защиты, которые не сводимы к одному лишь возмещению. Во-вторых, вывод о распространении на правовой режим компенсаций деликтного права подтверждается также включением в гл. 59 ГК РФ раздела, в котором устанавливаются условия взыскания и правила определения размера компенсации морального вреда. И здесь уже дело не только в том, что способ защиты права, явно отличный от возмещения вреда, включён в главу, содержащую регулирование деликтных отношений, но ещё и в том, что положения о компенсации морального вреда, как способе защиты права, предусмотрены в предшествующих общих нормах Гражданского кодекса РФ. Это, как нам представляется, делает ненужным указание на специальные случаи компенсации этого вреда. Однако, это не пресекает необходимости в нормах, в которых бы раскрывался легальный режим возникающего вследствие причинения такого вреда деликтного обязательства.

Между двумя видами деликтных обязательств (по возмещению вреда и по его компенсации) есть и общность, вытекающая из родового единства обязательства, есть и различия, которые будут раскрыты ниже. Пока же отметим, что из родовой и легальной принадлежности обязанности выплаты компенсаций к деликтным обязательствам вытекают последствия, которые, возможно, недооцениваются. Например, презумпция вины нарушителя в случаях, когда она является условием ответственности (п. 2 ст. 1064 ГК РФ); правила об учёте вины и имущественного положения потерпевшей стороны (ст. 1083 ГК РФ); субсидиарная ответственность за действия частично-

дееспособного делинквента (п. 2 ст. 1074 ГК РФ)¹. На вопрос о том, может ли пониматься обязанность выплаты компенсации, как обязательство из неосновательного обогащения? Как из доктрины [21, с. 234], так и положений ст. 1103 ГК РФ, следует отрицательный ответ, т. к. имеются все условия деликтного обязательства, оно имеет преимущество в конкуренции с кондикционным обязательством. Если же причинение вреда не порождает деликтное обязательство или же возмещение вреда им не охватывается (что может иметь место, если вред причинён правомерным действием), то потерпевшее лицо вправе заявить требование из неосновательного обогащения вместо деликтного или субсидиарно по отношению к нему.

Положения п. 3 ст. 1252 ГК РФ о компенсации за нарушение исключительного права предусматривают режим наделения правом на подобного рода меру, в соответствии с предусмотренными ст. ст. 1301, 1311, 1406.1, 1515, 1537 ГК РФ случаями. Компенсации различаются по способу определения объёма: (1) в твёрдой сумме по усмотрению суда; (2) в двукратном размере стоимости права; и (3) двукратном размере стоимости экземпляра и товара. Прямых свидетельств того, из какой природы компенсаций исходит российское право, *de lege lata* не существует, но есть два косвенных указания, причём столь же неявных по смыслу, сколь и явно противоречащих друг другу. Во-первых, в часть IV ГК РФ не вошло содержавшееся в ст. 49 Закона РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» правило о независимости компенсаций от наличия у правообладателя убытков. При историческом толковании (помещении прежнего и действующего правовых режимов в общее смысловое поле) отсутствие такой нормы в действующем тексте Гражданского кодекса РФ читается как квалифицированное умолчание. То есть, как указание на то, что компенсация не может не зависеть от наличия убытков, иначе говоря, имеет восстановительную природу. Во-вторых, есть установленный в абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ неснижаемый (исходя из текста этой нормы) предел компенсации. Таким образом, имеется возможность взыскания компенсаций и при полном отсутствии негативных по-

¹ Хотя компенсация, как мера защиты, подпадает под правовой режим деликтного права, обоснованность распространения на взыскание компенсаций правил п. 2 ст. 1074 ГК РФ и п. 3 ст. 1083 ГК РФ не выглядит очевидной и в одинаковой мере веской. Решение этой задачи вновь будет зависеть от понимания природы компенсаций. Вряд ли может вызвать сомнения применимость последнего правила; и по отношению к требованию о компенсации, истолкованной в соответствии со штрафной парадигмой, оно не просто приложимо, но смотрится даже более сообразным, чем требования о возмещении. Если имущественное положение делинквента принимается во внимание при восстановительных мерах, при штрафной санкции такие соображения тем более не могут игнорироваться. Воздерживаться же от применения этого ресурса смягчения санкции суды (в тех случаях, когда они вообще это рассматривают), по-видимому, побуждает восприятие правила п. 3 ст. 1083 ГК РФ как специального, что, как следует из сказанного, неверно. Однако ответственность, установленная в ст. 1074 ГК РФ, имеет восстановительную направленность. Поэтому, если усматривать в компенсациях штрафную сущность, применение субсидиарной ответственности при штрафной компенсации вовсе не так очевидно, как правило о снижении объёма возмещения к определению размера компенсации, ибо цели этих институтов деликтного права противоположны (полнота восстановления имущественного интереса потерпевшего и компромисс с имущественным положением делинквента). Впрочем, даже в этом случае п. 2 ст. 1074 ГК РФ может быть применён по аналогии закона. Суд, считающий компенсацию восстановительной мерой, по-видимому, не увидит препятствий к привлечению законных представителей к субсидиарной ответственности.

следствий на стороне истца и какого-либо обогащения на стороне ответчика, т. к. российское право признаёт штраф, во всяком случае, как компонент ответственности за нарушение исключительного права. Это соображение не создаёт легальных поводов рассматривать существование правила минимального размера, особенно в свете приведённого выше исторического толкования, как предписание судам исходить из штрафной природы компенсаций при заявлении их в большем размере, но оно лишает убедительности и утверждение, что действующее право в целом исходит из восстановительного предназначения рассматриваемой меры ответственности.

В доктрине давно ведётся спор о том, являются ли компенсации за нарушение исключительного права мерой восстановления утраченного блага или же штрафной санкцией. Тем не менее, трудно найти исследователя, кто, признавая штрафной компонент в компенсациях, отрицал бы в них цель восстановления. Иногда в обсуждаемой санкции усматривают самостоятельную природу, что создаёт и повод для придания таким суждениям значения самостоятельного направления в доктрине [11, с. 137]. Однако по существу в них можно найти лишь констатацию штрафного компонента, в связи с чем, подчёркивается двойственность или «гибридность» санкции, а также следы её происхождения в американских *statutory damages* [19, с. 121], которые действительно сложно не заметить, и даже в Соглашении TRIPS [20, с. 27]. Большинство учёных поддерживается «восстановительный» подход. А. П. Сергеев указывает на то, что компенсация является заимствованным из англо-американского права упрощённым способом возмещения убытков, в условиях, когда затруднено доказывание их конкретного размера [9, с. 207-208; 13, с. 115-116; 18, с. 384]. Близкое понимание института высказывал В. А. Хохлов, оговариваясь при этом, что «в компенсации имеется и незначительная карательная составляющая» [22, с. 61]. По мнению О. Н. Садикова, споры о природе компенсации вызваны неверной терминологией, поскольку возмещаются имущественные потери, т. е. убытки [17, с. 54-55]. А. К. Большова, Л. С. Симкин отмечают, что восстановительная миссия компенсации шире, чем возмещение убытков, охватывая также и деловую репутацию [1, с. 112] и нематериальный вред. Среди тех, кто видит в компенсациях способ имущественного восстановления, есть учёные, которые указывают на их сходство или даже тождество с законной (зачетной) неустойкой [7, с. 41-52]. Например, Э. П. Гаврилов отмечает, что неустойка взыскивается и при отсутствии убытков [8, с. 6], полагая, что это является и свойством обсуждаемой санкции. Учёные, которые усматривают штрафную (карательную) природу компенсаций в положениях действующего права, связывают её с существом правового регулирования [3, с. 120]. При этом одни из них ограничиваются констатацией [15, с. 255; 23, с. 236; 3, с. 105], другие же усматриваемому ими положению дел высказывают одобрение [16, с. 49]. Многие ссылаются на установленную возможность взимания компенсаций в размере двукратной стоимости права или контрафакта, полагая это проявлением штрафной (публично-правовой) природы санкции [3, с. 116-117; 5, с. 255]. Среди тех, кто поддерживает мнение о целесообразности штрафного подхода, общей явля-

ется убежденность в том, что он оправдан сложностью расчёта убытков, причинённых нарушением исключительного права [5, с. 250]. В научной литературе также находит поддержку двойственный подход к природе компенсации. Признание, наряду с восстановительными задачами, ещё и карательной функции компенсации как свойства её легального режима достаточно распространено [10, с. 98], но здесь речь о суждениях *de lege ferenda* – с призывом соединить признание восстановительного характера компенсаций «с умеренно штрафным началом». Отрицание той или другой составляющих расценивается как крайности, приводящие к практическим затруднениям [11, с. 142]. Но именно такая точка зрения нашла концептуальную поддержку в постановлениях Конституционного Суда РФ, а также в одном из законопроектов, в котором предлагалось закрепить законодательно самостоятельность «оценочной» и штрафной компенсаций [14, с. 10-15].

Что касается предпочтений правоприменителя, то, несмотря на регулярное появление судебных актов, где отсутствие представлений о корреляции между размером компенсаций и последствий нарушения становилось причиной взыскания как явно завышенных, так и столь же несообразно заниженных сумм, суды тяготеют к восстановительной интерпретации обсуждаемой санкции [19, с. 118].

Автор этой статьи исходит из того, что любое субъективное право, равно регулятивное и охранительное, по природе и структуре должно соответствовать существу того интереса, которое это право призвано защитить. В частном праве должны применяться те способы регулирования, включая и меры возложения ответственности, которые выражают частные интересы. Нельзя считать допустимой защиту интереса обладателя исключительного права при помощи мер, которые учитывали бы иной интерес, нежели интерес самого правообладателя, и возлагать имущественное претерпевание на нарушителя за сам факт нарушения. Частноправовые способы защиты нарушенного права должны обеспечивать восстановление благ, на которые направлен интерес, защищаемый этим правом. Иные цели ответственности за посягательства на интересы в интеллектуальной собственности, если законодатель видит в этих интересах достаточную для выражения в праве общественную значимость, должны реализовываться средствами публичного права.

Задача должна состоять в поиске ответа на вопрос: какими признаками обладает мера ответственности в виде восстановления экономического положения лица, претерпевшего вред вследствие нарушения его исключительных прав, если эта мера не равнозначна возмещению убытков? При такой постановке вопроса ответ находится сравнительно легко. Всё, что в этом случае отличает такую меру ответственности, т. е. взыскание компенсаций, от возмещения убытков, заключается в определении предмета восстановления. Меры эти отличны друг от друга в том, что, если возмещение убытков направлено на восстановление определённой части имущества, которой истец лишился вследствие имущественного вреда, и величину или физические параметры которой суд устанавливает по внутреннему убеждению на основании

представленных истцом доказательств; то компенсация, применяемая как мера восстановления, в случаях затруднительности определения размера вреда (например, при нарушениях, сужающих ёмкости рынков правообладателей), связана с размером вреда лишь косвенно. Она ему «соразмерна», но «соразмерность» означает и то, что если размер вреда вовсе отсутствует, то отсутствует и основание для компенсации, поскольку, нет коррелята для «соразмерности». С учётом восстановительной специфики компенсаций, они востребованы для преодоления последствий нарушения в виде неполученных доходов и репутационного (но экономически значимого) вреда. Даже компенсация в размере двукратной стоимости права использования или контрафактного экземпляра, которая считается присущей только российскому праву [5, с. 253], заведомо карательной мерой [3, с. 116; 5, с. 255] было бы считать неверно, т. к. она охватывает риски утраты рынка и репутации.

При требовании о возмещении убытков должен доказываться их размер, т. к. возмещению подлежит утраченная часть имущества. При этом неспособность истца доказать размер убытков даже с разумной степенью достоверности не может влечь отказ в требовании, если факт убытков всё же доказан (п. 5 ст. 393 ГК РФ). Цель этой меры защиты – возмещение, а доказанный факт убытков указывает на их наличие. Отказ в удовлетворении такого требования означал бы, что доказанная, часть убытков осталась без возмещения. То, что объём взыскания определяется в этом случае «исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению», вовсе не делает из убытков компенсацию именно потому, что и в этом случае суд исходит из задачи возмещения утраченной части имущества (включая неполученные доходы), и объём возмещения должен быть равен тому, что утрачено. При взыскании компенсаций доказываться должна соразмерность нарушению, что, в сущности, означает соразмерность убыткам и репутационному вреду. Если размер убытков (вреда) никак не доказан, то, даже доказанного факта убытков будет недостаточно для взыскания компенсации (сверх «штрафного» минимума). Поскольку, для того, чтобы убедиться в том, что взыскиваемая сумма удовлетворяет критерию «соразмерности» (а без этого компенсация как мера защиты утрачивает свою основу, то есть интерес правопритязателя), суд должен видеть коррелят, т. е. иметь некое представление о размере убытков. Но нельзя ожидать от истца по иску о взыскании компенсаций доказывания факта причинённых убытков, ведь он и не требует взыскать убытки. Если правообладатель требует компенсацию выше минимального предела, пусть бы в размере 10000 руб. 01 коп., и при этом не подтверждает размер причинённых убытков, то у суда нет оснований для взыскания компенсации в сумме 1 копейки, т.к. не доказаны обстоятельства, подтверждающие одно из условий применения компенсационной ответственности – её соразмерность. По нашему мнению, нельзя взыскать соразмерное тому, размер чего не установлен. Итак, при требовании о взыскании компенсаций доказыванию подлежат факт нарушения и обоснованию соразмерность экономическим последствиям нарушения истребуемой суммы.

Из выявленных отличий между этими мерами деликтной ответственности вытекает и отличие в основании возникновения охранительных обязательств, в которых эти меры выражаются. Деликтное обязательство по возмещению убытков возникает при наличии четырёх известных условий и независимо от предъявления требования о возмещении, а также судебного акта, присудившего его. Компенсационное деликтное обязательство в «твёрдой сумме», т. е. в размере, определяемом по решению суда, без такого решения возникнуть не может. Обязательство по выплате компенсации в размере двукратной стоимости права или экземпляров (товаров) возникает с момента предъявления требования и независимо от судебного решения о его удовлетворении, т. к. наличие альтернатив означает необходимость выбора правообладателем способа расчёта компенсаций.

Крайне важно, чтобы сохранение компенсацией восстановительной природы осознавалось судами и доктриной в наиболее частых случаях заявления такого требования: при восстановлении с её помощью неполученных доходов, в том числе вследствие лишения рыночной ёмкости, а также репутационного вреда. Сомнения в восстановительной природе не должны возникать и тогда, когда есть высокая вероятность, что присуждённая компенсация будет отличаться от объёма причинённого вреда, ибо такая вероятность есть имманентное её свойство, а при компенсации вреда упомянутых видов эта вероятность становится системной. Если же закон будет ориентировать суды на учёт всех экономических последствий нарушения исключительного права при компенсации вреда, то системной станет вероятность превышения этих последствий присуждаемыми компенсациями. Однако, эти риски неотделимы от обсуждаемой санкции, не меняя её восстановительную сущность. Наличие у гражданско-правовой ответственности этой сущности не означает, что любая её мера обязана не отклоняться в ту или другую сторону от математического эквивалента восстановления. Соответствие величины присуждаемого взыскания величине установленного имущественного претерпевания – свойство лишь возмещения убытков. В гражданском праве всегда находится место таким санкциям, которые не только не обладают указанным свойством, но по умолчанию, а в некоторых случаях и вовсе, его исключают. Неустойки, даже когда они являются зачётными, не просто не гарантируют эквивалентность взыскания имущественным потерям, но в отличие от компенсаций даже не имеют коррелята соразмерности причинённому вреду. Приведение неустойки к размеру, подобающему категории гражданско-правовой ответственности, представляет собой задачу, требующую судебного вмешательства, при этом, если это договорная неустойка, применяемая к предпринимателю, то такая задача решается в режиме экстраординарности. Ещё более узнаваемы в этом описании большинство исключительных неустоек. Если подобная мера является штрафной, то соответствие установленным потерям исключается по определению. И, тем не менее, превышение неустойки над установленными убытками, даже когда это является её сущностным свойством, не подлежащим корректировке, это не означает, что такая мера гражданско-правовой ответственности утратила связь с восстановительной при-

родой и переродилась в меру публичную. Применяемые в частном праве штрафные неустойки, конечно, представляют собой лишь экстраординарные случаи ответственности, но они выражают те умалённые нарушением экономические интересы кредитора, которые, по оценке законодателя, имеют мало шансов быть учтёнными при доказывании размера убытков. Вместе с тем, нужно держать в уме то, что, если штрафная неустойка по своей природе близка гражданско-правовой ответственности, то последняя не равноценно положению, при котором такая неустойка становится основной или хотя бы обычной мерой ответственности. И уж во всяком случае, такое положение не равносильно по правовой природе ответственности за нарушение исключительных прав¹.

После того, как мы нашли пример неоднородности движения к экономическому восстановлению в неустойке, было бы своевременно дать оценку тем отнесённым нами, как и самими их авторами, к восстановительным теориям воззрения, которые усматривают в компенсациях род законной неустойки. На суть наших расхождений укажут качества обеих санкций, названные выше, а именно соразмерность вреду, как конститутивный признак самостоятельности в ряду мер ответственности, у компенсации; и отсутствие этого свойства у неустойки. В самом деле, этому подходу возражать следует не тем, что неустойка является мерой договорной ответственности, а нарушение исключительного права – деликтом, но тем, что применение неустойки в деликтных обязательствах невозможно [20, с. 28]. Прежде всего, неверна исходная посылка, что компенсация за нарушение исключительного права является институтом деликтного права, но может применяться и в договорных отношениях [13, с. 113].

К недоговорным отношениям применение законной неустойки общими положениями об обязательствах вовсе не исключается [12, с. 293]. Не углубляясь в теорию неустоек, это можно принять, по крайней мере, как свидетельство того, что для именованной неустойкой санкцией в виде установленной в законе денежной суммы, подлежащей взысканию при доказанности факта недоговорного правонарушения, останутся только терминологические препятствия². Не видится убедительным также аргумент об обеспечительной сущности неустойки [3, с. 106]. Сочетание этой сущности с санкционной в неустойке очень ситуативно и, на наш взгляд, вовсе отсутствует в законной неустойке, которая способна быть только мерой ответственности, поскольку, не может учитывать интересы сторон обязательства [2, с. 534]. Причина же

¹ Штрафы в перевозке применяются потому, что это бизнес технологичный до степени запрограммированности, зависимый от инфраструктурной среды. Предприниматель, осуществляющий такого рода деятельность, должен принимать на себя все риски с нею связанные. Однако нарушитель исключительного права не ведёт какой-либо профессиональной деятельности, системным свойством которой была бы регулярность нарушений исключительных прав. Поэтому применение к нему мер ответственности, исключающих соответствие взыскания доказанным убыткам, пусть бы даже предположительно восстанавливающих недоказанные потери, не может действовать как режим по умолчанию.

² Представляется, что вполне можно было бы назвать неустойками, к примеру, установленные в § 101(b) Закона США 1909 г. меры ответственности за отдельные виды бездоговорного использования произведений: \$10 за каждое изготовление копий произведений изобразительного искусства, \$1 иных произведений; \$50 за чтение лекции, проповеди или торжественных речей; \$10 за исполнение музыкального произведения.

невозможности признания компенсации неустойкой заключается в том, что для её взыскания мало одного факта нарушения; необусловленность установленным размером убытков не означает необусловленность убытками и репутационным вредом как таковыми. В условия применения этой санкции входит наличие убытков, а на определение её объёма влияет их размер и другие последствия нарушения. Компенсация всегда должна быть им соразмерна и тогда, когда её величина устанавливается в зависимости от стоимости нарушенного права или контрафактного товара; и тем более тогда, когда она является в твёрдой сумме истцом и определяется решением суда. Всё это чуждо законным неустойкам. Конечно, законодателю нельзя забывать о восстановительной природе любой частноправовой санкции, но о прямой корреляции с последствиями нарушения речи не идёт [12, с. 287]. Поэтому неустойка, в отличие от компенсаций, устанавливается в виде определённой или определяемой суммы. Снижение её с прицелом на реальные последствия нарушения возможно, но оптика этого прицела по существу отсутствует, а для предпринимателей это снижение допускается в исключительных случаях. Высший Арбитражный суд РФ в п. 14 Информационного письма от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» прямо отверг обсуждаемую интерпретацию применительно к компенсациям за нарушение прав на товарный знак. Причём отличие правового режима усмотрел в том, что в делах по взысканию компенсаций «при оценке соразмерности совершенного нарушения и ответственности за это суду предоставлена возможность определения конкретной суммы компенсации в пределах, установленных законом». Позднее эта позиция была по существу распространена на все виды компенсаций (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.09.2011 № 3602/11 по делу № А08-8099/2009-30).

Неоднозначность указаний действующего закона и разъяснений высших судов приводит к сомнениям в том, должны ли (а если и должны, то всегда ли будут фактически) все без исключения претерпевания, возникшие из нарушения, экономические охватываться режимом компенсационного восстановления. То есть, в величине, определяемой исходя из соразмерности подобных потерь, и прежде всего, конечно, об утраченной ёмкости рынка и репутационных утратах. Скепсис в действенности восстановительной интерпретации поддерживается восприятием заведомо несоответствующей части компенсаций убыткам как штрафной меры превенции. Выше автор попытался показать, что эти колебания основаны на неверных, по его мнению, допущениях. Однако именно они побуждают законодателя сохранять публично-правовой штрафной компонент в обсуждаемой мере ответственности, а некоторые правоведы, суды и Конституционный Суд считают это положение оправданным. Причём предположение о необходимости такого компонента неизбежно ведёт, в ходе переосмысления условий применения новой по существу санкции, к тому, что одним из них должна выступать вина. Иной публично-правовой мерой ответственности и в самом деле не мыслится. И здесь особенно показательна позиция А. Ф. Музыки. Предназначение штрафной компенсации (выделяемой

им в виде отдельной санкции наряду с «оценочной») он видит в возмещении тех самых благ, которые мы считаем подлежащими восстановлению присуждением обычной, единой компенсации. Снижение судом компенсации, определённой правообладателем, не допускается. Такое возмещение, явно для соответствия своей штрафной (публично-правовой) природе, обусловлено, по общему правилу, наличием вины [14, с. 18].

Нам видится, что в такого рода штрафной компенсации конвертируются все те представления о восстановительной природе частноправовой ответственности, а также возникающие из этих представлений опасения, которые критиковались выше, а привлечение вины как условия наступления такой ответственности становится уже логически вынужденным. Заданным публично-правовой природой явления, шагом, и точно той же логикой искусственного разъединения единой санкции на два принципиально несовместных режима объясняется, вероятно, и тезис А. Ф. Музыки о независимости от наличия вины «оценочной компенсации». Итогом операции по последовательному разделению и наделению возникших новых сущностей предикатами, сообразных критериям дифференциации, становится смешение в одном, причём частноправовом акте, двух иноприродных друг другу санкций за одно и то же противоправное посягательство. Представляется, что такой утверждение неверно само по себе и повторяет ошибку американского законодателя, за которую он критикуется в национальной доктрине [24, с. 444], а в наших условиях ещё и нарушает концептуальные границы отраслевого деления системы права.

Виновность является обязательным условием наступления ответственности в публичном праве. По этой причине, как неоднократно отмечалось в доктрине и в абз. 3 п. 4.1. Постановлении № 28-П, в той мере, в какой ответственность в виде взыскания компенсаций является публично-правовой по признаку независимости объёма взыскания от задач восстановления утраченного блага, она не может не учитывать степень вины нарушителя. Обратное правоприменение приводило бы к дискриминации тех лиц, которые подлежат такой ответственности, но ввиду применяемых в отношении них принципов гражданского права должны отвечать независимо от вины. Однако необходимость такой перверсии фундаментально разных правил отраслевой ответственности говорит только о том, что при нормальном положении дел должны отсутствовать поводы для столь нетрадиционных решений. Иными словами, для того, чтобы гражданско-правовые условия применения публично-правовой ответственности не подвергались публично-правовой фильтрации, нужно, чтобы эти условия к такой ответственности просто не применялись. По нашему мнению, отсутствие или наличие вины должно иметь для взыскания компенсаций за нарушение исключительного права только такое значение, какое конвенционально придаётся этому условию положениями деликтного права в целом; это, естественно, означает, что в известных случаях вина таким условием не выступает. «Учёт степени вины», как нам представляется, публично-правовое явление, и то, что законодатель посчитал нужным определить его одним из критериев, приложимых к размеру морального вреда

(ст. 151, п. 2 ст. 1001 ГК РФ), не даёт повода применять эти критерии к обсуждаемой компенсации по аналогии закона. Поскольку такая мера есть способ экономического восстановления, тогда как компенсация морального вреда является способом «загладить» гражданину причинённые ему страдания, что, очевидно, делает разумным учёт провинности причинителя. Однако такое восприятие вины едва ли закрепится раньше, чем законодатель убедится в том, что усовершенствовать гражданско-правовой институт можно и нужно, развивая присущую ему природу, а, не вынуждая его к симбиозу с публично-правовым штрафом.

В завершение работы суммируем её наиболее важные выводы. Во-первых, компенсация является гражданско-правовой, а значит восстановительной мерой ответственности, отличной от возмещения убытков тем, что она направлена на восстановление экономического положения истца не в том объёме, который равен установленному судом размеру утраченного вследствие правонарушения блага, а в том, что соразмерен, по мнению суда, любым экономическим последствиям нарушения. Правообладатель, заявляющий требование о компенсации, должен доказать факт нарушения и обосновать объём требования соразмерностью причинённому ему экономическому вреду любого вида. Во-вторых, представления о том, что превышение размера восстановления над объёмом причинённого вреда несовместимо с гражданско-правовой ответственностью, неверны. И если для оправдания сохранения вероятности такого превышения используется тезис о необходимости превенции, то от такого довода надлежит отказаться, как от избыточного с точки зрения аргументации и неверного по своему происхождению. В-третьих, при общем переключении режима компенсаций на частно-правовой, вина, как условие наступления ответственности, должна обрести привычные признаки. Юридическое значение имеет лишь поведенческое требование должной осмотрительности. Необходимо не изменять это значение в зависимости от публично-правовой «степени общественной опасности» или «отношения к содеянному», а в некоторых случаях и совсем не обуславливать этим признаком ответственность. В-четвёртых, надлежит полностью отказаться от идеи неснижаемого минимума компенсаций, как общего вида, так и *minimum minimumum*, ибо компенсация в предлагаемом понимании должна быть совершенно свободна от публичного штрафа; так же, впрочем, нужно поступить и с идеей максимума – и всё по той же причине.

Предлагается изложить текст абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ в следующей редакции: «При определении размера компенсации суд принимает во внимание все виды имущественного вреда, причинённого нарушением исключительного права. Компенсация должна быть соразмерна причинённому вреду и направлена на устранение экономических последствий нарушения». Существующий в настоящий момент абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ предлагается исключить. Также предлагается исключить из Гражданского кодекса РФ, так называемые «расчётные компенсации», в виде двукратной стоимости права и контрафактных экземпляров, как эксплуатирующие искусственные методы определения соразмерности путём конвенционального вменения.

Опасениям за то, что категория соразмерности вреда (любых видов) является неопределённой для целей присуждения величины компенсации в судебном акте, предстоит быть преодолёнными судебной практикой. В рамках предложенных выше указаний в законе суды должны получить полную свободу постепенного поиска консенсуса или хотя бы устойчивых границ в части определения таких величин применительно к тем или иным группам обстоятельств нарушения, при неукоснительном следовании восстановительной парадигме¹. До предложенных изменений в законодательстве суды должны прилагать критерий соразмерности компенсаций любого вида последствиям нарушения, исходя из того, что правовым позициям в мотивировочной части Постановлений № 28-П и № 40-П, на которых такой подход будет основан, последним из постановлений придана общеобязательность. Изменения в правовом режиме, произведённые Конституционным Судом РФ, наделяют также суды возможностью отклонять требования о компенсации или уменьшать их размер, если они представляют собой злоупотребление правом [4, с. 75].

Библиографический список

1. Большова А. К., Симкин Л. С. О развитии института компенсации за нарушение исключительных прав // Вестник ВАС РФ. 2004. № 6. С. 110 – 115.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М.: Изд-во «Статут», 1998. 682 с.
3. Васильева Е. Н. Компенсация за нарушение исключительного права на интеллектуальную собственность. // Труды института государства и права Российской Академии Наук. 2015. № 6. С. 101 – 124.
4. Вольфсон В. Л. По направлению к восстановлению: компенсация за нарушение исключительного права в доктрине, правовых позициях Конституционного Суда и правоприменении // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 70 – 102.
5. Ворожевич А. С. Защита прав на средства индивидуализации. В кн.: Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л. А. Новосёлова [и др.]; Под ред. Л. А. Новосёловой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 343 с.
6. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.

¹ Так, уже и сейчас в абз. 4 п. 62 Постановления Пленума № 10 названо изрядное число критериев, позволяющих судам очень тщательно оценить «обоснованность соразмерности» и «обоснованность размера» компенсаций. В частности, не стоит опасаться того, что восстановительная парадигма приведёт к взысканию компенсаций по среднерыночным ставкам вознаграждения. Напротив, суды должны будут учитывать доходы, полученные ответчиком от несанкционированного использования, а не только ожидания истца от обычных поступлений по договорам. Опасения же за то, что восстановительная компенсация, позволит нарушителю остаться безнаказанным в ситуации, когда не доказаны ни убытки истца, ни доходы ответчика, ни пусть бы даже и репутационные риски. Притом, что нарушение исключительных прав всегда отбирает у правообладателя часть рыночной ёмкости, отводятся напоминанием о том, что мы не говорим о возмещении, а о восстановлении, соразмерного, по мнению суда, причинённому вреду любого вида.

7. Гаврилов Э. П. Компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак // *Хозяйство и право*. 2012. № 7. С. 41 – 52.

8. Гаврилов Э. П. Компенсация за нарушение исключительных прав и некоторые новые аспекты её применения // *Хозяйство и право*. 2013. № 7. С. 3 – 21.

9. Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 3 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 752 с.

10. Гуляева Н.С. Авторское право в информационном обществе: вызовы и возможности // *Закон*. 2016. № 5. С. 96 – 102.

11. Иванов Н. В. Компенсация за нарушение исключительного права: проблемы определения размера ответственности // *Закон*. 2017. № 10. С. 135 – 144.

12. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. 310 с.

13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М: Проспект, 2016. 316 с.

14. Музыка Ф. А. Компенсация как способ защиты исключительных прав на произведения и объекты смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 37 с.

15. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2. Части III, IV ГК РФ / Под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. 6-е изд. М., 2011. 679 с.

16. Новосёлова Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав. // *Вестник гражданского права*. 2017. № 2. С. 48 – 55.

17. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 211 с.

18. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2001. 750 с.

19. Старженецкий В. В. Статутные убытки в праве интеллектуальной собственности РФ: эволюция и актуальные проблемы // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2015. № 10. С. 116 – 147.

20. Таболо М. В. Компенсация за нарушение исключительных прав как мера гражданско-правовой ответственности / *Законодательство*. 2017. № 8. С. 25 – 33.

21. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 240 с.

22. Хохлов В. А. Вопросы практики применения правил о компенсации в связи с нарушением исключительных прав // *Закон*. 2007. № 10. С. 59 – 75.

23. Шебанова Н. А. К вопросу о защите авторских прав в современной практике арбитражных судов Российской Федерации // *Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы. Сб. статей* / Под ред. М. М. Богуславского и А. Г. Светланова. М., 2008. С. 223 – 238.

24. Pamela Samuelson, Tara Wheatland Statutory Damages in Copyright Law: A Remedy in Need of Reform *William and Mary Law Review* [Vol. 51:439 2009]. P. 439 – 511.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Глебов В. Г., кандидат юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования и практических проблем возмещения морального вреда при реабилитации лица в уголовном судопроизводстве. При этом основное внимание обращается на компенсацию морального вреда в имущественной или в денежной форме. В результате исследования определено, что одной из причин возникающих сложностей является недостаточная законодательная определенность в установлении критериев оценки морального вреда. Соответственно, предлагаются некоторые возможные варианты разрешения таких ситуаций.

Ключевые слова: реабилитация, имущественный вред, моральный вред, возмещение и компенсация вреда.

COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE DURING REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Glebov V. G., PhD in Law, Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal regulation and practical problems of compensation for moral damage in the rehabilitation of a person in criminal proceedings. At the same time, the main attention is paid to compensation for moral damage in property or in monetary form. As a result of the study, it was determined that one of the reasons for the difficulties that arise is insufficient legislative certainty in establishing criteria for assessing moral harm. Accordingly, some possible solutions to such situations are proposed.

Keywords: rehabilitation, property damage, moral damage, compensation and compensation for harm.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 6 в качестве основополагающего принципа для сферы уголовного судопроизводства предусмотрел его назначение, заключающееся в защите прав и законных интересов любых лиц, вовлеченных в эту деятельность вне зависимости от их процессуального положения и отношения к стороне обвинения или защиты. Такой подход законодателя вполне понятен с учетом соответствия статьи 2 Конституции Российской Федерации, назвавшей права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – обязанностью государства. Кроме того, это демонстрирует стремление к построению правового государства, которое должно обеспечивать вер-

ховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, охрану законных интересов личности, взаимную ответственность государства, его должностных лиц и граждан.

Нельзя не отметить важнейшую роль судов в достижении указанных целей, которые в соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации реализуют судебную власть посредством отправления правосудия, осуществляемого посредством различных видов судопроизводства, в том числе гражданского и уголовного.

Определенная взаимосвязь этих видов судопроизводства проявляется и в вопросах возмещения вреда, причиненного гражданам и организациям. Так, в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации регулируются обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, именуемые деликтными обязательствами. При наличии предусмотренных законом оснований и условий лицо, которому причинен вред получает право требовать его возмещения, а на причинителя вреда возлагается ответственность и обязанность возмещения причиненного вреда. Такая обязанность является внедоговорной, так как основана на требовании закона, а не на договорных условиях сторон [1, с. 4].

Сущность деликтных обязательств заключается в восстановлении нарушенных прав лица, в первую очередь имущественных прав, что возвращает их в первоначальное состояние восстановительным или компенсационным путем.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации указанные положения в определенной мере трансформируются с учетом специфики публичного характера уголовно-процессуальной деятельности, а не диспозитивного, как в гражданском процессе.

Во-первых, проявление таких особенностей связано в первую очередь с наличием в уголовном судопроизводстве со стороны обвинения таких участников процесса как потерпевший и гражданский истец, наделенных правом требовать возмещения вреда, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 42 и ч. 1 ст. 44 УПК РФ), а также обвиняемый, подсудимый и гражданский ответчик (со стороны защиты), которые несут обязанность возмещения такого вреда. При этом закон (ст. 160.1 УПК РФ) предусматривает обязанность должностных лиц, ведущих производство предварительного расследования по уголовному делу, принимать превентивные меры по обеспечению причиненного преступлением имущественного вреда.

Во-вторых, в качестве одного из содержательных элементов принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) является необходимость возмещения вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование. Речь идет о реабилитации – праве гражданина на возмещение вреда, причиненного ему в результате уголовного преследования (глава 18 УПК РФ).

В любом из указанных случаев в число возмещаемых видов причиненного вреда включаются имущественный и моральный вред. Кроме того, за-

кон указывает и на такой вид возмещения вреда как восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Причем, что касается характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда и порядка его возмещения, то существенных проблем, как на законодательном уровне, так и в практической деятельности правоохранительных органов не усматривается.

Более сложной видится ситуация с возмещением морального вреда, который может быть компенсирован как в моральной (психологической) форме, так и в имущественном или денежном выражении. При этом главная роль в решении вопросов об определении размеров возмещения морального вреда возлагается на суд, что допускается как при рассмотрении уголовного дела, так и в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42, ч. 1 ст. 44, ч. 2 ст. 136 УПК РФ).

По этому поводу существует несколько разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных им на протяжении практически 20 лет в нескольких постановлениях: от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [2], от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [3] и от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [4]. Однако, несмотря на наличие указанных руководящих разъяснений официального толкования, проблемные ситуации продолжают возникать в правоприменительной и судебной практике.

В определенной мере соответствующие проблемы фокусируются и при осуществлении уголовно-процессуальной реабилитации. При этом если устранение последствий морального вреда, причиненного реабилитируемому лицу, осуществляется в форме принесения ему прокурором официального извинения от имени государства, то иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. В таких случаях суды также сталкиваются с аналогичными и иными проблемами, так как реабилитация приобретает черты диспозитивного характера.

Основополагающей причиной такого положения видится проблема определения эквивалента соответствия размера имущества или денежных средств, которые бы максимально объективно соответствовали компенсации (заглаживанию) морального вреда.

В первую очередь стоит отметить, что моральный вред по своему характеру и содержанию может быть отнесен к нематериальным благам (ст. 150 ГК РФ), которые связаны с такими понятиями как «достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения». Естественно, что оценить каждое из указанных благ в материальной форме достаточно сложно и юридически формализовать этот процесс непросто. Однако, законодатель в целом пошел

по пути установления способов защиты прав, включив в них признание права и восстановление положения, существовавшего до нарушения права, в том числе и путем компенсации морального вреда (ст. 12 ГК РФ). При этом разрешение вопросов о возмещении такого вреда связано с существом нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характером последствий этого нарушения.

Верховный Суд Российской Федерации в указанном выше постановлении Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» рекомендовал судам при рассмотрении требований реабилитированного лица и определении размера денежной компенсации морального вреда исходить из необходимости «учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред». Кроме того, влияние на принимаемое судом решение должны оказывать и «иные заслуживающие внимания обстоятельства, а также требования разумности и справедливости». В любом случае суду следует мотивировать свое решение.

Следует отметить, что схожие подходы в позиции Верховного Суда предусмотрены и для рассмотрения судами дел, о возмещении морального вреда в денежной форме потерпевшим или гражданским истцам. Так, компенсация морального вреда в денежной форме должна осуществляться независимо от размера и характера возмещенного имущественного вреда (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»). Это обстоятельство, по нашему мнению, судам также подлежит учитывать, определяя размер денежного возмещения морального вреда и в процессе реабилитации.

В пункте 26 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ предусматривается необходимость судам руководствоваться нормами статей 151, 1099, 1100, 1101 ГК РФ, в которых при определении размера компенсации морального вреда предусматривается учет таких обстоятельств как «характер причиненных потерпевшему физических и (или) нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями».

Также представляется необходимым учитывать и обстоятельства, характеризующие поведение реабилитированного лица во время производства предварительного расследования или судебного разбирательства по уголовному делу. Соответствующие факты содействия или противодействия установлению обстоятельств по делу должны учитываться при определении размера компенсации морального вреда.

Среди указанных обстоятельств ключевое значение все же имеют критерии физических или нравственных страданий, а также разумности и справедливости. В данном случае на определение суммы денежной компенсации морального вреда могут влиять и такие факторы как продолжительность досудебного и судебного производства по уголовному делу (в том числе с уче-

том требований принципа разумности сроков), длительность и условия применения мер пресечения, в первую очередь таких как содержание под стражей, домашний арест или запрет определенных действий, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание.

Нельзя не отметить особенности установления судом в порядке гражданского судопроизводства обстоятельств, влияющих на решение вопроса о денежной компенсации морального вреда и определения ее размера. Если уголовное судопроизводство, в том числе и реабилитация, осуществляется на основе публичности уголовного преследования и принципа презумпции невиновности, то в гражданском процессе действует диспозитивность.

При разрешении данной коллизии необходимо исходить из совокупности взаимосвязанных нормативных положений. В первую очередь следует понимать, что реабилитация – это гарантированное и признанное статьей 53 Конституции Российской Федерации право граждан на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Соответственно, реализация данной обязанности государства не должна зависеть от сферы правовых отношений и вида судопроизводства. Как предусмотрено статьей 133 УПК РФ «Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда».

Однако статьи 1064 и 1070 ГК РФ не содержат соответствующих положений, что позволяет судам требовать обоснования размеров искомых требований по размеру возмещения реабилитированным гражданам морального вреда в денежном эквиваленте.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/ (дата обращения: 10.05.2022).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Система ГАРАНТ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70100077/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.05.2022).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovno-go-suda-rf-ot-13102020-n-23/> (дата обращения: 10.05.2022).

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНЫ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Кайль Я. Я., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу состава гражданско-правовой ответственности как при наличии доказанного полного состава, так и при усеченном. Рассмотрены случаи, при которых вина презюмируется, и может не доказываться. На основе законодательства и судебной практики проанализированы достоинства и выделены недостатки презумпции вины.

Ключевые слова: состав гражданского правонарушения, презумпция вины, ответственность, доказательства, бремя доказывания.

PRESUMPTION OF GUILT: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Kayl Y. Y., PhD in law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the corpus delicti of civil liability both in the presence of the proved corpus delicti and in the presence of the truncated one. The cases in which the guilt is presumed and may not be proved are considered. On the basis of legislation and judicial practice the advantages and disadvantages of the presumption of guilt are analyzed.

Keywords: the composition of the tort, presumption of guilt, responsibility, evidence, burden of proof.

Для наступления ответственности одной стороны перед другой по общему правилу необходимо доказать полный состав правонарушения: наличие вины, противоправности, ущерба или вреда, а также наличие причинно-следственной связи между виной и наступившим вредом или ущербом.

Ответственность может возникать как из неисполнения договорных обязательств, так и возникать из внедоговорных обязательств, то есть из причинения вреда.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на рассмотрении внедоговорной ответственности и порядке ее наступления.

Алгоритм доказывания состава гражданского правонарушения может быть различен. Все зависит от категории спора и/или лица, выдвигающего требования. Для наступления такой ответственности важно наличие всех его четырех условий, а в каком порядке они устанавливаются – не имеет значение. Однако все же стоит выдвинуть предположение, что самое важное, с чего стоит начинать доказывать – это с наличия вреда или ущерба. Под вредом следует понимать вред жизни или здоровью, а под ущербом стоит понимать материальный ущерб, как прямой действительный, так и упущенную выгоду.

Однако не всякий вред или ущерб подлежит компенсации и возмещению соответственно. Наличие только одного этого условия еще недостаточно для удовлетворения требования.

Поскольку российскому гражданскому праву присущ принцип использования генерального деликта, то защите подлежит любое умаления права и/или блага даже при наличии минимального набора доказательств. В деликтных правонарушениях состав всегда является материальным, то есть возникает только при причинении вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего.

Однако характер и размер вреда устанавливается уже в суде, при использовании всех имеющихся в арсенале истца, доказательств.

По общему правилу вред возмещается при наличии в действиях или бездействии лица противоправности, т.е. запрещенности законом. Признаки противоправности учитываются при установлении вреда. Вред не возмещается только при доказанности его возникновения по стечению обстоятельств – ввиду непреодолимой силы. Сама возможность наступления деликтной ответственности связывается только с наличием запрещающей нормы в материальном праве.

Установление виновного лица и наличие его вины одно из самых сложных условий для доказывания. Именно поэтому законодатель во многих нормах материального и процессуального права установил ее презумпцию, дабы переложить ответственность по ее опровержению на предполагаемого причинителя. Не кредитор (истец) должен доказывать ее наличие, а должник (ответчик) должен опровергнуть и доказать, что его действия были законными. Предполагаемый делинквент должен доказать, что он действовал в рамках правового поля, принял все необходимые меры предусмотрительности и осторожности. Если истцом не будет доказано (предоставлено в суд доказательство, явно свидетельствующее о наличии прямой взаимосвязи между поведением ответчика и наличием ущерба), что ответчик является делинквентом, то суд откажет в удовлетворении требований. Однако истец должен доказать не только то, что ответчик является причинителем вреда, но и лицом, в силу закона обязанным возместить вред. Поскольку в нормах ст. ст. 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) разведены понятия причинителя лица и лица, которое должно произвести выплаты. Так в этих статьях субъект ответственности заменен его объектом. В указанных статьях указан только источник, за счет которого будет произведено взыскание – этот соответствующий бюджет [1].

Кроме презумпции вины законодательство знает случаи и «безвиновной» ответственности, когда ответственность наступает как при доказанности вины, так и при ее недоказанности. Законодатель облегчает доказывание для истца, исключая ее из условий наступления ответственности, например, в ст. ст. 1069, 1070, 1100 ГК РФ вред возмещается вне зависимости от вины причинителя. Все это не означает, что вины нет, она может быть, а может и не быть. Просто не важно ее наличие или отсутствие, это так называемый усеченный состав гражданского правонарушения. Однако при установлении

вины по этим статьям к причинителю вреда со стороны государства применяется ответственности в виде регресса на основании ст. 1081 ГК РФ. Для потерпевшего безразлично, что происходит потом с ответственностью причинителя вреда, поскольку он, используя свое право на судебную защиту, судится с публично-правовым образованием, а не с конкретным лицом, причинившим вред.

Приведем пример применения ответственности в зависимости от наличия или отсутствия вины. Суд сделал вывод, что «алименты за период, предшествовавший предъявлению исполнительного документа, взыскиваются независимо от трехлетнего срока, но не ранее присуждения алиментов, только в том случае, если задолженность образовалась в результате виновных действий лица, обязанного уплачивать алименты, то есть в случае прямого уклонения от уплаты алиментов. При отсутствии вины, задолженность может быть взыскана лишь за предшествующие предъявлению исполнительного листа три года.

Однако предписания федерального законодателя судебный пристав-исполнитель Зюнькина В. А. не выполнила, не проверила причины неисполнения должником исполнительного документа, обстоятельства, свидетельствующие о вине должника в образовании задолженности не установила, то есть фактически исходила из презумпции вины административного истца в образовании задолженности в период, превышающий три года со дня предъявления исполнительного документа к исполнению» [2].

В приведенном примере идет речь о применении повышенной ответственности – большей, чем период взыскания в три года. Но такая возможность возникает только при установлении вины, а не ее презумпции.

В некоторых нормах материального права указывается, что размер вреда может взыскиваться с учетом степени вины правонарушителя (ст. ст. 151, 1100, 1252 ГК РФ), но не исключает ответственности. Например, как указано в мотивировочной части решения суда «компенсация морального вреда должна отвечать цели, для достижения которой она установлена законом, – компенсировать потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания. Конкретный размер компенсации морального вреда определяется судом по его усмотрению в зависимости от характера причиненных этому лицу физических и нравственных страданий, учитывая требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101 ГК РФ)» [2].

Поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается. Установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда. В правоприменительной практике значительно разнятся суммы, взыскиваемые в счет компенсации морального вреда. Поскольку размер законом не установлен, определяется судом исходя из различных условий его наступления и в том числе степени вины делинквента. Это означает, что степень вины ни в нормах материального права, ни в правоприменительной практике напрямую не раскрывается. Она лишь учитывается, но конкретные ее формы в подавляю-

щем числе случаев, не устанавливаются и не исследуются. Суд исходит только из представленных письменных, устных и вещественных доказательств сторон.

«Оценивая по делу фактические обстоятельства, учитывая степень утраты профессиональной трудоспособности, тяжесть и характер профессиональных заболеваний, состояние здоровья истца, степень вины работодателя, отсутствие вины работника, а также принцип разумности и справедливости, суд удовлетворил заявленные требования» [3].

Если рассматривать медицинские деликты, то самые большие суммы в счет компенсации морального вреда взыскиваются именно в этой сфере. Поскольку от некачественно оказанной медицинской помощи страдает самое большое человеческое благо – его жизнь и здоровье. Граждане обращаются в суд за компенсацией морального вреда от некачественно оказанных медицинских услуг как в свою пользу, так и в пользу их родственников, как правило, в связи со смертью. Суд устанавливает, как совершенные медицинским учреждением действия, так и не оказанные при надлежащей компетенции необходимых в данных условиях услуг. Часто вина в таких случаях не носит прямого умысла, это скорее халатное отношение к своим должностным обязанностям, и что еще более печально – их некомпетентность. Суммы, взыскиваемые в пользу родственников в связи со смертью их близкого от некачественно оказанной медицинской помощи, варьируются в пределах от 100 000 до 200 000 руб. Для удовлетворения столь значительных сумм суд исследует большое количество медицинских документов, составленных как при жизни, так и после смерти пациента, заслушивает свидетельские показания, то есть осуществляет большую работу, становясь больше на сторону потерпевшего и презюмируя вину делинквента.

Если же рассматривать сферу значительного взыскания имущественного ущерба по деликтным обязательствам, то он возникает в делах при дорожно-транспортных происшествиях. В частности, это дела о бездействии при обеспечении качественных и безопасных дорог. Функции по поддержанию дорог в исправном состоянии возлагаются на администрацию. Часто свои функции по ремонту и поддержанию дорог не исполняются с должным качеством и срокам их обновления. Даже несмотря на то, что администрация самостоятельно не осуществляет действий по обновлению дорог, а привлекает для этого специализированные подрядные организации, ответственность возлагается именно на нее.

Суд исследует доказательства, свидетельствующие о надлежащем исполнении обязательств администрации перед автолюбителями. Дороги не просто должны быть отремонтированы, но и должны соблюдаться требования ГОСТов, СНиПов, Порядка содержания и ремонта автомобильных дорог и улиц местного значения.

Но наличие таких контрактов не освобождает собственника имущества исполнять обязанности по осуществлению контроля за надлежащим состоянием вверенных им дорог и устранению повреждений, возникающих на них.

Суд должен установить причинно-следственную связь между действиями администрации, выразившимися в отсутствии должных мер по обеспечению надлежащего состояния автомобильной дороги для безопасного движения транспортного средства, отсутствия должного контроля за состоянием и содержанием дорожного полотна с наступившими последствиями в виде повреждения автомашины истца и причинения ущерба.

В приведенных случаях суд не устанавливает степень вины, она просто есть. Если бы законом можно было в деликтных обязательствах устанавливать конкретную форму вины, то это значительно упростило бы порядок привлечения лица к ответственности и определения сумм, подлежащих взысканию. Иначе судье постоянно приходится применять судебское усмотрение и «на глазок» устанавливать степень вины правонарушителя в отсутствие действенных для этого механизмов.

Презумпция вины может не применяться к причинителю вреда, если он докажет, что вред причинен не по его вине. Имеется ввиду, что вред причинен другим лицом или в силу стечения обстоятельств, за которые данное лицо не отвечает. Это может быть событие, некое природное явление – дождь, град, ураганный ветер и т.п. Ответчику необходимо доказать, что он предпринял все необходимые надлежащие действия по предотвращению ущерба, выражающийся в виде оторванных знаков, крыш, частей конструкции, от которых пострадало лицо или его имущество.

Презумпция вины может применяться только при условии, что установлены и другие элементы гражданско-правовой ответственности, а именно вред и причинно-следственная связь. Иначе, презумпция вины приведет к дисбалансу интересов спорящих сторон. Для делинквента это будет означать, что он не просто должен выплатить сумму, но и она может быть взыскана с него в увеличенном размере.

Как справедливо замечает Э. А. Евстигнеев, «по общему правилу вина должна соотноситься с причинно-следственной связью. При презумпции вины, причинно-следственная связь не выступает основным элементом, который необходимо устанавливать и доказывать истцу» [4].

Но если же ее не устанавливать, то ответчик заранее ставится в такое невыгодное положение, что любой, кто укажет на него, автоматически ставится в преимущественное и выигрышное положение. Следовательно, устанавливая причинно-следственную связь, суд приводит стороны в сбалансированное состояние. Обычно суд указывает, что по делу доказана прямая причинно-следственная связь или ограничивается только ее установлением, не раскрывая прямая она или косвенная. Однако удалось обнаружить единичные решения суда, где была установлена судом не прямая причинно-следственная связь, а косвенная. Например, суд указал: «между действиями медицинских работников ГУАЗ «Шилкинская ЦРБ» и наступившими последствиями – рождением мертвого плода мужского пола, имеется косвенная причинно-следственная связь» [5].

Презумпция вины хоть и находится в нормах материального права, но применяется только при рассмотрении гражданских дел в суде. Для облегче-

ния участия в гражданском процессе истцу, спорящему с причинителем вреда, предоставляется поправка. Она состоит в том, что нормы процессуального права для истца устанавливают режим благоприятствования в виде перераспределение бремени доказывания. Такое перераспределение происходит за счет применения доказательственных презумпций. Например, в ст. 1064 ГК РФ презумпция вины причинения внедоговорного вреда предполагает, что на истце лежит обязанность доказать: факт причинения вреда/ущерба, сумму требования, а также легитимацию сторон. На делинквенте лежит обязанность только по доказыванию отсутствия своей вины в таком причинении, если законом не предусмотрена ответственность без вины. Причем суд может требовать от ответчика не просто опровержения своей вины, но и более весомых аргументов, таких как «доказательств, однозначно свидетельствующих об отсутствии его вины в получении истцом профессионального заболевания». Как указано в мотивировочной части решения «по усмотрению суда, принимаемые работодателем меры по безопасности и охране труда, оказались недостаточными и не исключили полностью влияние вредных производственных факторов на здоровье работника. Доказательства, свидетельствующие о том, что вред здоровью истца был причинен с его согласия, отсутствуют» [6].

Юридические доказательственные презумпции бывают опровержимыми и неопровержимыми (общим и специальным). Презумпция вины причинителя вреда относится к специальным опровержимым презумпциям.

Опровержимые юридические презумпции влияют на распределение бремени доказывания и могут быть опровергнуты той из спорящих сторон, против которой направлена презумпция.

Верховный Суд РФ задает судам некие ориентиры оценки доказательств через «стандарты доказывания» (на что важно обращать внимание). Данный институт Верховный Суд РФ стал использовать после объединения с Высшим Арбитражным Судом РФ, т.е. после февраля 2014 года.

Таким образом, судами применяются следующие стандарты:

1. *«Базовый, или обычный, стандарт доказывания»* – «баланс вероятностей». Факты и обстоятельства считаются доказанными, если судья придет к выводу, что он скорее был, чем не был. Этот стандарт используется «по умолчанию» во всех гражданских спорах ст. 56 ГПК РФ: «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений». Однако такой стандарт больше подходит для дел искового производства, когда решение будет вынесено в пользу того, кто представит более убедительные доказательства.

2. *«Пониженный стандарт доказывания»* – истцу достаточно представить минимальные доказательства, которые зародят у суда сомнения в существовании спорного факта. Ответчик, обладающий необходимыми доказательствами, должен опровергнуть эти сомнения. Как правило, такой стандарт часто применяется при наличии презумпции вины. Например, ответчик должен доказать, что «медицинская помощь соответствовала стандарту специализированной медицинской помощи и невозможно было предотвратить

наступившие негативные последствия для потерпевшего». Если же ответчик не докажет отсутствие своей вины, то с него подлежит взысканию суммы в счет возмещения ущерба/вреда.

3. «Повышенный стандарт доказывания» – «ясные и убедительные доказательства». Например, такой стандарт применяется «в отношении позиции истца о наличии оснований для привлечения ответчика к материальной ответственности необходимо доказать противоправность его действий или бездействия, прямого действительного ущерба, причинной связи между его поведением и наступившим ущербом» [6]. Например, «исходя из положений подп. 7 п. 2 ст. 105.1 НК РФ Попов С. Н. и ООО «Гудвин» являлись аффилированными лицами, и с учетом данных обстоятельств, а также в целях предотвращения необоснованных требований к должнику, находящемуся в стадии ликвидации, к обстоятельствам, связанным с возникновением задолженности должника, подлежит применению повышенный стандарт доказывания» [7].

4. «Высокий стандарт доказывания» – «вне разумных сомнений». В решениях суда можно встретить следующие формулировки применения при доказывании такого стандарта: «необоснованно завышенный», «избыточно строгий», «стандарт доказывания для преодоления презумпции добросовестности государственных органов является высоким, и этому должны быть представлены неоспоримые доказательства».

Теперь перейдем к достоинствам и недостаткам такой презумпции как презумпция вины, существующей в различных нормах материального права, в частности – гражданского.

Недостатки существования в законодательстве презумпции вины:

1. Действие презумпции ответственности возможно только при доказанности взаимосвязи между наступившим вредом/ущербом и поведением делинквента.

2. При наличии такой презумпции в нормах материального права, суду не предоставлено право устанавливать форму вины, так как она не влияет на определение условий возникновения ответственности за деликт.

3. Необходимость опровергать делинквенту свою вину при сохранении преимуществ у потерпевшего указать на предполагаемое лицо, причинившее вред. Если презумпцию можно опровергнуть, то для чего презюмировать наличие вины? Актуальной такая презумпция становится только при условии, что причинитель ее не опровергает, то есть активно не состязается в процессе.

4. Презумпция вины используется не всегда, а только по некоторым категориям гражданских дел и только тогда, когда истец объективно не может представить доказательства вины ответчика (деликты, например, заведомая вина владельца источника повышенной опасности).

5. Для более полного установления обстоятельств, при которых причинен вред или ущерб, истец все же должен доказать вину ответчика. Следовательно, презумпция вины для истца становится не актуальной.

6. Суд при рассмотрении требований должен выяснять позиции сторон и характер представляемых доказательств, но при презумпции вины, позиция сторон уже задана законодателем. Эта заданность изменяет правила бремени доказывания, закрепленные в ст. 56 ГПК РФ в пользу потерпевшего.

Достоинства презумпции вины:

1. Экономится время и средства потерпевшего, поскольку для участия в суде он может обойтись без найма представителя, так как суд выступает «на стороне» истца.

2. Сокращается длительность судебного разбирательства.

3. Происходит перераспределение бремени доказывания состава гражданско-правовой ответственности от истца к ответчику.

4. Для истца уменьшается стандарт доказывания взаимосвязи причины и следствия. Кроме того, суд ограничивается констатацией ее наличия, не важно она прямая или косвенная.

5. Применяются более гибкие правила в отношении процедуры оценки доказательств.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 10.05.2022).

2. Решение Чунского районного суда Иркутской области от 26 июля 2021 г. по делу № 2А-354/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/emXjBRtaDFUj/> (дата обращения: 10.05.2022).

3. Решение Шелеховского городского суда от 11 ноября 2021 г. по делу № 2-1488/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nANz1ZJvOEd/> (дата обращения: 10.05.2022).

4. Евстигнеев Э. А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права». 2020. Т. 20. № 1. С. 33 – 59.

5. Решение Шилкинского районного суда Забайкальского края от 19 октября 2020 г. по делу № 2-434/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Cq0M6vICIdQ/> (дата обращения: 10.05.2022).

6. Решение Сосногорского городского суда Республики Коми № 2-347/2020 от 26 мая 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qJZhjWqBhkxR/> (дата обращения: 10.05.2022)

7. Решение Первомайского районного суда г. Кирова от 3 января 2020 г. по делу № 2-518/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hAPkMiWXQhXu/> (дата обращения: 10.05.2022).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Кравченко Н. А., кандидат экономических наук
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействиями) налоговых органов при проведении мероприятий налогового контроля. В результате исследования определено, что публичный характер налоговых правоотношений не исключает применения механизма привлечения к деликтной ответственности, когда нарушаются частные интересы налогоплательщиков. Предлагается рассматривать ответственность органов публичной власти как междисциплинарную категорию, обладающую свойствами как публично-правовой, так и частноправовой науки.

Ключевые слова: возмещение вреда, налоговые органы, налоговый контроль, публичная ответственность, деликтные обязательства.

SOME FEATURES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY TAX AUTHORITIES DURING THE IMPLEMENTATION OF TAX CONTROL MEASURES

Kravchenko N. A., Ph.D. in Economics
Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

Abstract. The article is devoted to the analysis of the mechanism of compensation for harm caused by illegal actions/inactions of the tax authorities in the course of tax control measures. As a result of the study, it was determined that the public nature of tax legal relations does not exclude the use of the mechanism of bringing tort liability when the private interests of taxpayers are violated. It is proposed to consider the responsibility of public authorities as an interdisciplinary category that has the properties of both public law and private law science.

Keywords: compensation for harm, tax authorities, tax control, public liability, tort obligations.

Экономическая сущность налогов заключается в перераспределении национального дохода. Реализация этой функции происходит в рамках налоговых правоотношений, которые в некотором роде могут рассматриваться как обязательственные. Благодаря реализации налоговых правоотношений происходит перераспределение имущественных интересов и материальных

благ от налогоплательщиков в пользу государства. Аналогично деликтным правоотношениям в гражданском праве, в налоговом праве закреплена законодательно установленная обязанность налогоплательщика уплатить, а публично-го органа – перераспределить материальные блага в виде денежных средств для формирования доходной части государственного бюджета.

В отношении возмещения вреда, причиненного государству вследствие неуплаты или неполной уплаты налоговых платежей все относительно ясно, в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ), разработан чёткий механизм привлечения к ответственности (главы 16, 18 НК РФ), с обязательным взысканием штрафных санкций как меры ответственности, которая носит карательный и превентивный характер, и возмещения упущенной выгоды государства посредством начисления пени, за каждый день просрочки исполнения налоговой обязанности. Причем пеня относится как к обеспечительным мерам, так и к мерам ответственности, и носит праввосстановительный характер. Так, «...неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пенью как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога» [5].

Основным инструментарием налоговых органов, позволяющим им выполнять свои функции, является налоговый контроль в традиционной форме налоговых проверок: камеральных и выездных. При этом порядок проведения контрольных мероприятий строго регламентирован гл. 14 НК РФ. Цель налогового контроля – выявление фактов нарушения налогового законодательства, привлечение к ответственности виновных налогоплательщиков и возмещения вреда государственной казне в виде налоговых недоимок, пеней и штрафов.

Поскольку в налоговых правоотношениях всегда участвуют две стороны – управомоченная и обязанная, то наравне с государством право на возмещение вреда имеют и налогоплательщики (ст. 53 Конституции РФ). Кроме того, ст. 16 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гарантирует и физическому, и юридическому лицу право на возмещение вреда, причиненного государственными органами и их должностными лицами. За причинение убытков в ходе реализации налоговых проверок должностные лица налоговых органов несут ответственность и обязаны возместить причиненный ущерб за счет государственного бюджета (п. 3. ст. 103 НК РФ). Стоит отметить, что в НК РФ нет законодательно определения понятия убытки, поэтому исходя из п. 2. ст. 15 ГК РФ, под убытками следует понимать все расходы на восстановление своего права, которые понесло лицо, чье право нарушено.

Субъектами обязательств, возникающих вследствие причинения вреда неправомерными действиями или бездействиями налоговых органов выступают государство и налогоплательщик, при этом причинитель вреда – должностное лицо, как представитель органа публичной власти не выступает

непосредственным субъектом деликтного обязательства, хотя имеет к возникающим правосоставительным отношениям и непосредственное отношение, поскольку без доказательства вины конкретного представителя государственного органа нельзя говорить про возмещение вреда [8]. Получается, что вред причиняет конкретное должностное лицо, сотрудник налоговых органов, а возмещает его государство за счет средств федерального бюджета.

На практике доказать свое право на возмещение убытков, понесенных налогоплательщиком вследствие неправомерных действий или бездействий налоговых органов и их должностных лиц, не так-то просто. Связано это с тем, что хоть возможность противоправного поведения со стороны государственного органа и возможна, фактически бремя доказывания факта противоправности лежит на налогоплательщике, чьи права нарушены [8]. Напомним, что противоправность является обязательным условием для возмещения убытков (п. 1 ст. 35 НК РФ, ст. 16 и ст. 1069 ГК РФ). Значительно усложняет процедуру расчет и обоснование убытков, понесенных налогоплательщиков в результате неправомерных действий фискальных органов. Так, п. 2 ст. 103 НК РФ обязует налоговые органы возместить за счет средств федерального бюджета все убытки, причиненные налогоплательщику, в ходе реализации мероприятий налогового контроля. Но здесь налогоплательщик сталкивается с необходимостью обоснования, калькуляции и доказывания фактов понесенных убытков (например, с помощью средств видео- или фото-фиксации). Проблемным остается вопрос обоснования и оценки упущенной выгоды и убытков будущих периодов, так как они имеют вероятностный характер и должны быть оценены исходя из критериев разумности (п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 6) [6]. Кроме того, должна быть доказана вина налогового органа, при этом бремя доказывания не может быть возложено на налогоплательщика в силу п. 2. ст. 1064 ГК РФ, и налоговый орган в этом случае должен обосновать отсутствие вины. И конечно же, необходимо доказать наличие причинно-следственной связи между неправомерными действиями должностных лиц налоговых органов и реальными убытками налогоплательщика. Здесь большинство примеров судебной практики свидетельствуют о значительном количестве отказных решений по делам о возмещении вреда, причиненного налоговым органом (например, в Определении № 306-ЭС19-27836 и Письме ФНС указано, что расходы на представительство и юридические услуги, понесенные при обжаловании решений налоговых органов, могут быть признаны лишь в том случае, если будет доказан факт невыполнения налоговой инспекцией своих публичных обязательств) [3].

Но, несмотря на все трудности, трудолюбивые налогоплательщики могут и должны отстаивать свои права, если они действительно нарушены. К примеру, стоит обратить внимание на правомерность применения обеспечительных мер, а именно приостановления операций по счету, в случае если решение налоговых органов принято с нарушением норм налогового законодательства, налогоплательщик имеет право на административное и судебное обжалование (ст. 138 НК РФ) и возмещение процентов (п. 9.2. ст. 76 НК РФ) [2]. При этом важно отметить, что решение о начислении процентов прини-

мается вне зависимости от понесенных, вследствие блокировки счета, материальных потерь. Однако взыскать с государства в лице налоговых органов упущенную выгоду достаточно сложно, в силу того, что необходимо привести неопровержимые доказательства причинно-следственной связи между неправомерными действиями или бездействиями налоговых органов и понесенным ущербом налогоплательщика. Так, к примеру, суд может принять требования о возмещении вреда за попытку искусственного создания убытков, как в случае с попыткой взыскания упущенной выгоды в виде недополученных процентов из-за блокировки счета юридического лица и невозможности размещения заблокированных денежных средств на депозитном счету [4].

Возмещение убытков предусмотрено и по результатам камеральных проверок, например, в случае подачи декларации по НДС с суммой к возмещению, налогоплательщик может применить ускоренный порядок в соответствии со ст. 176.1 НК РФ. Эта статья предусматривает заявительный порядок возмещения НДС, при котором срок принятия решения о возмещении составляет 11 дней, и уже с 12-го дня налоговый орган обязан будет заплатить налогоплательщику процент за каждый день просрочки в принятии решения. Судебная практика свидетельствует о том, что при наличии всех документов и подтверждении права на возмещение НДС в результате камеральной проверки, налогоплательщик имеет хорошие шансы на принятие решения в его пользу.

Таким образом, в случаях, когда налоговые органы своими действиями или бездействиями нарушают права налогоплательщиков и этим причиняют им материальный вред, мы имеем дело фактически с деликтной ответственностью, несмотря на тот факт, что она возникает в рамках публичных правоотношений [1]. Налоговые органы, представляя интересы государства, действуя от имени государства, и опосредуя функции государственного управления могут нарушать частные интересы и в этом случае должны понести ответственность. Иными словами, фактически возмещение вреда, в том числе налоговыми органами, причиненного органами публичной власти нельзя полностью отнести ни к публичному, ни к частному праву, а возникающая в этом случае ответственность в данном случае несет в себе как публично-правовое, так и частноправовые элемент. Учитывая специфику налоговых правоотношений, отметим, что возмещение вреда все же не стоит относить к институту ответственности гражданского права, а скорее рассматривать механизм возмещения убытков как возможность реализации способа защиты частных интересов налогоплательщиков.

Библиографический список

1. Кравченко Н. А. К вопросу разграничения понятий административный и налоговый деликт // Актуальные проблемы предпринимательского и гражданского права: сборник научных трудов (2021; Волгоград) / под редакцией С. М. Мироновой, А. Е. Пономарченко, Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловой; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград:

Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 413 – 420.

2. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 12. С. 24 – 35.

3. Письмо ФНС России от 31.07.2012 № АС-4-2/12725@ // Письма Федеральной налоговой службы. URL: http://gospismo.ru/library/fns/?dir%5B0%5D=fns&PAGEN_1=41 (дата обращения: 10.05.2022).

4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.08.2021 № Ф10-3419/2021 по делу № А36-2412/2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40166714/#review> (дата обращения: 10.05.2022).

5. Постановление Конституционного Суда РФ 17.12.1996 № 20-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 9. С. 33 – 36.

7. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям незаконными действиями (бездействием) органов исполнительной власти: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация ... кандидата юридических наук / Рипинский С. Ю. Санкт-Петербург, 2002. 203 с.

8. Шевцов А. А. К вопросу о возмещении неправомерного вреда при проведении налогового контроля // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 15. С. 589 – 599.

ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД ВСЛЕДСТВИЕ ДЕФЕКТНОЙ ПРОДУКЦИИ В ПРАВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Кратенко М. В., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ законодательства России и некоторых зарубежных стран (государств-членов Евросоюза, Японии, Индии) об ответственности за вред, причиненный вследствие дефектной продукции. Сделан вывод о том, что по ряду ключевых позиций (понятие «продукции», круг потенциальных ответчиков, основания освобождения от возмещения вреда) российская модель ответственности производителя является гораздо более про-потребительской, чем зарубежные аналоги. Однако с этим связаны и некоторые проблемы правоприменения.

Широкий подход в законе к определению понятия дефектной продукции как любых товаров, работ и услуг (включая недвижимость, профессиональные услуги и пр.) приводит к коллизиям с другими основаниями ответственности, а также к избыточному применению норм об ответственности производителя – даже в тех ситуациях, когда фигура потребителя в её традиционном понимании отсутствует. Равная ответственность изготовителя и продавца за вред вследствие недостатков товара (п. 1 ст. 1096 ГК РФ), вне зависимости от влияния продавца на процесс производства товаров, представляется несправедливой и не характерна для законодательства других государств. Ограниченный круг обстоятельств, освобождающих изготовителя (продавца) от ответственности (ст. 1098 ГК РФ), может стать препятствием для развития технологий в соответствующих сферах, например, жилищном строительстве, производстве медицинских изделий и пр. Перечисленные негативные моменты указывают на необходимость реформирования исследуемого института в российском праве – уточнения сферы его применения, установления более справедливого баланса в отношениях между предпринимателями и потребителями.

Ключевые слова: ответственность за дефектную продукцию, продавец, изготовитель, потребитель, вред здоровью, риски развития.

PRODUCT LIABILITY: A COMPARATIVE REVIEW OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Kratenko M. V., PhD in Law
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. The article provides a comparative analysis of the Russian and foreign law on product liability issues.

The author concludes that on a number of key points (the concept of "product", the liability of seller as well as manufacturer, the shortened list of grounds for exemption from liability) the Russian model of liability for defective product is much more pro-consumer than its analogues in foreign law. However, this leads to some difficulties in law enforcement.

At the same time, the broad definition of defective products as any goods, works and services (including immovables, professional services, etc.) leads to conflicts with other grounds of liability, as well as to the excessive application of the product liability rules – even in situations where the “consumer” in its traditional sense does not exist. The equal responsibility of the manufacturer and the seller to the consumer, provided by the Russian law, regardless of the seller's influence on manufacturing process, seems unfair and not typical for the legislation of other states. The limited list of circumstances exempting the manufacturer (seller, performer) from liability may be an obstacle to the development of technology in many fields, such as the automotive industry, the production of medical devices, etc. The above-mentioned points may serve as a reason to reform the product liability model in Russian law, to clarify the scope of its application, to establish a fair balance in the relationship between entrepreneurs and consumers.

Keywords: product liability, seller, manufacturer, consumer, injury, development risks.

Введение

Ответственность за вред вследствие недостатков товаров (работ, услуг) впервые была урегулирована в России в рамках Закона РФ от 07.02.1991 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹. В дальнейшем близкие по смыслу нормы были включены в § 3 гл. 59 ГК РФ² и предусматривают обязанность продавца (изготовителя, исполнителя) возместить вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя, вне зависимости от наличия вины и того, состоял ли потерпевший с ними в договорных отношениях. Ответственность за вред здоровью вследствие использования недоброкачественных лекарственных препаратов урегулирована специальным законом³.

Исследуемый российский институт отличается от европейской модели строгой ответственности производителя (Product liability), основанной, прежде всего, на положениях Директивы ЕС 85/374/ЕЕС от 25.07.1985 о гармонизации законодательства и административных актов государств-членов Евросоюза по вопросам ответственности за дефектную продукцию⁴. Существуют различия в понимании продукции и видов дефектов, определении круга потенциальных ответчиков и обстоятельств, исключающих ответственность. Свои особенности институт *Product liability* имеет и в праве стран Азии и Дальнего Востока. Специфика правового регулирования отражает не только

¹ Статья 14.

² Введена в действие с 01.03.1996.

³ См.: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

⁴ Council Directive 85/374/EEC of July 25, 1985, on the approximation of the laws, regulations, and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31985L0374> (дата обращения: 14.03.2022).

исторические особенности развития конкретной правовой системы, но и уровень развития экономических отношений, современные вызовы для потребителей и предпринимателей, попытки законодателя установить справедливый баланс в их отношениях.

1. Понятие дефектной продукции: широкий подход и избыточное применение положений § 3 гл. 59 ГК РФ

В соответствии со ст. 1095 ГК РФ в качестве дефектной продукции могут выступать *товары, работы и услуги*, приобретаемые в потребительских целях, то есть не для использования в предпринимательской деятельности.

Для европейского законодательства характерна более узкая трактовка дефектной продукции. Как правило, речь идет лишь о реализации товаров. В соответствии со ст. 2 Директивы ЕС 85/374/ЕЕС под продукцией понимается любая *движимая вещь*, в том числе являющаяся частью другой движимой или недвижимой вещи, а также электрическая энергия¹. Это определение продукции практически дословно было воспроизведено в национальном праве большинства государств-членов Евросоюза [4]. Например, в ст. 1386-3 ГК Наполеона (Франция) продукт определяется как любая движимая вещь, включая продукцию сельского хозяйства, охоты и рыболовства, а также электрическую энергию².

Сформулированное в российском праве широкое определение дефектной продукции, с одной стороны, обеспечивает гарантии возмещения вреда потребителям соответствующих работ и услуг³. По правилам § 3 гл. 59 ГК РФ суды привлекают к ответственности застройщиков⁴, организации общественного питания⁵, управляющие компании (обслуживающие многоквартирные дома)⁶, банки⁷, спортивно-развлекательные центры⁸. В литературе указывается на возможность распространения положений данного параграфа и на профессиональные услуги, например, медицинские [1, с. 31-33].

¹ Первоначально из сферы действия Директивы была исключена продукция сельскохозяйственного производства, однако в 1999 г. данное ограничение было отменено. См.: Directive 1999/34/EC of 10 May 1999 amending Council Directive 85/374/EEC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31999L0034&from=EN> (дата обращения: 14.03.2022).

² Лишь в редких случаях можно встретить более широкую трактовку продукции. Например, в соответствии со ст. 1063 Обязательственно-правового закона Эстонии к продукции отнесено компьютерное программное обеспечение. См.: Law of Obligations Act, of September 26, 2001 (Eng.). URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/90391/104169/F-1818835708/EST90391%20Eng.pdf> (дата обращения: 14.03.2022)

³ Имеется в виду строгий режим ответственности исполнителя, ограниченный перечень оснований освобождения его от ответственности (ст. 1098 ГК РФ).

⁴ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 21.09.2016 № 33-12966/2016.

⁵ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 02.04.2018 № 33-4202/2018.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-14240/2021, по делу № 2-2506/2020.

⁷ См.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2020 № 88-6594/2020; определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 по делу N 88-7110/2021. Поскольку речь идет, как правило, о возмещении банком клиенту необоснованно списанных со счета денежных средств (путем копирования SIM-карты, неавторизованного доступа в онлайн-банк и т.д.), нет никакой необходимости в применении положений § 3 гл. 59 ГК РФ. Нарушение прав клиента не выходит за рамки договорных обязательств банка.

⁸ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21.08.2014 № 33-10085/2014.

С другой стороны, такой подход порождает ряд вопросов практического свойства, например: кто, кроме самого заказчика работы (услуги), может рассматриваться в качестве потерпевшего (потребителя); в течение какого срока¹ потерпевший вправе обратиться за возмещением вреда? В судебной практике все чаще встречаются примеры, когда к иску потерпевшего о возмещении вреда положения § 3 гл. 59 ГК РФ и ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» применяются без достаточных оснований, иногда и вопреки здравому смыслу.

В одном случае гражданин Д. обратился с иском о возмещении ущерба к собственникам квартиры, из которой выпала оконная рама и повредила автомобиль истца. В качестве соответчика к участию в деле привлечен застройщик дома – ООО «ЖК Весенний».

Суд удовлетворил иск в отношении застройщика. В апелляционной жалобе истец Д. настаивал на взыскании ущерба с собственников квартиры, полагая, что именно они в силу ст. 210 ГК РФ несут бремя содержания жилого помещения и отвечают за его безопасность. Однако суды апелляционной и кассационной инстанции оставили решение без изменения, отметив, что вред был причинен вследствие дефектов строительства дома и в пределах установленного законом гарантийного срока. В свою очередь, ответственность застройщика не ограничивается возмещением вреда лишь участникам долевого строительства (определение 1-го Кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 88-14695/2021, дело № 3462/2020)².

Еще более сомнительным выглядит применение режима ответственности производителя (ст. 1095 ГК РФ, ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей») в следующем примере. Организация, оказывающая ритуальные услуги (по захоронению тела), случайно повредила надгробие на соседней могиле. Собственник поврежденного надгробия В. потребовал возмещения причиненного ущерба, выплаты компенсации морального вреда и штрафа со ссылкой на законодательство о защите прав потребителей. Суд первой инстанции удовлетворил иск В. в полном объеме. Апелляционная инстанции пересмотрела решение и отказала в иске в части взыскания компенсации морального вреда и штрафа, отметив, что В. не является потребителем услуг похоронного бюро. Верховный Суд РФ, однако, не согласился с апелляционной инстанцией, указав, что ответчик оказывает услуги по содержанию кладбища в целом, поэтому В. можно рассматривать в качестве потребителя... (определение Верховного Суда РФ от 22.09.2015 № 66-КГ15-10).

Наряду с проблемой разграничения ответственности производителя дефектной продукции и собственника недвижимого имущества (ст. 210 ГК РФ, ст. 60 Градостроительного кодекса РФ), можно также указать на некор-

¹ Сроки службы, как правило, устанавливаются в отношении товаров (работ) длительного пользования. См.: п. 2 ст. 5 Закона РФ «О защите прав потребителей».

² В судебной практике распространен и прямо противоположный подход, согласно которому именно собственник квартиры отвечает за вред, причиненный третьим лицам (на основании ст. 210, ст. 1064 ГК РФ). А уже после возмещения вреда собственник вправе предъявить регрессные требования к застройщику или производителю некачественного оборудования, установленного в квартире. См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2021 № 88-1350/2021.

ректное применение норм § 3 гл. 59 ГК РФ в случаях ненадлежащего оказания профессиональных услуг, например, медицинских. В судебных решениях по искам пациентов к медицинским организациям о возмещении вреда здоровью, причиненного ненадлежащим лечением, ссылки на ст. 1095 ГК РФ стали общим местом¹. При этом суд, как и прежде, выясняет наличие или отсутствие вины медицинских работников в неблагоприятном исходе (п. 2 ст. 1064 ГК РФ)².

В целом, отнесение к дефектной продукции услуг является достаточно спорным решением, поскольку, во-первых, полезный эффект услуги обычно потребляется в процессе её оказания (услуга не рассчитана на длительное пользование), и, во-вторых, кроме собственно заказчика услуг риск причинения вреда иным лицам крайне невелик. В этой связи интересен опыт Индии, где в 2019г. был введен в действие новый Закон о защите прав потребителей (CPA, 2019)³. Вопросы возмещения вреда, причиненного потребителю вследствие недостатков товаров, работ и услуг, урегулированы в гл. 6 CPA (“Product Liability”). Под продукцией понимается любой предмет, вещество или сырье, которые могут находиться в твердом, жидком или газообразном состоянии, поставляться в собранном виде или в виде составных частей, за исключением человеческих тканей, органов и крови (п. 33 ст. 2 CPA). Услуги подпадают под режим строгой ответственности лишь в том случае, если передача или использование какого-либо продукта является их сутью (п. 37-в ст. 2 CPA)⁴. И напротив, профессиональные услуги, в которых передача или использование продукта является второстепенными, а на первое место выходят профессиональные навыки или экспертное мнение, не подпадают под действие вышеуказанной главы об ответственности производителя.

Возможно, по примеру зарубежного законодателя следует ограничить понятие дефектной продукции, исключив из него, по крайней мере, нематериальные услуги (консультационные, медицинские, финансовые и пр.).

2. Субъекты отношений по возмещению вреда: к вопросу о солидарной ответственности

Российский законодатель предоставляет потерпевшему возможность выбора субъекта возмещения вреда, то есть ответчика. В соответствии с п. 1 ст. 1096 ГК РФ, п. 3 ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» вред, причиненный вследствие недостатков товара, подлежит возмещению по вы-

¹ Это может объясняться как небрежностью при составлении мотивировочной части судебного решения, так и непониманием целей института строгой ответственности производителя продукции.

² См.: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2021 № 88-3085/2021 по делу № 2-28/2020 (иск пациента к медицинской организации удовлетворен, поскольку ответчик не доказал отсутствие вины); апелляционное определение Саратовского областного суда от 09.02.2017 № 33-442/2017 (в иске к медицинской организации отказано в связи с «отсутствием вины ответчика в неблагоприятном исходе лечения»).

³ См.: Consumer Protection Act of India, No. 35 of August 9, 2019 (Eng.). URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/15256?locale=en> (дата обращения 14.03.2022). Далее по тексту – CPA (India). До 2019г. применялся одноименный закон – CPA, 1986.

⁴ В качестве примера можно указать услуги по ремонту автомобилей или бытовой техники, по химчистке одежды и пр.

бору потерпевшего продавцом или изготовителем товара. Несмотря на использование разделительного союза «или», в литературе высказано мнение, согласно которому продавец и изготовитель несут солидарную ответственность перед потерпевшим [2]. Эта позиция, однако, не находит поддержки у судей, которые предпочитают возлагать бремя ответственности лишь на одного из субъектов, мотивируя свое решение большей причастностью ответчика к нанесению вреда, его платежеспособностью и пр.

Гр. Е. обратилась с иском к АО «Торговый дом «Перекресток», ООО «Консервный завод» и ООО «Агроторг» о взыскании компенсации морального вреда в сумме 5 млн. руб. и расходов на лечение. Исковые требования мотивировала тем, после использования маринованных томатов, приобретенных в магазине «Перекресток» (принадлежит ООО «Агроторг»), получила пищевое отравление, была госпитализирована в больницу и проходила длительное лечение. Соответствующий товар был произведен ООО «Консервный завод» и поставлен в торговую сеть «Перекресток» (товарный знак зарегистрирован за АО «Торговый дом «Перекресток»). Считая всех ответчиков причастными к выпуску и реализации дефектной продукции, истица Е. просила взыскать компенсацию в солидарном порядке.

Суд первой инстанции удовлетворил иск в отношении всех ответчиков. Однако апелляционная инстанции пересмотрела решение и отказала в иске к ООО «Консервный завод» и АО «Торговый дом «Перекресток», отметив, что именно ООО «Агроторг» как лицо, осуществляющее реализацию продукции конечному потребителю, отвечает за причинение вреда здоровью истицы. Кроме того, в отношении завода возбуждена процедура несостоятельности. Суд кассационной инстанции согласился с данными выводами (определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2021 № 88-12309/2021).

В другом случае гр. В. предъявил иск к предпринимателю К. Н. и ООО «Хмчик» о возмещении расходов на лечение, ссылаясь на инфицирование сальмонеллезом после употребления торта, приобретенного в магазине «Газовик» (собственник – ООО «Хмчик»). Суды всех инстанций удовлетворили иск лишь в отношении предпринимателя К. Н., который осуществлять производство товаров в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям. Суд апелляционной инстанции также отметил, что «доводы истца о взыскании возмещения в солидарном порядке с обоих ответчиков не основаны на законе...» (апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 05.12.2013 № 33-6166АП/2013).

В зарубежном законодательстве, применительно к продаже дефектных товаров основным субъектом ответственности выступает их изготовитель (producer, manufacturer)¹. Продавец несет ответственность за причинение

¹ Сходный с российским подход встречается в ГК КНР. В соответствии со ст. 1203 Кодекса в случае причинения вреда вследствие недостатков товара потерпевший может предъявить требование о возмещении вреда к производителю товара, а также к продавцу. Если недостаток товара возник по вине производителя, после выплаты возмещения продавец вправе предъявить регрессное требование к производителю и наоборот. Текст кодекса (Рус.) см.: URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 14.03.2022).

вреда («становится на место» изготовителя) лишь в исключительных случаях, например, когда осуществлял контроль за производством продукции, либо не может предоставить потребителю информацию об изготовителе дефектной продукции.

В соответствии с Директивой 85/374/ЕЕС изготовителем как субъектом ответственности признается изготовитель конечного продукта; изготовитель сырья или компонентов, из которых собран конечный продукт; а также любое иное лицо, которое путем нанесения на товар торговых знаков или иной маркировки выдает себя в качестве изготовителя товара (п. 1 ст. 3). Без ущерба для предыдущего правила в качестве изготовителя также рассматривается лицо, осуществляющее импорт товара на территорию стран Евросоюза для последующей продажи, сдачи в наем или иного распространения (п. 2 ст. 3). И лишь в том случае, если изготовитель дефектного товара не может быть идентифицирован, каждый поставщик (продавец) товара несет ответственность перед потребителем (наравне с изготовителем), если только в течение разумного времени он не сообщит потребителю сведения об изготовителе товара или поставщике, у которого сам приобрел данный товар. Аналогичное правило применяется в случае, если импортируемый товар не содержит сведений об импортере (п. 3 ст. 3). Аналогичные правила о возложении бремени ответственности на изготовителя дефектной продукции закреплены в ст. 1062 Обязательственно-правового закона Эстонии; ст. 1386-6 и ст. 1386-7 ГК Франции¹. Положения Директивы 85/374/ЕЕС воспроизведены практически дословно.

Японский законодатель (п.п. 2, 3 ст. 2 Закона об ответственности за дефектную продукцию²) в качестве субъектов ответственности перед потерпевшим указывает: изготовителя товара; импортера товара; лицо, которое путем использования своего фирменного наименования, торгового знака или иной маркировки товара выдает себя в качестве изготовителя прямо или косвенно³.

CPA India (2019) в качестве основного субъекта ответственности также называет изготовителя дефектной продукции. Изготовитель несет ответственность перед потерпевшим за причиненный вред, если товар содержит производственный или конструктивный дефект, либо товар не соответствует прямо сформулированной гарантии (*express warranty*), либо товар не содержит корректной инструкции по его безопасному использованию (ст. 84). В свою очередь, продавец дефектного товара (не являющийся его изготовителем) возмещает вред потерпевшему лишь в следующих случаях:

- если он осуществлял существенный контроль за разработкой дизайна, тестированием, производством, упаковкой или маркировкой товара, причинившего вред, либо

¹ Текст (Рус.) размещен в СПС «КонсультантПлюс».

² Product Liability Act, No. 85 of July 1, 1994 (Eng.). URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=3590&vm=04&re=02> (дата обращения: 14.03.2022).

³ Например, если нечеткая маркировка могла ввести в заблуждение потребителя относительно действительного изготовителя товара.

- если он осуществил переработку (изменение) товара, и такая модификация была существенным фактором в причинении вреда, либо
- если он выдал самостоятельную гарантию относительно качества и безопасности товара (независимую от гарантии изготовителя), и указанная гарантия не была соблюдена, либо
- если товар был продан без указания информации об изготовителе, либо указанный в маркировке изготовитель не подчиняется закону, действующему на территории Индии, либо судебное решение в отношении него не может быть исполнено, либо
- если продавец не проявил должной осмотрительности при сборке товара и его предпродажной проверке или не передал покупателю инструкцию изготовителя о правилах безопасной эксплуатации товара, и именно эти нарушения стали непосредственной причиной вреда (ст. 86).

Таким образом, в соответствии с законодательством стран Евросоюза, Японии и Индии субъектом возмещения вреда признается, прежде всего, изготовитель дефектного товара. В свою очередь, продавец не привлекается к ответственности, если обеспечил потерпевшему возможность предъявления иска к изготовителю или импортеру. Такой подход представляется более справедливым¹, поскольку именно изготовитель контролирует процесс производства товара, имеет возможности для выбора более безопасных технологий или экологичного сырья, равно как и для составления инструкций по безопасной эксплуатации товара. Возложение основного бремени ответственности за причинение вреда на изготовителя дефектной продукции также снимает вопрос о том, должны ли изготовитель и продавец отвечать перед потерпевшим солидарно².

3. Основания для освобождения от ответственности: в поиске справедливого баланса в отношениях B2C

Принципиальной чертой ответственности за вред вследствие недостатков товаров является её безвиновный характер³, что подразумевает ограниченный круг обстоятельств, которые освобождают изготовителя или продавца от возмещения причиненного вреда. Но даже в этом вопросе могут быть различные подходы, продиктованные либо желанием обеспечить потребителю максимальную степень защиты, либо поиском справедливого баланса в отношениях сторон.

Российский законодатель, судя по всему, руководствовался в первую очередь интересами потребителя, поэтому в ст. 1098 ГК РФ указаны лишь два основания освобождения от ответственности: действие непреодолимой силы, либо нарушение потребителем установленных правил пользования то-

¹ В сравнении с регулированием данного вопроса в законодательстве России и КНР.

² По смыслу положений CPA (India) не исключена возможность долевой ответственности изготовителя и продавца перед потерпевшим, если причинение вреда обусловлено действиями каждого из них. Например, товар мог иметь исходные дефекты дизайна, а в последующем продавец не передал покупателю инструкцию по эксплуатации товара, чем значительно увеличил риск травмирования покупателя.

³ В англоязычной литературе используется понятие “*Strict liability*”. Подробнее о содержании понятия см.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Strict_liability (дата обращения: 14.03.2022).

варом, результатом работы или услуги. В судебной практике преобладает второе основание, при этом отказ в возмещении вреда может быть связан с любой степенью неосмотрительности потребителя¹.

В одном случае гр. Ф. предъявил иск о возмещении вреда здоровью к владельцу водного аттракциона (вейкбординг). Травма была получена в процессе пользования услугами. Суды всех инстанций отказали в иске в полном объеме, указывая на то, что потерпевший сам нарушил правила пользования аттракционом, преждевременно взялся за трос (апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2016 № 33-36553).

В другом деле граждане Б. и С. предъявили иск о возмещении ущерба к ООО «М.Видео», мотивируя тем. Из-за возгорания стабилизатора напряжения, приобретенного в магазине ответчика, была повреждена квартира истцов и предметы обстановки. Однако суды и в этом случае отклонили иск потерпевших, указав, что при продаже стабилизатора покупателям (истцам) была передана письменная инструкция по эксплуатации, следуя которой покупатели могли рассчитать максимальную нагрузку на стабилизатор (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.02.2020 № 33-1707/2020).

Если в первом случае можно предполагать грубую неосторожность со стороны потерпевшего, то во втором – потребители, скорее, проявили неосмотрительность, не воспользовавшись помощью специалистов при подключении к электросети бытовой техники.

В преамбуле Директивы 85/374/ЕЕС указано, что справедливое распределение рисков подразумевает возможность освобождения изготовителя от ответственности при доказанности некоторых оправдывающих обстоятельств. К числу данных обстоятельств относятся так называемые *риски развития*², то есть невозможность с учетом состояния научно-технических знаний предвидеть или обнаружить существование дефектов в момент производства товара (ст. 7(е) Директивы). Каждый из членов Евросоюза вправе был не применять в своем национальном праве данное основание освобождения от ответственности (п. 1 ст. 15). Финляндия и Люксембург воспользовались данной возможностью; Испания и Франция исключили право производителя ссылаться на риски развития применительно к некоторым высокорискованным видам продукции (медицинские изделия и лекарственные препараты, продукты питания) [3, р. 10]; в Германии был установлен особый режим ответственности для изготовителей фармацевтической продукции³, но большинство государств-членов Евросоюза воспроизвели соответствующее по-

¹ В этом плане заслуживает внимания положение п. 2 ст. 8 Директивы 85/374/ЕЕС, согласно которому в зависимости от степени вины потерпевшего, размер ответственности изготовителя может быть уменьшен, либо в возмещении вреда может быть отказано. Это правило позволяет более гибко подходить к решению вопроса о возмещении, гарантировать потерпевшему хотя бы частичное возмещение при незначительной степени вины.

² Development risks (Eng.).

³ См.: Arzneimittelgesetz (1976) или сокр. – AMG. Текст (англ.) см.: URL: http://www.gesetze-im-internet.de/english_amg/index.html (дата обращения: 14.03.2022). Закон специальным образом урегулировал риски развития применительно к фармацевтической отрасли и обеспечил потерпевшим большую доступность компенсации в случае проявления тех или иных побочных эффектов продукции. Подробнее см.: [5, р. 69-70].

ложение Директивы без изменений [4]. В среднем, перечень оснований освобождения изготовителя от ответственности насчитывает 5-6 пунктов, включая дополнительные основания для производителей сырья и комплектующих¹.

Авторы СРА (Индия) еще более осторожно подошли к решению вопроса о распределении рисков между изготовителем и потребителем. Среди оснований освобождения изготовителя от ответственности, не известных Директиве 85/374/ЕЕС и внутреннему законодательству стран-членов Евросоюза, есть следующие:

- иск со ссылкой на дефекты дизайна или производства² не подлежит удовлетворению, если в момент причинения вреда товар был изменен или переработан (п. 1 ст. 87);

- иск со ссылкой на ненадлежащее информирование³ не подлежит удовлетворению, если: а) товар был приобретен работодателем для использования на рабочем месте, и изготовитель предоставил работодателю все необходимые инструкции по его безопасному использованию; б) товар относится к числу тех, которые в соответствии с законом должны использоваться или отпускаться экспертом или под контролем эксперта, при этом изготовитель довел до сведения таких экспертов необходимую информацию о свойствах товара; в) потерпевший в момент использования товара находился под воздействием алкоголя или лекарственного препарата, который не был назначен врачом (п. 2 ст. 87);

- кроме того, изготовитель не несет ответственность за отсутствие предупреждения об опасности, которая является очевидной или должна была быть известна потребителю, принимая во внимание характеристики товара и обычный способ его использования (п. 3 ст. 87).

В перечисленных выше основаниях освобождения изготовителя от ответственности видна попытка индийского законодателя предупредить возможные случаи злоупотреблений со стороны как собственно потребителей⁴, так и предпринимателей, приобретающих товары для обеспечения нужд своих работников.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование показывает, что институт ответственности производителя не является некой окончательно сформировавшейся нормативной моделью⁵. Напротив, для него характерна динамика, реагирование на стремительное развитие науки и техники, а также

¹ См., например: ст. 1064 Обязательственно-правового закона Эстонии.

² Design or manufacturing defects (Eng.).

³ Warning defect (Eng.).

⁴ Например, предъявление легкомысленных исков ("Frivolous cases"). К числу наиболее известных из них относится дело *Liebeck v. McDonald's* (<https://www.tortmuseum.org/liebeck-v-mcdonalds/>).

⁵ К слову, в зарубежной литературе поднимается вопрос об актуализации Директивы 85/374/ЕЕС, поскольку с момента своего принятия она не претерпела существенных изменений. При этом многие понятия Директивы являются оценочными (Design defects, State of science etc.), приводят к противоречивой судебной практике. Подробнее см.: [3, p. 5-8].

наиболее острые проблемы взаимоотношений в сфере b2c (потребительский «экстремизм»).

Положения § 3 гл. 59 ГК РФ становятся все более востребованными в российской судебной практике, однако их применение в ряде случаев является более чем спорным. Широкий подход к определению дефектной продукции (любые товары, работы, услуги), а также равная ответственность изготовителя и продавца затрудняют судьям квалификацию спорных правоотношений и выбор надлежащего ответчика. Суды неохотно применяют нормы о строгой ответственности в спорах, где в качестве потребителя выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, обоснованно полагая, что уровень осмотрительности данных потребителей должен быть несколько выше, чем у обычных граждан. Представляется, что эти негативные аспекты могут быть скорректированы посредством обращения к законодательному опыту зарубежных стран.

Библиографический список

1. Левушкин А. Н., Бирюкова Е. Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3.

2. Егорова М. А. Некоторые проблемы солидарной ответственности предпринимателей // Юрист. 2019. № 1.

3. Duncan Fairgrieve, Geraint Howells, Marcus Pilgerstorfer. The Product Liability Directive: Time to get Soft? // JETL. 2013. No. 4 (1). P. 1 – 33 (DOI 10.1515/jetl-2013-0001).

4. Product Law Worldview. URL: <https://pdfslide.net/documents/product-law-worldview.html> (дата обращения: 14.03.2022).

5. Eleonora Rajneri, Jean-Sebastien Borghetti, Duncan Fairgrieve & Peter Rott. Remedies for Damage Caused by Vaccines: A Comparative Study of Four European Legal System // European Review of Private Law. 2018. No. 1. P. 57 – 96.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ КАК ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кузбагаров М. Н., кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье проводится краткий правовой анализ правового регулирования обстоятельств непреодолимой силы как основания освобождения от гражданско-правовой ответственности. В результате исследования определено, что в сложившейся правоприменительной практике суд учитывает те обстоятельства, которые имеют правовое значение и соответствуют требованиям законодательства.

Ключевые слова: непреодолимая сила, гражданско-правовая ответственность, непредотвратимость, судебная практика, природный фактор, техногенный фактор.

FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES AS GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CIVIL LIABILITY

Kuzbagarov M. N., PhD in Law, Associate Professor
North-West Institute of Management – branch of RANEPА,
St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg

Abstract. The article provides a brief legal analysis of the legal regulation of force majeure circumstances as a basis for exemption from civil liability. As a result of the study, it was determined that in the current law enforcement practice, the court takes into account those circumstances that have legal significance and meet the requirements of the legislation.

Keywords: irresistible force, civil liability, unavoidable, judicial practice, natural factor, technogenic factor.

Вопрос освобождения от гражданско-правовой ответственности не снижает градус дискуссий среди ученых цивилистов и заставляет все больше обращаться к сопоставлению доктрины и складывающейся судебной практики.

Для гражданско-правового анализа конкретных обстоятельств непреодолимой силы в российском гражданском праве важно отметить, что на данный момент законодательством не установлен закрытый перечень обстоятельств непреодолимой силы, поэтому отнесение конкретного случая к такому обстоятельству решается судом в индивидуальном порядке.

В цивилистике отмечается, что следует относить к видам обстоятельств непреодолимой силы:

1) природные факторы – наводнение, ураган, землетрясение, смерч и др.;

2) техногенные факторы – воздействия материального объекта, катастрофы, поломка и повреждения оборудования на предприятии, обусловленная внешними факторами и др.;

3) социальные факторы – военные действия, теракты, забастовки и др.

По причине того, что признак непреодолимой силы непредотвратимость носит субъективную окраску, в судебной практике рассматриваются разнообразные подходы к признанию конкретных обстоятельств в качестве непреодолимых.

Так в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.05.2020 № Ф02-1473/2020 по делу № А19-30772/2018 доводы должника основывались на том, что он не смог выполнить обязательства по договору в срок, потому что путь к объекту строительства был разрушен из-за паводка. Арбитражный суд определил, что природное явление – паводок – не может являться форс-мажорным обстоятельством. В другом случае суд признал паводок обстоятельством непреодолимой силы. Юридическое лицо не произвело ремонтные работы жилых домов по причине сложной паводковой ситуации в регионе (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.03.2020 по делу № А58-76117/2019).

Между тем, относительность в непреодолимой силе выражается в зависимости от объективных, а не от субъективных предпосылок, а именно: от времени и места, от условий. Причем, можно полагать, что чем выше уровень технологий, развития науки, тем уже круг обстоятельств непреодолимой силы, которые зачастую носят за собой вредоносный характер для человека. Например, ранее, до изобретения громоотвода, удар молнией признавался непреодолимой силой, однако на настоящее время после изобретения громоотвода, данный юридический факт перестал быть таковым и таких доводов встречается не мало.

Другим примером признания некоторых природных факторов обстоятельствами непреодолимой силы может служить Постановление Первого Арбитражного Апелляционного суда от 30.10.2018 № 01АП-8671/2018 по делу № А43-19973/2018. Так, суд указал, что аномально высокий уровень воды в р. Волга является весомой и не зависящей от воли стороны договора причиной, повлекшей нарушение условий соглашения, заключенного между обществом с ограниченной ответственностью «Фирма Мост» и ГКУ НО «Нижегородстройзаказчик». Важно отметить, что те погодные условия, которые являются обычными для климата на конкретной территории, не признаются судами в качестве обстоятельств непреодолимой силы.

К техногенным факторам как одному из видов обстоятельств непреодолимой силы можно отнести воздействия материального объекта на предмет договорного обязательства, а именно: повреждение или уничтожение предмета договорного обязательства вследствие дорожно-транспортного

происшествия. Так, Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.06.2017 по делу № А43-22770/2016 установлено, что водитель–перевозчик груза, действовавший на дороге с максимально возможной осмотрительностью, объективно не мог предпринять меры, которые позволили бы избежать как самого ДТП, так и его последствия, следовательно, утрата предмета обязательства физическим лицом является следствием наступления обстоятельств непреодолимой силы.

Влияние военных действий на правомерное исполнение обязательств по договору может выражаться, по мнению К.О. Огнева, в разрушении или уничтожении объекта в военных условиях и невозможность притворить в действие условия договора в связи с оккупацией, бомбардировкой или иных действий на территории театра войны [4, с. 51].

Дефинитивная норма, закрепленная в ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяет террористический акт как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Цивилисты спорно относятся к отнесению террористического акта к обстоятельствам, освобождающим от гражданской ответственности. Д. Черненко указывает, что теракт нельзя отнести к обстоятельствам непреодолимой силы в виду отсутствия признака неотвратимости [6, с. 6]. С данной позицией трудно согласиться, поскольку нельзя возложить обязанность по предупреждению и профилактике терактов на контрагентов по договору, частных лиц ввиду отсутствия у них таких возможностей и полномочий, и поэтому рассматривать признак непреодолимой силы – непредотвратимость – будет нецелесообразно. Такой позиции придерживается и Е. С. Каплунова [2].

Важно отметить, что придание теракту позиции обстоятельства непреодолимой силы должно подкрепляться вышеуказанными признаками таких обстоятельств. Также имеется позиция, согласно которой для освобождения от гражданско-правовой ответственности необходимо признание действительно существовавшего факта терроризма путем вынесения судебного акта или исходя из норм международного права [1, с. 147].

Решение о признании теракта обстоятельством непреодолимой силы нельзя ставить в зависимость от официального признания факта терроризма на международном или национальном уровнях, поскольку в практике исполнение или неисполнение договора, возмещение убытков решается по истечении небольшого срока, тогда как судебное разбирательство, судебное следствие по уголовному делу, а значит и официальное признание таких действий фактом совершения теракта, может значительно затянуться. Кроме этого, даже после официального признания теракта, исключение гражданско-правовой ответственности автоматически не предусматривается [3, с. 120].

Так, например, при официально признанном террористическом акте на станции Гудермес суд правомерно отклонил требование ответчика об исключении его ответственности ввиду того обстоятельства, что он не произвел должной осмотрительности при обеспечении надлежащей охраны товара во время осуществления транспортной перевозки груза.

В современной литературе существует мнение, согласно которому к обстоятельствам непреодолимой силы относятся действия третьих лиц открытого насильственного и скрытого характера, то есть разного рода преступления. В настоящее время под такую ситуацию попадают компании-перевозчики, не выполнившие обязательства по договору из-за грабежа или иного противоправного деяния. Однако такие компании должны заранее предусматривать вероятность наступления такого события. При необходимой и должной заботливости и осмотрительности, а также при страховании ответственности данной ситуации произойти не должно. Данная позиция закрепляется многочисленной судебной практикой. Например, Решением Арбитражного суда г. Москвы от 26.11.2018 по делу № А40-227926/2017 взысканы с Общества с ограниченной ответственностью «АДЛ ТРАНСГРУПП» ущерб и иные расходы по причине утраты груза на сумму 392 267 руб. вследствие его хищения третьим лицом. Данная позиция также изложена в обзоре судебной практики Верховного суда РФ по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции от 20.12.2017.

Также Верховный суд РФ в своем определении от 30 октября 2017 г. по делу № А83-5841/2016 установил, что мошеннические действия третьего лица не относятся к обстоятельствам непреодолимой силы.

Таким образом, можно полностью согласиться с утвердившейся судебной практикой, что преступления не могут числиться в перечне обстоятельств непреодолимой силы.

Отдельно важно указать, что в настоящее время правоприменительная практика, с учетом конкретных ситуаций дела, не относит экономический кризис, санкции, падение курса рубля по отношению к доллару и другим иностранным валютам, отзыв лицензии у банка, а также банкротство к обстоятельствам непреодолимой силы.

Однако необходимо отметить, что абстрактное рассмотрение непреодолимой силы невозможно, необходимо оценивать каждый случай отдельно, рассматривая в совокупности субъектов правоотношения, ситуацию и обстоятельства. При этом на основании ч. 1 ст. 71 АПК РФ, ч. 1 ст. 67 ГПК РФ суд самостоятельно оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению.

Подводя итог, можно отметить, что в российском гражданско-правовом законодательстве отсутствует прямо определенный (исчерпывающий) перечень обстоятельств непреодолимой силы, что, с одной стороны, дает правоприменителю право самостоятельно в конкретной ситуации определять такие оценочные категории как чрезвычайность и непреодолимость, предоставляя ему свободу в принятии решения, но с другой, при неоднозначном толкова-

нии и применении закона есть вероятность появления правовых коллизий и несправедливости в принятии уполномоченными органами решений.

Библиографический список

1. Иванова С. Н. Обстоятельства непреодолимой силы в современном гражданском праве: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2009. 185 с.

2. Каплунова Е. С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2005. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000197719> (дата обращения: 01.05.2022).

3. Кузбагаров М. Н., Кузбагарова Е. В. Гражданско-правовые знания, применяемые при расследовании экономических преступлений: необходимость и значимость // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4(72). С. 118 – 124.

4. Огнева К. О. Понятие обстоятельств непреодолимой силы, их классификация // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. № 2. С. 51 – 54.

5. Черненко Д. Обстоятельства непреодолимой силы // ЭЖ-Юрист. 2005. № 21. С. 5 – 6.

ПРИНЦИПЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Летута Т. В., кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Аннотация. В работе выделяются принципы гражданско-правовой ответственности и исполнения обязательств. Формулируются выводы о их применимости к институту деликтной ответственности и о формах их проявления в нормах права. Предлагается некоторая конкретизация и уточнение правовых принципов применительно к деликтной ответственности на основе российского и китайского законодательства.

Ключевые слова: деликтная ответственность, принципы права, исполнение обязательств, справедливость, казуистичность.

PRINCIPLES OF TORT LIABILITY

Letuta T. V., PhD in Law, Associate Professor
Orenburg State University, Orenburg

Abstract. The principles of civil liability and performance of obligations are distinguished in the work. Conclusions about their applicability to the institute of tort liability and about the forms of their manifestation in the rules of law are formulated. We propose some specification and clarification of legal principles in relation to tort liability on the basis of Russian and Chinese legislation.

Keywords: tort liability, principles of law, performance of obligations, justice, casuistry.

Принципы деликтной ответственности выступают в качестве институциональных принципов гражданского права, интегрирующих основные начала не только гражданско-правовой ответственности, но и исполнения обязательств. Этот феномен объясняется особенностями исследуемого института, заключающимися в исчерпании деликтной ответственности надлежащим исполнением деликтного обязательства, а также единовременностью их возникновения в момент причинения вреда.

В период существенных изменений политического, экономического характера, неумолимого усиления процессов цифровизации в государстве и праве, роль правовых принципов усиливается, поскольку именно они должны оставаться стабилизирующим фактором в регламентации общественных отношений. Указанная роль достигается за счёт обязательности для законодателя и правоприменителя вне зависимости от внешних факторов ориентироваться при построении новых правил, при корректировке и применении действующих правил на отправные положения, фундаментальные идеи, разви-

вавшиеся уже длительное время и зарекомендовавшие себя в качестве непреложных истин.

Широко известными и разработанными в научной литературе являются следующие принципы гражданско-правовой ответственности: законности, справедливости, неотвратимости [9], гуманизма, индивидуализации, запрета удвоения ответственности за одно и то же нарушение, своевременности [9, с. 149].

Известны следующие принципы исполнения обязательств: надлежащего исполнения; реального исполнения; невозможности (недопустимости) одностороннего отказа от исполнения обязательства или принцип стабильности обязательств [6]; сотрудничества сторон и добросовестности [7].

Как и любая иная гражданско-правовая ответственность, деликтная ответственность должна строиться на основе общих принципов, свойственных первой, однако их проявление может существенно отличаться, в силу чего известные принципы подлежат конкретизации. Например, принцип неотвратимости ответственности имеет применительно к деликтам свою специфику, поскольку предполагает неизбежность наступления лишений материального характера для делинквента только в случае обращения за компенсацией вреда потерпевшим. Принцип своевременности для деликтной ответственности означает более принцип скорейшей компенсации вреда, предполагающий максимально лёгкий путь установления ответственного лица и задействование регрессных исков впоследствии для наказания виновных лиц. Именно достижение скорейшей компенсации вреда обуславливается главой 59 ГК РФ, в которой предоставляется право предъявления деликтных требований работодателю за деяния работника (ст. 1068 ГК), государства за деяния должностных лиц (ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ), номинальному владельцу источника повышенной опасности в случае его совпадения с фактическим или в случае отсутствия данных о фактическом владельце (ст. 1079 ГК РФ). Запрет удвоения ответственности за одно и то же правонарушение – универсальный принцип, имеющий непосредственное значение и в рассматриваемой сфере. Речь идёт о случаях, когда возможна компенсация вреда в натуре и/или в виде возмещения убытков.

В тоже время принципы исполнения обязательств также имеют своё непосредственное воплощение в нормах о деликтной ответственности, например, в виде правил о преимущественно личной ответственности причинителя вреда и невозможности её перенесения на наследников (правило о надлежащем субъекте), в правилах о праве потерпевшего на выбор исполнения обязательства в натуре (реальность исполнения), в правилах об объеме и характере возмещения вреда (надлежащий способ, срок). Недопустимость отказа от исполнения гарантируется охранительным характером норм о деликтной ответственности, предусматривающим обязательность возмещения в виде санкции за уже состоявшееся нарушение.

В юридической литературе не принято раскрывать вопрос о сотрудничестве сторон деликтных отношений. Между тем, сотрудничество безусловно должно иметь место и в охранительных обязательствах, но только приме-

нительно к договорному регулированию отношений между делинквентом и потерпевшим. Возможность установления размера и порядка выплаты за причинение вреда не запрещается законом, однако, прямо и не предусматривается ГК РФ. Полагаем, данная сфера нуждается в своей разработке посредством включения в нормы главы 59 ГК РФ правила о возможности возмещения вреда на основании соглашения. Подобная декларативная формулировка создаст условия для распространения несудебного урегулирования компенсации вреда, что видится нам как исключительно положительная тенденция, позволяющая как ускорить сам процесс по получению компенсации, так и возможно, в некоторых случаях, увеличить её размер.

Представляется, что законность, справедливость, гуманизм, добросовестность – принципы, определяющие саму суть деликтной ответственности могут проявлять себя вне зависимости от конкретной классификации правовых принципов и вне зависимости от целей, преследуемых исследователем при изучении феномена деликта (акцентирование внимания на наказании или на обязанности делинквента). Все они взаимосвязаны, более того являются фундаментом для действенности иных принципов, например, неотвратимости наступления ответственности или надлежащего исполнения обязательства.

Принципам деликтной ответственности уделял особое внимание в своих трудах Д. Е. Богданов [2], который исследовал сущность и формы справедливости (ретрибутивная, дистрибутивная, корректирующая) [3].

Современные государства проповедают идею социальной или социализированной справедливости. Последняя широко обсуждается в юридической литературе и имеет различные трактовки [1]. В целом, следует отметить, что социальная справедливость должна быть направлена на создание благоприятных условий для определенной категории лиц. В обычном понимании для справедливости характерно установление равенства. Полагаем, равенство правового положения делинквента и потерпевшего пусть и не называется в качестве принципа ответственности, но ярко проявляется посредством того же гуманизма, запрета удвоения ответственности и сотрудничества сторон. Для деликтных отношений однозначным является возможность достижения равенства через действие презумпции вины делинквента. В тоже время в случаях, в которых размер вреда для потерпевшего представляется несущественным, а для делинквента способен повлечь значительное ухудшение материального положения законодатель предусмотрел учёт имущественного положения последнего (ст. 1083 ГК РФ). Такой учёт происходит, если вред возник вследствие неосторожности или при отсутствии вины причинителя. Он направлен на предотвращение случаев, когда строгая деликтная ответственность устанавливается в силу опасности объекта, но может повлечь несправедливо непомерную компенсацию. Классический пример необходимости данного правила известен многим. Причинитель вреда – владелец старого дешевого автомобиля в результате неловкого движения при маневре царапает дверь нового дорогостоящего автомобиля. Очевидно, что как степень общественной опасности, так и фактически требуемые для ремонта расходы для потерпевшего здесь невелики. Однако для причинителя вреда они могут

вызвать серьёзные негативные имущественные последствия. Таким образом, учет имущественного положения причинителя происходит исключительно в тех деликтах, где вред возникает при отсутствии вины причинителя или вследствие неосторожности.

Поскольку деликтная ответственность имеет место в подавляющем большинстве случаев при правонарушениях и преступлениях, принципы деликтной ответственности должны простираться и на сферу публично-правовой регламентации при возмещении вреда в рамках уголовного процесса (гл. 18 УПК РФ). Однако, как верно заметил П. М. Филиппов, на предварительном расследовании возмещение ущерба сопряжено с определёнными трудностями, заключающимися в некотором неравном положении потерпевшего и обвиняемого, когда нормы уголовно-процессуального законодательства создают барьеры для эффективного решения вопроса о компенсации вреда, например, отсутствием запрета на неограниченное количество допроса потерпевших, при действующем запрете повторного допроса обвиняемых в определённых случаях [11, с.41].

Принцип гуманизма и индивидуализации ответственности находят своё применение при учёте вины потерпевшего (ст. 1083 ГК РФ), поскольку недопустимым является возложение ответственности в случаях умысла потерпевшего. Правило об учёте вины направлено на формирование ответственного отношения «потенциальных» потерпевших к своим действиям. В целом – на правомерное поведение граждан. Например, переход пешехода на красный свет светофора – неправомерное действие, которое в случае дорожно-транспортного происшествия должно повлечь для водителя автомобиля не столь тяжёлые имущественные последствия как в случае происшествия, где потерпевший соблюдал правила и переходил проезжую часть на зелёный свет светофора. Таким образом, речь идет о наличии вины со стороны потерпевшего.

Причинение вреда в специальных деликтах, не требующих наличия вины со стороны причинителя, но при грубой неосторожности потерпевшего – случаи, когда размер возмещаемого жизни или здоровью вреда может быть уменьшен. Такой подход видится нам проявлением индивидуализации, поскольку выяснение поведения потерпевшего позволяет достичь желаемой справедливости применительно к каждому конкретному случаю.

В законодательстве зарубежных стран встречаются подходы, игнорирующие принцип индивидуализации, например, в Китайской Народной Республике известна «средняя» ответственность, которая применяется, если размер ответственности трудно определить или имущества у причинителя недостаточно и «совместной» ответственности, когда невозможно установить конкретного нарушителя (ст. 1254 ГК КНР), а также «социализированная» ответственность, которая устанавливается в случаях, когда потерпевший и причинитель не виноваты в причинении ущерба, но обе стороны по решению суда могут разделить ущерб в соответствии с реальной ситуацией (ст. 1186 ГК КНР). Более того, в законодательстве указанной страны используется принцип «предполагаемого риска», когда деликтная ответственность умень-

шается, «рассеивается» при определённых условиях. Например, при добровольном участии в мероприятиях, связанных с определенными рисками, причинитель при отсутствии с его стороны умысла и грубой неосторожности, освобождается от деликтной ответственности (ст. 1176 ГК КНР).

Представляется, что отечественный вариант воплощения принципов деликтной ответственности более соответствует всеобщему пониманию принципа справедливости и позволяет учитывать обстоятельства каждого конкретного деликта. Наличие рассматриваемых правил позволяет в рамках закона обеспечить индивидуальный подход и не привести к санкционированию судом акта, требующего возместить вред с не причастного к деликту лица или лица, действительно оказавшегося жертвой стечения обстоятельств. Советские учёные продвигались ещё дальше в своих рассуждениях о справедливости деликтной ответственности. Главный акцент сводился к значимости вины как причинителя вреда, так и потерпевшего. Они настаивали на том, что высокая рисковость, неожиданность природы деликтов не должна подрывать основы стабильности общества, уверенности в своих правомерных поступках, в конце концов, в правильности своего передвижения по дорогам города. В противном случае человек обречён на бесконечные волнения, например, «Поеду сегодня в общественном транспорте, вдруг он резко затормозит, либо я неудачно наступлю на ногу другому человеку и придется компенсировать долгое лечение, либо сам пострадаю и не смогу дальше работать». Поэтому при выяснении вопроса о наложении деликтной ответственности не может быть «примерных», «приблизительных», «усредненных» правовых категорий. Ф. И. Гавзе отмечал, что суды должны учитывать не только конкретную обстановку, в которой причинён вред, но и форму и разновидность вины (умысел, неосторожность в виде небрежности или легкомыслия), мотив, цель действий потерпевшего [5, с. 19]. В качестве примера он убедительно показывает, что в многомиллионном городе переход на красный свет светофора городского жителя средних лет и переход на красный свет светофора престарелого гражданина, прожившего всю жизнь в отдалённой деревни и первый раз, попавшего в город – совершенно разные деяния с точки зрения учёта их вины.

Всё же применительно к деликтам следует вести речь не просто об индивидуализации, а о казуистичности как правовом принципе. Как продемонстрировано нами ранее, казуистичность включает в себя не только индивидуальные особенности причинителя и потерпевшего, но и учёт всех обстоятельств дела [8, с. 3-8].

Указанная ранее китайская «социализированная ответственность» [13, с. 26] подвергается критике учёными, приводящими примеры достаточно спорных судебных решений, выносимых с её использованием. Китайские учёные отмечают пространность и неопределённость такой ответственности, которая позволяет максимально широко использовать «судейское усмотрение». В результате в одних случаях, гражданам приходится возмещать медицинские расходы, похоронные расходы, когда трудовые отношения между ответчиком и потерпевшим не имели отношения к болезни последнего и его

смерти, и когда ответчик принял необходимые меры для оказания помощи в спасении потерпевшего [13, с. 29]. В других случаях, «справедливая ответственность» позволяет судам отклонять иски против партии, виновной в массовых деликтных разбирательствах во имя поддержания социальной стабильности. Судейское усмотрение поднимает проблему справедливости решения суда по деликтному спору. Справедливое решение суда трактуется согласно трём концепциям: легалистической, нелегалистической, алегалистической. Первая ставит во главу угла закон. Поэтому справедливым может быть решение суда, согласующееся с законом. Вторая признаёт справедливым решение, которое основывается на законе. Третья концепция определяет справедливым лишь то решение, которое соответствует только нормам справедливости и может идти вразрез с законодательными положениями [12, с. 13]. Несомненно, в идеальном варианте и сам закон, по существу, должен быть справедливым. Но в силу казуистичности деликтного права закон не может предусмотреть все возможные варианты регулирования. Поэтому, несмотря на попытки российских или китайских законодателей урегулировать детально различные аспекты правонарушений в законе, следует признать объективную невозможность существования деликтного закона, в котором всегда бы суд мог сослаться на конкретную, прописывающую именно такой случай норму. В имеющихся условиях, например, не вызывает вопросов о справедливости решение российского суда, по которому потерпевшей помимо расходов на лечение была возмещена стоимость авиабилетов на самолёт, которыми она не смогла воспользоваться в силу возникшего по вине медицинской организации осложнения [10]. В этом случае суд справедливо посчитал, что причиной нахождения в стационарном медицинском учреждении и невозможность полета потерпевшей на праздник к своим родителям явилась следствием воспалительного процесса после удаления зуба. Несмотря на то, что сам процесс удаления был проведён в соответствии со стандартами медицинской деятельности, были нарушены правила дальнейшего сопровождения пациента после такого удаления. Необходимо было назначение адекватного медикаментозного лечения особенности пациентки, которая выражалась в способности развития сильного воспалительного процесса при механическом воздействии на организм.

Или не вызывает вопросов решение китайского суда об отказе в удовлетворении иска в случае, когда действия по задержанию потерпевшего не явились прямой причиной его смерти [14]. В этом случае произошло столкновение взрослого, управлявшего велосипедом и велосипедиста – несовершеннолетнего, в результате которого последний получил травму. Очевидцы предприняли меры по блокировке движения велосипеда взрослого, вызвав родителей несовершеннолетнего и позвонив в экстренные службы. Через несколько минут, в течение которых состоялось выяснение произошедшего на повышенных тонах, когда виновник столкновения пытался уехать, ему стало плохо, и через некоторое время он скончался. В последствие выяснилось, что у него имелся ряд заболеваний, которые могли привести к смерти в силу не только сильного душевного волнения, но и в результате иных внешних воз-

действий. Учитывая законность действий, задержавших его, суд справедливо оставил иск родственников умершего без удовлетворения.

Подводя итог рассуждениям относительно принципов деликтной ответственности, необходимо отметить следующее. При всём своём разнообразии и специфичности деликтная ответственность как институт гражданского права, опирается на принципы гражданско-правовой ответственности и принципы исполнения обязательств, интерпретируя их с учётом охранительного характера деликтных правоотношений.

Библиографический список

1. Аваркиева Е. С. Равенство, социальная справедливость и общественное благосостояние // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7. № 3. С. 44 – 54.

2. Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49 – 62.

3. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.03 / Д. Е. Богданов. Москва, 2014. 56 с.

4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 432 с.

5. Гавзе Ф. И. Возмещение вреда, причинённого механизированным транспортом. Мн.: Университетское, 1988. 48 с.

6. Гражданское право: Учебник в 2 т. Том 2; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Статут, 2018. 528 с.

7. Кулаков В. В. Обязательственное право: учебное пособие. М.: РГУП, 2016. 188 с.

8. Летута Т. В. Принципы частного деликтного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 3 – 8.

9. Мильков А. В. Заметки к вопросу о принципах гражданско-правовой ответственности // Закон. 2018. № 11.

10. Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти от 07 июля 2016 г. по делу № 2-6895/2016. URL: // <http://sudact.ru/regular/doc/QN1SoLDgd01X/> (дата обращения: 06.05.2022).

11. Филиппов П. М. О возмещении ущерба, причинённого преступлением, на предварительном следствии // Власть закона. 2021. № 4 (48). С. 35 – 42.

12. Черданцев А. Ф. Социалистическое право и справедливость: в сборнике: Справедливость и право. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердловский юридический институт. 1989. С. 5 – 15.

13. Liu Chenglin. Socialized Liability in Chinese Tort Law, 59, Harvard international law journal. 16, 24 – 26 (2018).

14.

指导案例号: 刘明莲、郭丽丽、郭双双诉孙伟、河南兰庭物业管理有限公司信阳分公司生命权纠纷案 Guiding Case No. 142: Liu Minglian, Guo Lili, Guo Shuangshuang v. Sun Wei and Henan Lanting Property Management Co., Ltd. Xinyang Branch Company on the right to life dispute. URL: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-263591.html> (дата обращения: 06.05.2022).

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ФАКТИЧЕСКОГО ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Маркелова А. А., консультант Исследовательского Центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации,
Карачун А. В., консультант Исследовательского Центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Аннотация. Статья 35 Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен своего имущества иначе, чем по решению суда. Принудительно изъятие для государственных нужд допустимо только в соответствии с законом при условии предварительного и равноценного возмещения. Несмотря на закрепление конституционных гарантий неприкосновенности права собственности и урегулированность на уровне закона процедуры изъятия земельных участков для государственных нужд, на практике встречаются случаи фактического занятия частных земельных участков дорогами или иными объектами государственного или муниципального значения с нарушением установленных законом процедур, в результате чего частное лицо юридически остается собственником земельного участка, однако фактически лишено возможности его использовать (фактическое изъятие). В статье рассматриваются способы защиты нарушенного права собственности на земельный участок, в частности, особенности возмещения причиненного вреда в рамках деликтного права.

Ключевые слова: деликт, возмещение вреда, фактическое изъятие, неприкосновенность права собственности.

SPECIFICS OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF THE DE FACTO TAKING OF LAND PLOTS

Markelova A. A., Consultant of Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev,
Karachun A. V., Consultant of Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev, Moscow

Abstract. Article 35 of the Constitution of the Russian Federation guarantees that no one may be deprived of his property other than by a court decision. Taking is permissible only in accordance with the law, subject to prior and equivalent just compensation. Despite constitutional guarantees to the inviolability of property rights and the fact that the procedure for taking is regulated by law, in practice there are cases when private land plots are actually occupied by roads or other state or municipal facilities in violation of procedures established by law, as a result, the individual legally remains the owner of the land, but is actually deprived

of the opportunity to use it (de facto taking). The article deals with the methods of protection of the infringed right of ownership to a land plot, in particular, the specifics of compensation for the damage caused under tort law.

Keywords: tort law, just compensation, de facto taking, principle of property inviolability.

В настоящее время конституционный принцип недопустимости произвольного лишения права собственности признается большинством современных правовых порядков. В его основе прослеживается идея о том, что несмотря на свой абсолютный характер право собственности в *исключительных случаях* может подлежать принудительному ограничению (вплоть до отчуждения), если того требуют общественные (публичные) интересы. Сама по себе допустимость подобного вмешательства долгое время являлась (и продолжает оставаться) предметом большой дискуссии, которая наиболее последовательно нашла отражение в учении об изъятии имущества для публичных нужд.

Впервые эта концепция была изложена Гуго Гроцием в трактате «О праве войны и мира» [5; 2, с. 87-93; 3, с. 19] и развита его последователями-представителями школы естественного права (Ш. Монтескье, С. Пуффендорф, и др.). Г. Гроций исходил из представлений о том, что при выполнении своей функции государство может вмешиваться в частную сферу лица, требуя пожертвовать своей свободой (например, свободой собственности) для обеспечения гармоничного сосуществования всех и каждого. Поскольку государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то для достижения публичных целей ему принадлежит верховное право собственности (*dominium eminens*) в силу которого благоприобретенное право частного лица может быть принудительно отчуждено. Таким образом, если эгоизм собственника встает на пути достижения общего блага, то его право теряет признание и защиту.

Несмотря на то, что среди последователей-представителей школы естественного права имелись разногласия относительно отдельных аспектов учения об изъятии, они были единогласны в том, что осуществление права государства на принудительное отчуждение имущества у частных лиц в общем интересе (*eminent domain*) должно иметь более строгие рамки нежели при осуществлении иных публичных полномочий [8, р. 589, 595], а также быть обусловлено выплатой собственнику полной предварительной компенсации.

Во многом предложенное решение было предопределено высокой степенью неопределённости самого понятия «общественного (публичного) интереса», которое выступало центральной категорией учения об изъятии и по сути легитимировало действия государства по вмешательству в частную автономию лица путем принудительного отчуждения имущества, находящегося в его собственности. Таким образом, необходимый баланс частных и публичных интересов мог быть достигнут только путем предоставления собственнику ряда правовых гарантий, нашедших воплощение в специальной процедуре, обуславливающей принятие решения об изъятии имущества,

главная цель которой не допустить произвольного лишения собственника его имущества.

Изложенный подход нашел прямое закрепление в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, в его продолжение отраслевым законодательством были установлены следующие гарантии, направленные на недопущение произвольного вторжения государства в право частной собственности: 1) ограничение на законодательном уровне случаев, при которых допускается принудительное изъятие имущества для государственных нужд (ст. 49 ЗК РФ); 2) предварительность и равноценность возмещения (ст. 281 ГК РФ); 3) предварительный судебный контроль за процедурой изъятия (ст. 282 ГК РФ) [6].

Позиция о допустимости принудительного изъятия имущества только при неукоснительном соблюдении конституционных гарантий неприкосновенности права собственности, выраженных в специальной юридической процедуре принятия и исполнения решений об изъятии имущества, также неоднократно высказывалась Конституционным судом РФ [9,10].

Однако несмотря на закрепление конституционных гарантий неприкосновенности права собственности на практике распространены случаи, когда органами власти соответствующих публичных образований в нарушение установленных законом процедур осуществляется фактическое занятие частных земельных участков для размещения социально значимых объектов (дорог, развязок и т.д.). В результате частное лицо фактически лишается возможности использовать земельный участок, хотя формально-юридически остается его собственником (фактическое изъятие).

Каковы последствия нарушения процедуры изъятия земельного участка? Может ли собственник требовать устранения нарушения его права, например, требовать сноса или переноса объекта, возведенного на его земельном участке в нарушение установленных процедур (ст. ст. 222, 304 ГК РФ)? Вправе ли он требовать выкупа земельного участка или возмещения причиненного вреда (ст. 1064 ГК РФ)?

При рассмотрении требования об устранении нарушений права собственности (ст. ст. 222, 304 ГК РФ) на практике суд не может не учитывать обстоятельства социально-экономического характера, в т.ч. тот факт, что перемещение или разрушение уже построенной дороги потребовало бы колоссальных издержек, несопоставимых со стоимостью фактически занятого земельного участка, и могло бы негативно отразиться на удовлетворении социальных потребностей многих граждан. Поэтому зачастую распространенным способом защиты является иск о возмещении убытков, причиненных фактическим изъятием имущества для государственных нужд. Однако вопрос о правовой квалификации этого требования также является неочевидным.

С одной стороны, если государство или уполномоченная государством организация в нарушение процедурных правовых норм об изъятии имущества для государственных нужд причиняет частному лицу вред, чем нарушает его право собственности, такие действия являются правонарушением, т.е. деликтом. В соответствии со статьей 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юри-

дического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Состав деликтной ответственности включает 4 условия: противоправность, вина, причинно-следственная связь и вред [1, с. 14-20].

Доводы в пользу деликтной квалификации такого требования можно обнаружить в практике Верховного Суда Российской Федерации, который разъясняет, что отсутствие решения об изъятии земельного участка (его части) или несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества [11, п. 4]. В модельных ситуациях, рассмотренных в указанном Обзоре Верховного Суда Российской Федерации, требования о возмещении вреда были удовлетворены на основании положений, устанавливающих ответственность публичной власти за причинение вреда неправомерными действиями, которые в рассматриваемой ситуации выразились в несоблюдении процедуры изъятия (ст. ст. 15, 16, 1069 ГК РФ).

С другой стороны, требование о возмещении вреда можно квалифицировать как иск о понуждении к выкупу фактически изъятого имущества. В таком случае возмещение вреда можно рассматривать не как ответственность за правонарушение, а как взыскание долга, который возник в силу требований Конституции России и положений ГК РФ и ЗК РФ, устанавливающих обязанность изъятия имущества для государственных нужд в определенных случаях. Так, в ряде случаев суды склонны удовлетворять требования о возмещении вреда, причиненного фактическим изъятием, на основании статей ГК РФ и ЗК РФ об изъятии, а не на основании положений главы 59 ГК РФ [13, 14, 15, 16].

При этом разница в предложенной квалификации носит не только концептуальный, но и вполне прикладной характер. Кратко обозначим основные моменты, отличающие рассматриваемые способы правовой защиты:

1) основание возмещения – для деликтного требования необходимо установить состав правонарушения (ст. 1064 ГК РФ), для возмещения за изъятие – имевшиеся основания для изъятия имущества для государственных нужд (ст. 49 ЗК РФ) и выплаты возмещения (ст. 281 ГК РФ);

2) юридическая судьба права собственности на земельный участок – если это деликтное требование, то юридическая судьба права собственности на земельный участок остается неразрешенной, т.е. формально земельный участок остается в собственности истца, но если это возмещение за изъятие, то выплатой возмещения опосредуется переход права собственности к публично-правовому образованию;

3) расчет убытков – по деликтному требованию истец свободен в расчете убытков, если же это возмещение за изъятие, то убытки должны рассчитываться в соответствии со ст. 281 ГК РФ;

4) проценты – на размер причиненного вреда не начисляются проценты по статье 395 ГК РФ, на сумму неисполненного обязательства начисляются;

5) ответчик – для деликтного требования ответчиком будет являться главный распорядитель органа, допустившего незаконное бездействие

(ст. 1071 ГК РФ, ст. 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации), для иска о возмещении за изъятие – финансовый орган, обязанный выплатить компенсацию за изъятие имущества;

б) моральный вред – в случае незаконного посягательства на неимущественные права (например, право на жилище) истец вправе требовать компенсации морального вреда (ст. 151, ст. 1099-1101 ГК РФ), если же требование об убытках квалифицируется как взыскание долга за изъятие имущества для государственных нужд, то компенсация морального вреда не входит в состав возмещения (ст. 281 ГК РФ).

Представляется, что квалифицировать анализируемое отношение следует не исходя из последствий, к которым приводит тот или иной способ защиты, а исходя из его правовой природы.

Например, Е. В. Оболонкова отмечает важность разграничения случаев правомерного и неправомерного изъятия земельных участков: в случае правомерного изъятия, но возникновения спора о размере возмещения, убытки могут быть взысканы в судебном порядке, и они будут являться формой возмещения за изымаемый земельный участок, но в случае лишения собственника его земельного участка с нарушением установленных процедур изъятия собственник вправе требовать возмещения убытков в соответствии с правилами деликтного права, статьей 15 и главой 59 ГК РФ [7, с. 64-81].

Представляется, что с таким подходом следует согласиться. Произвольное изъятие земельного участка, даже если это было необходимо для достижения общественно-полезной цели, недопустимо и представляет собой неправомерный захват чужого имущества. В связи с этим фактическое изъятие земельного участка, являясь неправомерным действием, следует квалифицировать как деликт, и применять к последствиям его совершения положения главы 59 ГК РФ. Последнее означает, что выплата возмещения собственнику не может и не должно опосредовать переход права собственности фактически захваченной части земельного участка к публично-правовому образованию. Иное давало бы стимул уполномоченным органам действовать в обход установленной законом процедуры, что само по себе способствовало ослаблению правового положения собственника, который заведомо находится в более уязвимом положении, учитывая те трудности, с которыми ему приходится сталкиваться при применении самозащиты и иных способов правовой защиты, направленных на восстановление положения, существовавшего до фактического изъятия его имущества.

Таким образом, последующее возмещение вреда за фактически изъятый земельный участок по правовым последствиям не должно иметь тот же эффект, что предварительное возмещение, представленное собственнику при соблюдении установленных законом правовых процедур.

Для иллюстрации можно привести дело, рассмотренное в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 по делу № 88-18075/2020. Истцам было отказано в удовлетворении иска о возмещении вреда, причиненного наводнением на федеральной Ирганайской ГЭС, в результате которого земельные участки, а также дома истцов были затоплены. По-

сле перекрытия донных отверстий водохранилища наводнение вышло за заранее рассчитанные пределы, и были затоплены также земельные участки, которые не были предварительно изъяты в соответствии с подготовленным планом разлива воды и выделенными средствами из бюджета. Собственники домов и земельных участков были вынуждены экстренно покинуть свои дома в связи с возникшей угрозой их собственности, жизни и здоровью. Отказ судов в возмещении убытков был обусловлен недоказанностью незаконности действий уполномоченных органов ввиду неопределенности полномочий по изъятию и его финансированию между федеральными и региональными уровнями власти.

Требование о выплате возмещения в соответствии с положениями статей 279-281 ГК РФ также было отвергнуто со ссылкой на то, что решение об изъятии имущества не принималось, и заявители не были включены в списки собственников имущества, подлежащего изъятию.

Вне всяких сомнений, отказ в возмещении вреда противоречит Конституции Российской Федерации: как статье 35, провозглашающей неприкосновенность права собственности, так и статье 53, гарантирующей право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов [4, с. 66-85]. Однако случаи отказов судов в возмещении вреда, причиненного фактическим изъятием, не являются единичными [17, 18].

Другой спор был рассмотрен Верховным судом РФ [12]. Земельный участок истца был фактически занят автомобильной дорогой, в связи с чем он был вынужден переместить автозаправочную станцию на безопасное расстояние, соответствующее противопожарным нормам. Впоследствии собственник обратился с требованием о возмещении убытков, вызванных необходимостью переноса автозаправочной станции. Суды нижестоящих инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, мотивируя решение следующими доводами: 1) отсутствие решения об изъятии имущества, по мнению судов, свидетельствует об отсутствии оснований для выплаты возмещения; 2) само по себе строительство дороги в результате фактического изъятия необязательно влечет право истца на взыскание убытков, поскольку таким строительством не были созданы препятствия для эксплуатации автозаправочной станции; 3) истец должен был знать о строительстве дороги, поскольку приобрел земельный участок незадолго до ее строительства.

Несмотря на то, что собственник обратился только с требованием о возмещении убытков, причиненных необходимостью переноса автозаправочной станции, и не требовал возмещения стоимости части земельных участков, фактически занятых автомобильной дорогой, Верховный суд РФ обратил внимание и на этот аспект, указав, что несоблюдение процедуры изъятия не может лишать собственника права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества. Однако вопрос о правовой природе такого требования так и остался неразрешенным высшей инстанцией.

В контексте рассмотренных дел важно обратить внимание, что сам по себе размер потенциального возмещения может быть не ограничен стоимостью фактически изъятого имущества – подлежать возмещению могут и дру-

гие убытки, которые понес собственник в результате неправомерного вмешательства в его собственность. В частности, речь может идти о возмещении вреда, причиненного невозможностью в дальнейшем использовать оставшуюся часть земельного участка в соответствии с видом разрешенного использования, или о возмещении убытков, связанных с повреждением, уничтожением вещей или ценностей, находящихся на земельном участке или в доме, а также о компенсации морального вреда в случае посягательства на неимущественные права и нематериальные блага, такие как жизнь, здоровье, право на жилище (ст. 151 ГК РФ).

При этом квалификация фактического изъятия в качестве деликта требует дальнейшего разрешения вопроса о правовой судьбе права собственности на земельный участок, поскольку само по себе возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями, не является основанием для перехода права собственности на объект посягательства.

Однако сохранение права собственности за первоначальным собственником земельного участка может негативно отразиться и на интересах самого собственника земельного участка, который может продолжать считаться носителем юридических обязанностей, связанных с правом собственности (налоговые обязанности, бремя содержания имущества), и на интересах публично-правового образования или уполномоченной им организации ввиду возможных препятствий в оформлении прав на возведенный объект.

Чтобы разрешить возникшую проблему, представляется необходимым предусмотреть отдельный правовой механизм для перехода права собственности в таких случаях. В частности, собственнику могло бы быть предоставлено право требовать выкупа земельного участка в связи с невозможностью его использования, по аналогии со ст. 39.48 и ст. 107 ЗК РФ, предусматривающими возможность требовать выкупа земельного участка, невозможность использования которого обусловлена установленным публичным сервитутом или зоной с особыми условиями использования территорий. Публично-правовое образование также не лишено возможности инициировать юридическую процедуру выкупа земельного участка, или, если быть точнее, права собственности на земельный участок.

Может показаться, что предлагаемая модель создает риск двойного возмещения вреда и неосновательного обогащения собственника земельного участка, которому сначала возмещается вред, причиненный невозможностью использования земельного участка, а затем выплачивается возмещение неосновательное обогащение не возникает, поскольку при первоначальном возмещении вреда в судебном порядке основанием возмещения являлось совершение незаконных действий, препятствующих владению и использованию земельного участка по назначению, а при выкупе права собственности основанием для возмещения являлся бы правомерный переход права собственности, т.е. правового титула, также имеющего экономическую ценность.

Такое решение, позволило бы, во-первых, определить юридическую судьбу фактически изъятых земельного участка, во-вторых, сохранить гарантии неприкосновенности права собственности, в-третьих, обеспечить пре-

венцию фактического изъятия, в-четвертых, защитить право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями, а также право собственности на земельный участок.

Если же рассматривать последующее возмещение убытков за фактически изъятый земельный участок в качестве взыскания долга за переход права собственности в соответствии со статьей 281 ГК РФ, то, во-первых, этим будут окончательно нивелированы гарантии неприкосновенности права собственности, во-вторых, переход права собственности осуществлялся бы по незаконному основанию – фактическому захвату с нарушением установленной законом процедуры выплаты возмещения, и в-третьих, для уполномоченных органов снижалась бы мотивация к надлежащему выкупу имущества для государственных нужд.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Состав гражданского правонарушения как основание деликтной ответственности // *Налоги*. 2010. № 7. С. 14 – 20.

2. Борзенко А. А. Гражданские ограничения железнодорожных предприятий. Часть 2: Концессия железнодорожного права. Опыт сравнительно-законодательного исследования. М., 1883. С. 87 – 93.

3. Венецианов М. В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891. 114 с.

4. Григорьев М. И. Фактическое изъятие земельных участков для публичных нужд: способы защиты прав землевладельцев // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2015. № 1. С. 66 – 85.

5. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. 868 с.

6. Козырь О. М. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Развитие основных идей Гражданского кодекса в современном законодательстве и судебной практике: Сб. статей / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Оболонкова Е. В. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: проблемы судебной практики // *Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)* / под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2015. С. 64 – 81.

8. Stoebuck W. A General Theory of Eminent Domain. *Washington Law Review*. 1972. No. 4.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2019 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. К. Качковского и А. Г. Федосова» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и

77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом ВС РФ 10.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.11.2020 № 302-ЭС20-6718 по делу № А69-303/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.01.2016 по делу № А15-1330/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.07.2017 по делу № А61-1612/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.12.2014 по делу № А33-44/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.02.2019 по делу № А33-25725/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.09.2019 по делу № А41-85111/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 по делу № 88-18075/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ПРИ ОТКАЗЕ В СОВЕРШЕНИИ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Митрофанова И. А., методист правового отдела Нотариальной палаты
Волгоградской области, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена отказу в совершении нотариального действия как специальному случаю возникновения ответственности нотариуса. Сделан вывод о необходимости предоставления нотариусу права в отказе от совершения любого нотариального действия при наличии достаточных оснований полагать, что действие может совершаться в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Обосновывается, что ответственность при отказе должна наступать только в случае наличия вины нотариуса.

Ключевые слова: вина, возмещение вреда, гражданско-правовая ответственность, нотариус, противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма.

LIABILITY OF A NOTARY IN CASE OF REFUSAL TO COMMIT A NOTARIAL ACT

Mitrofanova I. A., Methodologist of the Legal Department of the Notary Chamber
of the Volgograd region, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the refusal to commit a notarial act as a special case of the notary's liability. It is concluded that it is necessary to grant a notary the right to refuse to commit any notarial action if there are enough grounds to believe that the action may be committed for the purpose of legalizing (laundering) proceeds from crime or financing terrorism. It is justified that liability in case of refusal should occur only if there is a notary's guilt.

Keywords: guilt, compensation for harm, civil liability, notary, countering money laundering and terrorist financing.

В соответствии со ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты [1].

Учитывая стремительное развитие и усложнение гражданско-правовых отношений, вопрос ответственности приобретает особую значимость. Именно институт гражданско-правовой ответственности позволяет участникам

оборота, где отношения регулируются диспозитивными нормами, быть априори уверенными в защите своих интересов со стороны государства.

Р. Саватье выделял три института, устанавливающих обязательства по возмещению уже причиненного вреда: во-первых, гражданская ответственность, которая предполагает возмещение ущерба потерпевшему; во-вторых, возмещение неосновательного обогащения; и, в-третьих, страхование вещей [4, с. 322].

Нормы, регламентирующие ответственность за нарушение обязательств в российском законодательстве, установлены главой 25 ГК РФ. Однако ответственность нотариуса регулируется специальными нормами, содержащимися в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) [3]. В соответствии со ст. 17 Основ нотариус несет полную имущественную ответственность в случае:

- 1) виновного совершения нотариального действия с нарушением закона;
- 2) неправомерного отказа в совершении нотариального действия;
- 3) разглашения сведений о совершенных нотариальных действиях.

Таким образом, можно констатировать усеченный объем деликтной ответственности нотариуса. Необходимо полагать, что это предопределено статусом профессии и высокими требованиями, предъявляемыми к претенденту на должность нотариуса. Деятельность нотариуса имеет выраженное социальное предназначение и направлена на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Более того, нотариус совершает нотариальные действия от имени Российской Федерации. Эти факторы говорят о том, что деликт со стороны нотариуса, тем более умышленный (виновный), очень маловероятен.

С другой стороны, само указание в Основах на ответственность нотариуса подтверждает гарантии, дополнительную защиту, которые получает гражданин или юридическое лицо при обращении к нотариусу. Более того, Основы предполагают обязанность нотариуса застраховать свою деятельность. В случае совершения нотариусом действия, предусматривающего наступление ответственности, четко прописана многоступенчатая процедура возмещения вреда. Если возмещения по договору страхования нотариуса недостаточно, то требования будут удовлетворяться за счет возмещения по договору коллективного страхования, заключенного нотариальной палатой субъекта, где осуществляет свою деятельность нотариус. Далее требования могут быть предъявлены к личному имуществу нотариуса, а затем к компенсационному фонду Федеральной нотариальной палаты.

Подобная схема возмещения дает основания полагать, что практически любое требование, которое может возникнуть в связи с деликтом нотариуса, будет удовлетворено в полном объеме.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

Очевидно, что принципиальное отличие случаев наступления ответственности нотариуса, указанных в ст. 17 Основ, отличаются указанием или отсутствием указания на вину нотариуса. Наличие вины для наступления ответственности необходимо только в случае совершения нотариального действия с нарушением требований законодательства. При неправомерном отказе в совершении нотариального действия или разглашении нотариальной тайны наличие вины не требуется для возникновения ответственности.

Понятие вины в гражданском праве не является однозначным и определенным.

В уголовном праве вина выражается либо в умысле (то есть лицо намеренно и осознанно совершало действия для причинения вреда другому лицу), либо в предвидении возможного вреда, но, тем не менее, легкомысленном или небрежном поведении, которое привело к причинению вреда.

Насколько возможно применить аналогию к гражданским правоотношениям? На наш взгляд, традиционно, вина рассматривается с психологической точки зрения, как внутреннее ощущение лица по отношению к совершенному действию. Психологический аспект в определении термина «вина» является базисом, поэтому может применяться в любых отраслях права. Г. Ф. Цельникер приходит к выводу, который, на наш взгляд, ярко характеризует вину как основание возникновения юридической ответственности. Автор говорит о том, что правильнее говорить об отношении лица не к совершенному, а к совершаемому деянию [6, с. 77]. То есть вина в юридической науке всегда предполагает наличие волевого компонента. Субъект либо осознает в полной мере, что его действия приведут к негативным последствиям, либо предполагает, но продолжает действовать рискованно и неосмотрительно.

В случае неправомерного отказа от совершения нотариального действия сознательно-волевой компонент может отсутствовать, но ответственность все равно наступает. Это означает, что своими действиями нотариус не имел цели нарушить права обратившегося лица, основы общественного порядка, причинить вред и т. п. Законодатель указывает только на нарушение норм права при отказе в совершении нотариального действия.

Приведенное положение может быть подвергнуто справедливой критике. Выше мы уже указывали на особый статус и задачи профессии нотариуса. Трансформация нотариата из государственного в частный также свидетельствует о том, что нотариус должен действовать как независимое лицо и оценивать ситуацию, исходя из своей квалификации, толкования норм закона, морально-этических принципов, интересов обратившихся лиц, защиты основ публичного строя.

Нотариус в своей деятельности руководствуется не только Гражданским кодексом РФ, Основами, иными федеральными законами, но и «Кодексом профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации», утвержденным Министерством юстиции РФ 19.01.2016 (с изм. от 12.08.2019) (далее – Кодекс профессиональной этики) [2].

Кодекс профессиональной этики обязателен для исполнения нотариусами и устанавливает нормы и стандарты профессионального поведения но-

тариуса. Один из его принципов гласит: совершай нотариальное действие, если ты уверен, что действуешь в рамках закона, разрешай сомнения до совершения действия, воздерживайся от действия при сомнении в его законности и правильности (пп. 2.1.3 п. 2.1 Кодекса профессиональной этики).

Однако данный принцип, очевидно, противоречит ст.ст. 17 и 48 Основ. В ст. 48 Основ приводится закрытый перечень оснований, по которым нотариус может отказать в совершении нотариального действия. Такое основание как «сомнение в законности и правильности нотариального действия» в Основах отсутствует. Это значит, что при исполнении одного из принципов профессиональной этики, нотариус будет нести ответственность в соответствии со ст. 17 Основ. Получается, что следование Кодексу профессиональной этики влечет наказание, установленное Основами.

Особенно ярко эта коллизия проявляется в связи с ужесточением требований, предъявляемых к нотариусам Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Нотариусы являются субъектами Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) [5], то есть частью правового механизма, препятствующего совершению противоправных финансовых операций.

В соответствии со ст. 7.1 Федерального закона № 115-ФЗ нотариус осуществляет действия по внутреннему контролю (идентификация клиента, установление иной информации о клиенте, оценки степени (уровня) риска совершения клиентом подозрительных операций и отнесения клиента к одной из групп риска совершения подозрительных операций и т. п.) при удостоверении сделок с недвижимым имуществом, управлении денежными средствами, ценными бумагами или иным имуществом клиента (применительно к нотариальной деятельности – внесение в депозит нотариуса). Также контролю подлежит совершение исполнительной надписи нотариуса (ст. 48 Основ).

Примерными Правилами внутреннего контроля, разработанными Федеральной нотариальной палатой в помощь нотариусам, устанавливается расширенный перечень действий, при совершении которых должен осуществляться контроль в сфере противодействия отмыванию доходов, финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Дополнительно включены удостоверение медиативных соглашений (в отношении медиативных соглашений, регулирующих споры по сделкам, подлежащим внутреннему контролю), совершение протестов векселей.

При совершении нотариального действия, которое обладает признаками подозрительности с точки зрения ПОД/ФТ, нотариус должен передать формализованное сообщение в Росфинмониторинг через личный кабинет нотариуса. Однако на практике возникают технические сложности с формированием и отправкой сообщений, система в большинстве случаев выдает ошибку. В этом случае, нотариус должен отправить формализованное (закодированное) сообщение на электронном носителе заказным письмом.

Система формирования и отправки сообщений в Росфинмониторинг является достаточно сложной, представляет собой набор кодов. Более того, нотариус сначала должен совершить действие, а потом о нем сообщить. Не было бы логичнее отказать в совершении нотариального действия, если оно явно имеет признаки отмывания доходов?

И здесь мы сталкиваемся с проблемой ответственности нотариуса за неправомерный отказ. В ст. 48 Основ прямо установлено, что нотариус вправе отказать в совершении исполнительной надписи при наличии достаточных оснований полагать, что исполнительная надпись может быть использована в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Такое исключение касается только исполнительной надписи. Не совсем ясно, в чем приоритет этого нотариального действия перед иными? В настоящее время мошенники стали активно использовать медиативное соглашение в целях отмывания доходов. Нотариусы, даже осознавая истинные цели соглашения, не имеют правовых оснований для отказа в совершении действия и вынесения письменного отказа. При отказе от совершения сомнительного действия нотариус формально подпадает под санкции ст. 17 Основ, что не отвечает принципам разумности и справедливости. С одной стороны – требования Росфинмониторинга и усиливающаяся государственная политика, направленная на ПОД/ФТ, с другой стороны – рамки ст. 17 Основ, не позволяющей нотариусам в некоторых ситуациях следовать здравому смыслу и Кодексу профессиональной этики.

Таким образом, видится необходимым расширить основания для отказа нотариуса в совершении нотариального действия, добавив в ст. 48 положение, согласно которому нотариус может отказать в совершении нотариального действия при наличии достаточных оснований полагать, что действие может совершаться в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Также необходимо проработать вопрос о соотношении принципов Кодекса профессиональной этики и ст. 17 Основ. Возможным решением может стать введение компонента «вины» при отказе в совершении нотариального действия. То есть ответственность может возникать тогда, когда нотариус отказывается в совершении действия, осознавая, что достаточные на то основания отсутствуют – правовые или субъективные (например, сомнение в дееспособности, в отсутствии судебного акта о признании таковым). Это позволит нотариусам в полной мере выполнять цели и задачи профессии, предотвращая противоправные действия, нарушение прав и свобод обратившихся граждан и юридических лиц.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019). URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2A8FAEDDEBCFF3264AA0DA87E52E58C2&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&base=LAW&n =333978&rnd=Pmd0Rg#ry5MMPT6HR0Q3SXX1> (дата обращения: 05.05.2022).

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

4. Саватье Р. Теория обязательств: Юрид. и экон. очерк / Пер. с фр. и вступ. статья д-ра юрид. наук Р. О. Халфиной. М.: «Прогресс», 1972. 440 с.

5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

6. Цельникер Г. Ф. Вина в российском праве (общетеоретический и исторический аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2004. 235 с.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДЕЛИКТОВ

Осетрова А. Ю., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Автором в статье исследованы особенности обязательного страхования ответственности владельцев производственных объектов как одного из правовых средств профилактики экологических деликтов. Рассмотрены перспективы расширения сферы действия правовых подходов в сфере применения института обязательного страхования ответственности владельцев промышленных объектов.

Ключевые слова: экологическое страхование предприятий, экологический риск, природопользование, охрана окружающей среды.

MANDATORY ENVIRONMENTAL LIABILITY INSURANCE OF OWNERS OF PRODUCTION FACILITIES IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF ENVIRONMENTAL TORTS

Osetrova A. Y., PhD in law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The author of the article examines the features of compulsory liability insurance of owners of production facilities as one of the legal means of preventing environmental torts. The prospects of expanding the scope of legal approaches in the field of application of the institute of compulsory liability insurance of owners of industrial facilities are considered.

Keywords: environmental insurance of enterprises, environmental risk, environmental management, environmental protection.

Профилактика загрязнения окружающей природной среды объектами промышленности является одним из актуальнейших направлений государственной экологической политики. Однако на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует эффективный правовой механизм предотвращения загрязнений, который стимулировал бы предприятия сокращать выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую среду.

1 сентября 2022 г. вступят в силу изменения, внесенные в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [9] Законом № 446-ФЗ [10] (данный закон получил название Усольский), устанавливающие новые обязанности собственников некоторых объектов негативного воздействия на окружающую среду ВОС в части подготовки к их выводу из эксплуатации (консерва-

ции или ликвидации), отдельные ограничения перехода права собственности на такие объекты, а также требования о реализации мероприятий по предотвращению и ликвидации загрязнения окружающей среды по завершении эксплуатации таких объектов. Новые требования разработаны по поручению Президента РФ в целях минимизации случаев оставления бесхозных источников негативного воздействия, переходящих в разряд объектов накопленного вреда, устранение которых осуществлялось бы за счет консолидированного бюджета РФ. Однако этих мер не вполне достаточно, поскольку практика профилактики загрязнения природных объектов промышленной деятельностью свидетельствует о том, что экологическое страхование является более эффективным экономическим инструментом.

В Российской Федерации функционирует около 350 тыс. опасных объектов, которые включают свыше 2,5 тыс. химических объектов, более 1,5 тыс. ядерно-радиационных объектов, около 8 тыс. пожаро-взрывоопасных объектов и более 30 тыс. гидротехнических сооружений и др.¹ В зонах возможного воздействия поражающих факторов при возникновении аварий на опасных объектах проживает свыше 90 млн. жителей страны. По официальным оценкам, 15 % территории России по экологическим показателям находится в критическом состоянии. Износ основных производственных фондов в химической промышленности сегодня достигает 60 %, износ оборудования – 70 %. На гидротехнических сооружениях, срок службы которых перевалил уже за 40 лет, износ оборудования составляет 50-60 %. В нефтедобывающей промышленности более 35 % основных производственных фондов старше нормативного срока эксплуатации, а 55 % парка промышленного оборудования морально устарело². Все эти объекты являются стратегически важными для страны, при этом требуют особого контроля и предотвращения аварийных ситуаций на них.

Анализ чрезвычайных происшествий за 2020–2022 гг. показывает, что причиной трагических последствий в большинстве случаев является недостаточная организация системы экологической безопасности. Каково же состояние законодательства об обязательном экологическом страховании?

Начнем с того, что в отечественном законодательстве отсутствует норма-дефиниция, раскрывающая содержание термина «экологическое страхование». Однако исходя из толкования п. 1 ст. 2 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [8] и п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [9] экологическое страхование – это отношения по защите имущественных интересов юридических и физических лиц при наступлении определенных страховых случаев (экологических рисков) за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств стра-

¹ Официальные данные некоммерческого союза страховщиков ответственности (НССО). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nnso.ru>.

² Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень. Росстат. М., 2011 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

ховщиков. Зато в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закреплено юридическое содержание «экологического риска» [9].

Страхование, в том числе и экологическое, регулируется главой 48 Гражданского кодекса России [2], Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [8]. Общие требования об экологическом страховании установлены в ст. 18 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [9]. Отдельные аспекты экологического страхования упоминаются в ряде международных конвенций, например в Конвенции «Об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности» (Рим, 7 октября 1952 г.), Венской конвенции «О гражданской ответственности за ядерный ущерб» (Вена, 21 мая 1963 г.), международной конвенции «О гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью» (Брюссель, 29 ноября 1969 г.) и т.д.

Общепризнано, что экологическое страхование является специальным видом страхования, поэтому в отсутствие специального закона об этом виде страхования к отношениям по экологическому страхованию применяются общие правила о страховании, предусмотренные гл. 48 Гражданского кодекса РФ [2]. Обязательное экологическое страхование предусмотрено рядом федеральных законов в отношении различных промышленных объектов. Так, ст. 15 Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [6] устанавливает обязательное страхование ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта. Организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана страховать ответственность за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц и окружающей среде в случае аварии на опасном производственном объекте. В данной статье определен минимальный размер страховой суммы по этому виду страхования. Федеральный закон «О безопасности гидротехнических сооружений» [5] устанавливает, что риск гражданской ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью физических лиц, имуществу физических и юридических лиц в результате аварии гидротехнического сооружения, подлежит обязательному страхованию на время строительства и эксплуатации данного гидротехнического сооружения (ст. 15). На данный момент в России окончательно не сформулирована правовая концепция экологической аварии, не определена методология оценки экологической опасности производства, которая отвечает требованиям экологического страхования, данные факторы мешают запуску рабочей системы функционирования экологического страхования.

По нашему мнению, нуждается в актуализации правовое регулирование обязательного экологического страхования: необходимо принятие федерального закона об экологическом страховании в Российской Федерации. Такой закон призван отразить специфику данного вида страхования. Следует отметить, что подобные попытки уже предпринимались. Еще в 1996 г. на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской

Федерации был внесен проект Федерального закона «Об обязательном экологическом страховании», но в 1997 г. законопроект был отклонен [7]. Крупные страховые компании, заинтересованные в принятии подобных законов, должны их лоббировать, чего на данный момент не наблюдается, ведь заинтересованность страховщика в получении максимальной прибыли лучше любого контролера обеспечивает мониторинг состояния природоохранного оборудования у страхователя [3, с. 7].

Обязательное экологическое страхование ответственности владельцев производственных объектов наилучшим образом сочетает в себе возможность проведения превентивных мер, которые направлены на снижение риска возникновения аварий, и создание специальных фондов страхования, являющихся гарантом возмещения ущерба в случае загрязнения окружающей среды вследствие аварий.

С 2012 года в России действует Федеральный закон от 27.07.2010 № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», но покрытие рисков экологического ущерба он также не предусматривает. Некоторые компании страхуют эти риски добровольно, но широко эта практика не распространена. Комплексное экологическое страхование покрывает любые убытки, с которыми может столкнуться собственник предприятия. Вице-премьер В. Абрамченко поручила ведомствам рассмотреть целесообразность введения обязательного экологического страхования за причинение вреда окружающей среде в результате аварий [13]. Соответствующее поручение было направлено в Минпромторг, Минэнерго (оба министерства подтвердили его получение и работу над ним), Минприроды и Ростехнадзор. Вице-премьер также предлагает проанализировать данные о состоянии и тенденциях аварийности на объектах по производству кокса, по добыче и обогащению железной руды и других промышленных объектах, а также изучить размер вреда окружающей среде, нанесенного в результате подобных аварий.

Таким образом, обязательно экологическое страхование может стать эффективным способом предупреждения экологических деликтов. Для России его значение крайне велико, так как на территории нашей страны находится множество промышленных объектов, которые потенциально и реально представляют экологическую угрозу.

Библиографический список

1. Анисимов А. П. Экологическое право России: учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков. М., Юрайт, 2022. 387 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: принят ГД ФС РФ 22.12.1995 (в ред. от 28.06.2021 № 225-ФЗ.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

3. Малышенко А. В. Правовое регулирование экологического страхования в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 27 с.

4. Некоммерческий союз страховщиков ответственности (НССО). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nnso.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

5. О безопасности гидротехнических сооружений: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ: принят ГД ФС РФ 23.06.1997 (в ред. от 11.06.2021) Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.05.2022).

6. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ: принят ГД ФС РФ 20.06.1997 (в ред. от с 01.07.2021). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

7. Об обязательном экологическом страховании: законопроект № 96700535-2 // Государственная Дума Федерального Собрания Рос. Федерации: [официальный сайт] / Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNewA\)?OpenAgent&RN=96700535-2](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNewA)?OpenAgent&RN=96700535-2) (дата обращения: 10.05.2022).

8. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (в ред. от 02.07.2021). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

9. Об охране окружающей среды: Федеральный закон Рос. Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ: принят ГД ФС РФ 20.12.2001 (в ред. от 02.07.2021). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

10. Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень. Росстат. М., 2011 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

11. Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. Утв. Президентом РФ 30.04.2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

12. Федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2022).

13. Абрамченко предложила обязать компании страховать экологические риски. Издание «Коммерсант»: <https://www.kommersant.ru/doc/5020309> [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.05.2022).

ТРЕБОВАНИЯ К ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СЛУЧАЯХ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ВСЛЕДСТВИЕ ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19: ЗАМЕЧАНИЯ К НЕМЕЦКОМУ ПРАВУ

Проф. Д-р *Райнер Г.*, заведующий кафедрой гражданского, коммерческого, корпоративного и налогового права,
Пиплак А., научный сотрудник кафедры
Университет Хельмута Шмидта, г. Гамбург

Аннотация. В статье анализируются особенности доказывания причинно-следственной связи на примере причинения вреда вследствие вакцинации путем краткого обзора основных механизмов доказывания причинно-следственной связи в немецком праве. Авторами поднимается вопрос о том, насколько высокой должна быть вероятность типичного побочного действия лекарственного препарата (вакцины), чтобы можно было сделать предположение о возникновении побочного действия именно вследствие введения данного лекарственного препарата (вакцины).

Ключевые слова: причинно-следственная связь, уменьшение стандарта доказывания, презумпция причинно-следственной связи, принципы доказывания.

REQUIREMENTS FOR PROVING A CAUSAL RELATIONSHIP IN CASES OF HARM CAUSED AS A RESULT OF VACCINATION AGAINST COVID-19: REMARKS ON GERMAN LAW

Prof. Dr. *Rainer G.*, Head of the Department of Civil, Commercial, Corporate and Tax Law,
Piplak A., Research associate of the Department
Helmut Schmidt University, Hamburg

Abstract. The article analyzes the features of proving a causal relationship by the example of harm caused by vaccination by a brief overview of the main mechanisms of proving a causal relationship in German law. The authors raise the question of how high the probability of a typical side effect of a drug (vaccine) should be in order to make an assumption about the occurrence of a side effect due to the administration of this drug (vaccine).

Keywords: causal relationship, reduction of the standard of proof, presumption of causal relationship, principles of proof.

А. Постановка проблемы: актуальность темы

Сообщения о побочных действиях, возникших после вакцинации одной из четырёх временно одобренных в ЕС вакцин против COVID-19, увеличиваются [1, с. 1]. Все чаще используется новый термин «поствакцинальный

синдром» («Post-Vac-Syndrom»). В частности, векторная вакцина AZD1222 от AstraZeneca неоднократно подвергалась критике в отношении применения ее для определенных групп пациентов; вакцина с мРНК от Pfizer/Biontech также вызывает проблемы. База данных EudraVigilance Европейского агентства лекарственных средств (EMA) показывает более миллиона возможных побочных реакций на TOZINAMERAN [2]. В Германии, по данным Ассоциации врачей обязательного медицинского страхования, число пациентов, обратившихся к врачу в 2021 году с возможными побочными эффектами в результате вакцинации от «Ковид», составило около 2,5 миллиона человек [3]. Это наблюдение ставит вопрос о требованиях по возмещению ущерба, предъявляемых к производителям, импортерам, вакцинирующим врачам и, не в последнюю очередь, к государству, которое проводит кампанию по вакцинации против «коронавируса» [4].

Гражданско-правовая ответственность производителей вакцин сама по себе не исключается одобрением лекарственного препарата (ст. 15 Регламента Европейского агентства лекарственных средств (ЕС) 726/2004 «Об установлении процедур Евросоюза по одобрению и надзору за лекарственными средствами, применяемые для лечения людей и по учреждению Европейского агентства лекарственных средств» – Регламент Агентства лекарственных средств). Закон о лекарственных средствах Германии (Arzneimittelgesetz – AMG) предусматривает ответственность фармацевтических компаний за ущерб в случае возникновения «побочных эффектов» от допущенных к использованию вакцин (и других лекарственных средств), превышающих «уровень, считающийся в медицинской науке приемлемым». К побочным эффектам относятся те последствия вакцинации, которые выходят за рамки обычной, все еще «приемлемой степени» реакции организма на вакцинацию [5] (ошибка при разработке или производстве) или выходят за рамки реакций, указанных в инструкции по применению препарата (ошибка в инструкции), при условии, что эта дезинформация стала причиной принятия/введения препарата (раздел 84 I AMG). В связи с наличием у лекарственных препаратов особого риска, заключающегося в опасности нанесения массового ущерба большому количеству пациентов, ответственность производителя считается безвиновной (так называемая строгая ответственность), в то же время она ограничена максимальным размером в 600 000 евро на человека. Нормы законодательства об ответственности за вину в рамках общего немецкого деликтного права также могут применяться (§ 91 AMG) к случаям поствакцинальных осложнений. В то же время нормы о строгой ответственности производителя в соответствии с Законом об ответственности за качество продукции (Produkthaftungsgesetz), который основан на требованиях европейского законодательства, не подлежат применению из-за наличия более специального законодательного регулирования – AMG.

Ответственность (договорная и/или деликтная) вакцинирующего врача за возникшие осложнения может наступить, если он допустил ошибку при вакцинировании, например, ввел вакцину в кровоток, или если он не проинформировал пациента о рисках, связанных с вакцинацией [6]. Вопрос о том,

не снижается ли требование по информированию о рисках, особенно в свете поставленной государством, органами здравоохранения и (в основном) научным сообществом цели достижения максимально возможного уровня вакцинации населения и соответствующего публичного резонанса («Вакцинация является безопасной»), находится за рамками настоящего исследования.

В отношении публичных органов применяются нормы об ответственности государства (ст. 34 Конституции ФРГ, § 839 ГГУ) и Европейского агентства лекарственных средств (ст. 72 II 1 Европейского Регламента (EG) 726/2004). Предпосылкой является не только виновное нарушение служебных обязанностей государственными должностными лицами, но и то, что данные обязанности служили именно целям защиты лиц, пострадавших от вакцинации. Последний пункт может отсутствовать в обязанностях государственных должностных лиц в рамках процедуры лицензирования и фармацевтического контроля за лекарственными препаратами.

В случае вакцинации против коронавируса, предписанной законом или официально рекомендованной компетентными органами, публично-правовое регулирование защиты населения от инфекций в конечном итоге предоставляет лицам, пострадавшим от вакцинации, право на государственную помощь (§ 60 Закона о профилактике и контроле инфекционных заболеваний человека, *Infektionsschutzgesetz – IfSG*). Речь идет о правовом требовании на социальную компенсацию, которая является выражением общей идеи самопожертвования. Речь идет не об ответственности за противоправное поведение, а о том, что даже в случае законных действий государственных органов определенные лица вынуждены претерпевать страдания от большего вмешательства в их права (в частности, права на здоровье), чем другие (так называемая «особая жертва»).

Конечно, наш краткий обзор был бы неполным без упоминания о частичном освобождении от ответственности именно в отношении вакцинации против коронавируса: § 5 II № 4 лит. а *IfSG* в сочетании с § 3 Постановления о гарантированном обеспечении медицинских потребностей от 25.5.2020 [*MedBVS*] отменяет некоторые центральные положения Закона о лекарственных средствах и Постановления о торговле лекарственными средствами, касающиеся распределения лекарств, если закупка вакцин инициируется Федеральным министерством здравоохранения [7]. Следовательно, ответственность фармацевтических компаний, производителей и медицинских работников (в частности, вакцинирующих врачей) в отношении последствий вакцинации исключается, при этом в отступление от § 84 *AMG* (который, по общему признанию, определяет ответственность только «фармацевтических компаний», а не, например, врачей), если эти продукты были выпущены на рынок Федеральным министерством здравоохранения в качестве реакции на пандемию COVID-19 и «в соответствии с обстоятельствами конкретного случая заявленные исключения из Закона о лекарственных средствах могут причинить ущерб» (§ 3 IV *MedBVS*) [8]. Кроме того, вышеупомянутые группы лиц несут ответственность – судя по всему, также в соответствии с общими правилами – только в случаях грубой неосторожности и умысла, в

той мере, в какой вред здоровью представляет собой «последствия» отступлений от Закона о лекарственных средствах [9]. Только в остальных случаях возникновения вреда вследствие вакцинации принимается во внимание обычная ответственность за вину со стороны названных субъектов (§ 3 IV 3 MedBVS) [10]. Считается, что большинство введенных в Германии доз вакцин были предоставлены Министерством здравоохранения в рамках механизма закупок ЕС [8], и, следовательно, на них распространяются вышеупомянутые ограничения ответственности.

Таким образом, ответственность за вред, причиненный вакцинацией против COVID-19, в Германии может иметь значение, в частности, в следующих аспектах:

1. Ответственность вакцинирующих врачей (или государства) за ущерб, возникший в результате неполного информирования о рисках вакцинации.

2. Ответственность производителей в той мере, в какой они, несмотря на (условное) одобрение выпуска вакцины, могут обвиняться в изготовлении дефектного препарата. Это может произойти, если станет известно о новой побочной реакции на вакцину, о которой не было известно на момент ее одобрения, или если известные случаи реакций на вакцину окажутся гораздо более распространенным, чем предполагалось ранее.

3. Публично-правовая обязанность государства по выплате социальной компенсации в случае официально рекомендованной или принудительной вакцинации.

Во всех случаях, для всех субъектов, включая государство, ответственность за вред, причиненный вакцинацией, предполагает доказывание причинно-следственной связи. В случае вредного воздействия лекарственных средств доказывание данного обстоятельства представляет сложность (см. Раздел С. ниже). Кроме того, далеко не все производители, врачи и власти выражают готовность отслеживать признаки возможных неблагоприятных последствий вакцинации. Поэтому все сводится к уменьшению стандарта доказывания и к тому, насколько высока должна быть вероятность вредного воздействия вакцины в целом и в отдельных случаях, чтобы можно сделать обоснованное предположение о наличии причинной связи.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей доказывания причинно-следственной связи в случаях осложнений от применения лекарств и вакцин, мы сначала представим краткий обзор основных механизмов доказывания причинно-следственной связи в немецком гражданском процессе (раздел В. ниже).

В. Основы формирования доказательств

Спорные факты, имеющие значение для принятия решения по делу, требуют доказывания в суде, которое осуществляется с помощью доказательств, допустимых Гражданским процессуальным кодексом (ZPO) (ср. § 138 III ZPO). Правила так называемого объективного бремени доказывания определяют, какая сторона несет *non liquet*, т. е. должен ли суд признать истинным представление истца или ответчика.

В той мере, в какой сторона предлагает доказательства своего фактического утверждения, судья решает в принципе – в рамках законов логики и жизненного опыта – «по своему собственному убеждению», «следует ли считать их истинными или нет» (так называемая свободная оценка доказательств, § 286 I ZPO).

Еще один (правовой вопрос) касается необходимой степени убеждения судьи (так называемый стандарт доказательств). В принципе, требуется «полная убежденность» судьи (так называемый общий стандарт доказывания) [11]. С одной стороны, полное убеждение не должно приравниваться к «неопровержимой уверенности»; с другой стороны, в судебной практике также подчеркивается, что «простой вероятности» недостаточно [12]. Согласно формулировке Федерального Верховного суда, требуется, чтобы судья, принимающий решение, имел «определенную степень уверенности», соответствующей требованиям «практической жизни».

В принципе, задача стороны, которая несет бремя доказывания в рамках объективного бремени доказывания, заключается в том, чтобы предоставить доказательства таким образом, чтобы полностью убедить судью (конкретное бремя доказывания). Судебная практика дает некоторые послабления в отношении требований, которые должна выполнить сторона, чтобы убедить суд в своей правоте. Таким образом, в зависимости от конкретной процессуальной ситуации, существует подвижный промежуточный этап распределения конкретного бремени доказывания в зависимости от поведения другой стороны. К этой категории можно отнести правовые фигуры воспрепятствования доказательствам и распределения бремени обоснования требований в соответствии с областями восприятия [13].

Смягчение бремени доказывания с помощью доказательств *prima facie*, которое перекладывает конкретное бремя доказывания, идет дальше всего. Здесь речь идет про «учет судьей общего жизненного опыта в рамках свободной оценки доказательств» [14]. В этих случаях жизненный опыт говорит в пользу доказываемого факта настолько, что это в первую очередь дело другой стороны опровергнуть вытекающую из него «фактическую» презумпцию (в отличие от юридической презумпции).

Таким образом, очевидное доказательство причинно-следственной связи может быть возможным, например, в случае типичных причинно-следственных процессов, например, если кто-то заявляет в исковом порядке требование о возмещении ущерба, который по своей природе точно соответствует именно тому (типичному) ущербу, на защиту от которого направлен закон, на нарушении которого в свою очередь основано требование о возмещении ущерба [15].

В связи с нарушением обязанностей по раскрытию информации, например, банками или врачами в отношении инвестиционных или медицинских рисков, судебная практика идет еще дальше. В данном случае установлена презумпция в смысле реального перекладывания объективного бремени доказывания того, что клиент или пациент внимательно отнесся бы к информации о риске и воздержался бы от инвестиций или отказался бы от дачи со-

гласия на проведение медицинского вмешательства/лечения (так называемая презумпция «правильного поведения с учетом полученной информации»). В таких случаях охранительная цель нормы требует того, чтобы «неясности, вызванные нарушением обязанности по информированию, были возложены на лицо, обязанное предоставить информацию, поэтому оно должно доказать отсутствие причинно-следственной связи нарушения своей обязанности» [16]. Таким образом, если врач не проинформировал пациента об известных рисках вакцинации и если этот риск материализовался, на него возлагается бремя доказывания того, что пациент дал бы согласие на вакцинацию, даже если бы был надлежащим образом проинформирован [17].

Не ясно, можно ли в таких случаях предполагать не только то, что пострадавшая сторона действовала бы в соответствии с предоставленной ей информацией, но и то, что риск, о котором должна была быть предоставлена информация, материализовался. Как правило, причинно-следственная связь между предложенной инвестицией и убытками или между медицинским вмешательством и ухудшением здоровья должна быть бесспорной, но, возможно, в некоторых случаях это не требуется. Предположим, что миокардит является типичным побочным эффектом вакцинации и что у пациента П. развился миокардит после вакцинации, и предположим, что врач не проинформировал его о риске миокардита: можно ли тогда предположить, что миокардит у П. был вызван вакцинацией?

Другая группа случаев – это облегчение бремени доказывания, когда предполагаемый делинквент нарушил обязанность документировать определенные события таким образом, который позволил бы с достаточной вероятностью прояснить спорную причинно-следственную связь [18]. Непроведение медицинского обследования может в таких случаях привести к перекладыванию бремени доказывания каузальности (грубой) врачебной ошибки в причинении вреда здоровью, если она в принципе способна вызвать возникший вред. Перенос бремени доказывания «исключается только в том случае, если причинная связь, приводящая к ответственности, крайне маловероятна» [19]. Решения, в которых эта линия аргументации применялась для доказательства побочного воздействия вакцинации, в настоящее время неизвестны. Его применение представляется возможным, например, в случаях доказанных недостатков документации при проведении испытаний с целью получения разрешения на выпуск лекарственных препаратов или серийных тестирований в процессе их производства.

С. Особенности доказывания причинно-следственной связи

Доказательство причинно-следственной связи, особенно в контексте ответственности за ущерб (или, например, также для установления права на оспаривание договора, заключенного вследствие ошибки), обычно связано с особыми трудностями, не только в случае ответственности за ущерб, причиненный лекарственными препаратами или вакцинацией. Это обусловлено природой самой каузальности. Каузальность означает причинно-следственную связь между поведением лица и определенными явлениями

или событиями (или наоборот). Установление такой связи требует гипотетического рассмотрения, а именно предположения, что явления или события (например, ситуация пострадавшей стороны) были бы другими, если бы данное лицо повело бы себя иначе. Это соображение является спекулятивным и, строго говоря, даже не может быть доказано с уверенностью, а может быть сделано лишь в форме правдоподобного предположения на основе эмпирических значений (типичные, вероятные последовательности событий). Исходя из этого, немецкому праву известны различные подходы к уменьшению стандартов доказывания причинно-следственной связи.

Правило «indeterminate-defendant» в общем немецком деликтном праве (§ 830 I 2 BGB), вероятно, является самым широким с точки зрения уменьшения бремени доказывания. Если два лица совершают деликт независимо друг от друга в контексте одного и того же жизненного факта и невозможно установить, кто из двух предполагаемых виновников причинил вред, то оба являются солидарными ответчиками, чтобы невиновная пострадавшая сторона не несла риск недоказанности, хотя очевидно, что она имеет право на возмещение против одного из них [20]. В настоящем контексте причинения вреда вследствие вакцинации это положение, вероятно, не имеет большого значения. Хотя может стать актуальным, если человек, которому был нанесен вред здоровью (в частности, определенному органу), использовал вакцины разных производителей одну за другой, и несмотря на понимание наступления вреда здоровью в результате вакцинации, неясно, какой из двух препаратов причинил этот вред.

Более интересными для проблемы причинения вреда вследствие вакцинации являются специально-правовые средства уменьшения стандарта доказывания в материальном праве (ответственности) (см. I ниже) и облегчения доказывания в Гражданском процессуальном кодексе (см. II ниже).

I. Специально-правовое уменьшение стандартов доказывания

1. Презумпция причинно-следственной связи в случае конкретной возможности нанесения ущерба

В немецком законодательстве встречаются единичные случаи презумпции причинения вреда в случае особо опасных видов деятельности с конкретным потенциалом нанесения ущерба. Помимо Закона об экологической ответственности 1990 года, который предусматривает ответственность за воздействие технических систем на окружающую среду, с 2002 года также существует соответствующее положение в Законе о лекарственных средствах 1976 года (AMG). Таким образом, немецкий законодатель учитывает тот факт, что из-за своей сложной химической структуры лекарственные препараты неизбежно являются небезопасными продуктами, возможные побочные эффекты которых, хотя и изучены в клинических исследованиях, не могут быть выявлены и исключены с абсолютной уверенностью.

Если после применения лекарственного препарата человек погибает или его организму или здоровью будет причинен значительный вред, предполагается, что вред возник вследствие принятия лекарственного средства,

если оно «в обстоятельствах конкретного случая способно к причинению такого вреда» (§ 84 II 1 AMG). Поэтому одной абстрактно-общей способности лекарственного средства к причинению вреда недостаточно для того, чтобы сработала презумпция; необходима конкретная предрасположенность к причинению вреда. Это оценивается в зависимости от состава и дозировки используемого лекарственного средства, от вида и продолжительности его применения по назначению, от временной связи с возникшим ущербом, от характера ущерба и состояния здоровья потерпевшего на момент применения, а также от всех других обстоятельств, говорящих за или против причинно-следственной связи ущерба в конкретном случае (раздел 84 II 2 AMG). Однако фармацевтическая компания может опровергнуть презумпцию каузальности, если докажет, что «другое обстоятельство также могло способствовать причинению вреда в соответствии с обстоятельствами конкретного дела» (раздел 84 II 3 AMG). Правило выглядит вполне справедливым. Однако судебная практика показала, что презумпция каузальности остается в значительной степени неэффективной из-за возможности ее опровержения, как это трактуется судами (в соответствии с европейским законодательством [21]). Этого не меняет тот факт, что требование о возмещении ущерба сопровождается всесторонним требованием пострадавшей стороны к производителю лекарственных препаратов о предоставлении информации, направленной на разъяснение известных реакций, побочных эффектов и взаимодействий с другими лекарственными средствами (§ 84a AMG). Так, женщина, перенесшая тромбоэмболию легочной артерии после приема противозачаточных таблеток «Ясминель», проиграла дело о возмещении ущерба против компании-производителя Bayer AG. Оба суда первой и второй инстанции [22], не посчитали причинно-следственную связь доказанной, поскольку судебный эксперт не смог с необходимой уверенностью исключить альтернативные причины. Женщина совершила дальний перелет и страдала от врожденной аномалии вен.

Аналогичным образом безрезультатным оказался иск мужчины, перенесшего инсульт после приема препарата от ревматизма VIOXX против производителя Merck Sharp & Dohme [23]. Для сравнения: в США производитель VIOXX выплатил пострадавшим потребителям 4,85 миллиарда долларов США в рамках мирового соглашения [24, с.509]. В Германии жертвы Vioxx не получили никакой компенсации в результате решения Федерального Верховного суда от 26.3.2013. Это означает, что ответственность производителей фармацевтической продукции на основании § 84 Закона о лекарственных средствах (AMG) по настоящий день остается белым пятном. Несмотря на введение положения о презумпции в § 84 II AMG, насколько нам известно, ни один иск о возмещении ущерба против фармацевтической компании не был удовлетворен.

На этом фоне следует довольно скептически относиться к возможности привлечения к ответственности производителей вакцин против коронавируса, исходя из текущего состояния изученности вопроса о последствиях вакцинации. Ущерб здоровью в связи с вакцинацией редко бывает монокаузаль-

ным и обычно предполагает определенную предрасположенность со стороны пациента, что может открыть путь к исключению, предусмотренному § 84 II 3 AMG. Другое дело, если при вскрытии у пострадавшего будут обнаружены потенциально смертельные изменения тканей, которые, по мнению медицинский экспертов, могут быть вызваны только вакциной. В этом случае, однако, для пострадавшего уже слишком поздно, чтобы воспользоваться данной компенсацией.

2. Достаточность простой «вероятности»

Различные публично-правовые положения о компенсации в специальных законах при определенных условиях ограничиваются требованием простой «вероятности» причинно-следственной связи.

Уже упомянутый Закон о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями человека (IfSG) предусматривает среди прочего, что лица, имеющие право на бесплатную вакцинацию против Covid-19 в соответствии с нормами социального законодательства (см. § 1 Постановления о вакцинации против коронавируса от 18.12.2020), получили вред здоровью «вследствие вакцинации», имеют право на компенсационные выплаты в соответствии с Законом о социальном обеспечении (Bundesversorgungsgesetz) [25], согласно которому (простая) «вероятность причинно-следственной связи» между вакцинацией и вредом здоровью является достаточной (§ 61 I в сочетании с § 60 IfSG) [26].

«Ущерб от вакцинации» – это «медицинские и экономические последствия вреда здоровью, вызванного вакцинацией, которые выходят за рамки обычной степени реакции на нее» (§ 2 № 11 Hs 1 IfSG). Согласно положению о применении Закона о социальном обеспечении «вероятность» причинно-следственной связи с точки зрения Закона о социальном обеспечении определяется, если «согласно современному состоянию медицинской науки, существует больше доказательств в пользу причинной связи, чем против нее» [27]. Можно также свести это утверждение к формуле «подавляющей вероятности», т. е. вероятности $> 50 \%$, но математическая точность, связанная с этим, является иллюзией. Речь идет не обо абстрактно-общем, а об индивидуальном рассмотрении, так что, строго говоря, вероятность в статистическом смысле, которая основана на воспроизводимых процессах, вообще не может быть установлена.

Между тем, законодатель идет еще дальше в вопросе упрощения процедуры доказывания. С одобрения высшего государственного органа, ответственного за заботу о жертвах войны, вред здоровью – в отдельных случаях или в целом – может быть "признан последствием травмы в смысле § 60 I 1 IfSG, если в медицинской науке все еще существует «неопределенность в отношении причины установленных страданий» и только по этой причине невозможно определить «вероятность» (так называемое «Kann-Versorgung», § 61 п. 2 и 3 IfSG) [28]. Дополнительное обеспечение может быть назначено, «если хорошо обоснованные научные рабочие гипотезы подтверждают причинно-следственную связь», но основная причина вреда здоровью не полу-

чила (пока) подтверждения на современном уровне развития медицинской науки [29]. Субъективное мнение отдельного ученого, отклоняющееся от текущего состояния медицинской науки, само по себе недостаточно для установления «неопределенности» по смыслу данного правила [30]. Хотя мнение большинства не требуется, должны быть выводы «в соответствии хотя бы с одной понятной научной доктриной», которые «говорят об общей связи между конкретными воздействиями и выявленным заболеванием, обычно подкрепленные статистическими исследованиями». Должна существовать не просто теоретическая возможность связи, а «хорошая возможность», которая еще не закрепились в общей доктрине медицинской науки, чтобы о ней можно было бы говорить как о подтвержденных знаниях [31].

Согласно судебной практике, изменение бремени доказывания, например, на основании доказательств *prima facie*, не может рассматриваться вне вышеупомянутых законодательных облегчений стандартов доказывания [32]. Только по этой причине то обстоятельство, что у пациента возникла реакция вскоре после проведения вакцинации, о которой несколько других вакцинированных пациентов ранее сообщали компетентному органу здравоохранения как о сомнительных побочных эффектах вакцинации, не является основанием для переноса бремени доказывания [33].

До сих пор неясно, как судебная практика будет применять вышеуказанные принципы в отношении вакцинации против Covid-19, если возникнут иски от лиц с проблемами со здоровьем, которые возникли у них во временной связи с вакцинацией. Это зависит от того, насколько суды готовы, помимо всеобщего энтузиазма в отношении вакцинации, принять голоса критически настроенных и предостерегающих ученых, в том числе патологоанатомов, число которых явно меньше, и которые приводят вероятную цепь последствий, связанную с вакцинацией [34].

II. Общее снижение стандарта доказывания в гражданском процессе в отношении причинно-следственной связи?

Вне сферы применения специально-правовых средств уменьшения стандарта доказывания, особенно в случае ответственности вакцинирующих врачей, становится важным вопрос о том, насколько может быть оправдано общее гражданско-процессуальное снижение стандарта доказывания в области каузальности. В литературе существуют различные подходы по достижению [общего] снижения стандарта доказывания [35]. Иногда утверждается, что из «ряда прямо выраженных законодательных положений о доказывании каузальности» в сочетании с «разумным толкованием признака каузальности» частично вытекает, что в целом оправданно «требовать только подавляющей вероятности» в качестве стандарта доказывания при доказывании причинно-следственной связи [36].

Такой подход представляется смелым, поскольку специальные средства снижения стандарта доказывания ограничены особыми ситуациями и не являются выражением общего правового принципа доказывания каузальности – помимо того, что неясно, что подразумевается под «подавляющей вероят-

ностью» в области, где, как в случае ущерба от вакцинации, не может быть определена численная вероятность.

III. Свободная оценка ущерба судом

Применительно ко всем искам о возмещении ущерба Гражданский процессуальный кодекс (§ 287 ZPO) наделяет судью правом свободно оценивать, был ли нанесен ущерб и в каком размере. Согласно преобладающему мнению, это является снижением стандарта доказывания, что означает, что требуемое в противном случае полное убеждение судьи не является необходимым для определения ущерба [37]. Поскольку ущерб должен быть причинно связан с (незаконным) поведением, послужившим основанием для иска, § 287 ZPO одновременно дает право в определенной степени оценить причинно-следственную связь.

Признается, что данное положение не предназначено для того, чтобы требования о возмещении ущерба могли быть удовлетворены «на основании принципа справедливости без материальной основы» [37]. Оценка ущерба не должна производиться, если установленные обстоятельства более не дают «достаточных оснований» для этого и результат «полностью повиснет в воздухе из-за отсутствия весомых дынных» [38].

В остальном разграничение полномочий по оценке в соответствии с § 287 I BGB и строгих требований к доказательствам в соответствии с § 286 ZPO (см. выше В.) еще не было «окончательно выяснено». По крайней мере, как представляется, существует согласие, что § 287 I BGB применяется к установлению размера (причинного) ущерба (так называемая каузальность, восполняющая ответственность), если уже установлено существование самого обязательства, т. е. (каузальная) реализация условия требования о возмещении ущерба (ответственность-устанавливающая причинность) [39].

Это приводит к рассмотрению вопроса о том, можно ли использовать § 287 ZPO для свободной оценки каузальности ущерба от вакцинации, если факт ответственности уже реализован посредством (простого) нарушения обязанности по информированию. Если вакцинирующий врач недостаточно полно проинформировал своего пациента о рисках вакцинации, то согласие пациента на вакцинацию считается недействительным. В этом случае непосредственные последствия вакцинации – укол и небольшое покраснение – уже являются телесным повреждением, влекущим за собой ответственность. Тогда получается, что последующий ущерб здоровью пациента, находящийся во временной связи с вакцинацией, например, миокардит, может быть отнесен к области ущерба, восполняющего ответственность по смыслу § 287 ZPO. Если бы такой аргумент мог действительно сработать, то мог бы тогда судья действительно свободно оценить, является ли миокардит следствием вакцинации? Это кажется формально правильным, но приводит к странному результату. Почему судья должен иметь возможность оценивать то, что вызывает споры даже среди врачей?

Заключение

Как и в других странах, проводивших кампании по вакцинации от Covid-19, в Германии были выявлены побочные эффекты серьезного характера, возникшие после вакцинации и находящиеся с ней во временной связи. Это привело к массовым сообщениям о подозрениях на нежелательные последствия вакцинации в государственное управление здравоохранения. Можно предвидеть, что в будущем возникнут судебные споры против вовлеченных субъектов – производителей, импортеров, вакцинирующих врачей и государства – о возмещении ущерба и выплате компенсаций.

Решающую роль здесь будет играть доказательство причинно-следственной связи, которое, как показывает опыт, является особенно трудным.

В этом могли бы помочь общие механизмы уменьшения стандартов доказывания для типичных процессов, судебные полномочия по оценке ущерба и особенно специальные облегчения доказывания в немецком материальном праве о лекарственных препаратах и инфекционном контроле, которые снижают стандарт доказывания, необходимый при доказывании причинно-следственной связи. Достаточно ли этих механизмов для оказания помощи пострадавшим лицам, в конечном счете, зависит от судебной оценки вероятности негативных последствий и доброй воли судов в этом вопросе. До тех пор, пока суды полагаются только на государственных экспертов, ответственных за кампанию по вакцинации, снижение стандарта доказывания будет бессмысленным.

Библиографический список

1. См. основной заголовок крупнейшей немецкой ежедневной газеты «Krank nach Impfung» («Больной после прививки») // Bild-Zeitung № 149/26 от 29.06.2022.

2. Отчет о безопасности от 04.05.2020 Института Пауля Эрлиха, обобщающий сообщения о предполагаемых случаях побочных реакций и осложнений от вакцинации, полученные с момента начала кампании вакцинации в Германии 27.12.2020 по 31.03.2022 // https://www.pei.de/SharedDocs/Downloads/DE/newsroom/dossiers/sicherheitsberichte/sicherheitsbericht-27-12-20-bis-31-03-22.pdf?__blob=publicationFile&v=5

3. Объединение государственных медицинских страховых компаний, ответ от 16.06.2022 // https://www.epochtimes.de/assets/uploads/2022/06/2022-06-16_Anfrage-_codierte-Impfnebenwirkungen-Covid-19.pdf

4. См. обзор: Dutta, Haftung für etwaige Impfschäden // NJW 2022, 649.

5. Федеральный социальный суд, Решение от 20.7.2005 – В 9а/9 VJ 2/04 R, juris – № 32.

6. Подробнее о перекладывании бремени доказывания в случаях врачебных ошибок см.: Foerste, Beweislastumkehr Beweiserleichterung nach groben und einfachen Behandlungsfehlern // Festschrift für Erwin Deutsch «Medizin und Haftung», 2009, с. 165.

7. Примерами являются распространение вакцин с истекшим сроком годности; обязательство по маркировке, например, в случае генно-инженерных вакцин в отношении активного ингредиента и названия генетически модифицированного организма или клеточной линии, использованной при производстве; инструкция в упаковке; государственные испытания партии; требования к каналу распространения и квалификации партнеров по распространению; обязанность предъявления сертификатов при импорте.

8. Подробнее Dutta, *id.*, NJW 2022, 649, 651: «Фармацевтические компании должны будут лишь доказать, что гипотетически нарушение одного из временно недействующих норм также могло привести к возникновению ущерба».

9. Вопрос о том, подпадает ли это вмешательство законодателя в общие нормы ГГУ об ответственности под «законно-разрешающее основание» (§ 5 II № 4 лит. а IfSG), является крайне проблематичным.

10. В законе по-прежнему упоминается ProdHaftG, но в случае нанесения вреда лекарственными препаратами этот закон заменяется AMG.

11. Prütting in: Münchener Kommentar [MüKo] ZPO, 6-е издание 2020, § 286, п. 41.

12. Федеральный Верховный суд, Решение от 17.2.1970 – III ZR 139/67, BGHZ 53, 245, «Великая княгиня Анастасия Романова», juris – № 72.

13. Reiner, Unternehmerisches Gesellschaftsinteresse und Fremdsteuerung, München 1995, S. 303.

14. Prütting in: MüKo ZPO, § 286, п. 50, который также говорит о «типизированной форме косвенных доказательств».

15. Аналогично Foerste, в: Musielak and Voit, ZPO, 19-е издание, 2022 г., § 286 № 27, о защитных законах и обязательствах по обеспечению безопасности дорожного движения.

16. Федеральный Верховный Суд, Решение от 16.11.1993 – XI ZR 214/92, BGHZ 124, 151, пункт II.2.а.

17. Ср., например, Terbille и Feifel in: Münchener Anwaltshandbuch Medizinrecht, 3-е издание 2020, § 1, № 844: «Врач несет бремя доказывания возражения против чрезмерной каузальности».

18. Так называемое обязательство по обеспечению доказательств, см. Федеральный Верховный суд, Решение от 13.9.2011 – VI ZR 144/10, NJW 2011, 3441, juris – № 8.

19. Федеральный Верховный суд, Решение от 13.9.2011 – VI ZR 144/10, NJW 2011, 3441, пункт II.1.

20. Röckrath, Kausalität, Wahrscheinlichkeit und Haftung, Munich 2004, p. 109.

21. Мы не будем далее углубляться в спор о том, нарушает ли презумпция § 84 II AMG положения Европейской директивы об ответственности за качество продукции 85/374/ЕЕС, которая, с одной стороны, возлагает бремя доказывания причинно-следственной связи между дефектом и ущербом на потерпевшую сторону (ст. 4), но, с другой стороны, однозначно допускает продолжение применения специальных норм об ответственности государств-

членов (ст. 13). Подробно: Böhmer, Neue Lösungsansätze zur Frage der Vereinbarkeit von § 84 Abs. 2 AMG mit der EU-Produkthaftungsrichtlinie, Wiesbaden 2021.

22. Landgericht Waldshut-Tiengen, Решение от 20.12. 2018–1 O 73/12; Oberlandesgericht Karlsruhe, Решение от 25.6.2021 – 4 U 19/19, подтвержден Федеральным судом, Постановление от 29.3.2022 и от 27.4.2022 – VI ZR 220/21.

23. Федеральный Верховный суд, Решение от 26.3.2013 – VI ZR 109/12.

24. Frank M. McClellan, The Vioxx Litigation: A Critical Look at Trial Tactics, the Tort System, and the Role of Lawyers in Mass Tort Litigation, 57 DePaul L. Rev. 509 (2008) Available at: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol57/iss2/14>; см. также Harrison Meyer, Collective Products Liability Actions in the European Union and the United States: A Vioxx Case Study, JILP 6.12.2020 (18-26) p. 21.

25. Компенсационные выплаты такого типа в соответствии с социальным законодательством не обеспечивают полного возмещения ущерба и компенсации за боль и страдания.

26. Дополнительные примеры требований о компенсации в соответствии с социальным законодательством при соответствующем упрощении доказательств причинно-следственной связи можно найти в Федеральном законе о пенсиях (BVG), который адресован жертвам Второй мировой войны (§ 1 III 1 BVG), и в Федеральном законе о компенсациях жертвам национал-социалистических преследований (Федеральный закон о компенсациях – BEG) (§ 15 I BEG).

27. Приложение к § 2 Постановления о медицинской помощи (Versorgungsmedizin-Verordnung) от 10.12.2008, часть С, 3. причинно-следственная связь, раздел 3.4 «Вероятность причинно-следственной связи», пункт 3.4.1.

28. Почти идентичные по формулировке § 1 III 2 BVG, а также § 81 VI 1 и 2 Закона о социальном обеспечении солдат для «признания расстройства здоровья как следствия травм, полученной на военной службе».

29. Так, Приложение к § 2 Постановления о медицинской помощи (Versorgungsmedizin-Verordnung) от 10.12.2008, часть С, 4. «Kann-Versorgung», пункт 4.2 (о § 1 III 2 BVG); из практики см. решение Социального суда Gelsenkirchen от 19.5.2021 – S 35 VJ 1144/17, juris – № 38 и далее: Суд применяет данное правило к причинно-следственной связи между вакцинацией против свиного гриппа VAXAGRIP и нарколепсией истца.

30. Социальный суд Gelsenkirchen, Urteil v. 19.5.2021 – S 35 VJ 1144/17, juris – № 40.

31. Федеральный социальный суд, Решение от 12 декабря 1995 г. – 9 RV 17/94, juris – № 14, о заболевании коленного сустава у солдата как возможной травме на военной службе; Впоследствии Государственный социальный суд Нижней Саксонии-Бремен, Решение от 28 января 2021 г. – L 10 VE 11/16, juris – № 46, о неврологическом заболевании военнослужащего после введения вакцины «Стамарил» от желтой лихорадки.

32. Федеральный социальный суд, решение от 5.6.2020 – В 9 V 4/20 В, № 6; ранее также Федеральный социальный суд, решение от 27.8.1998 – В 9 VJ 2/97 R, juris – № 17, еще на основании предшествующего Федерального закона об эпидемиях.

33. Федеральный социальный суд, решение от 5.6.2020 – В 9 V 4/20 В, juris – № 5 и 6, о возможном причинении вреда после вакцинации от гепатита А.

34. Федеральный конституционный суд, например, в своем решении о конституционности положения об обязательной частичной вакцинации в сфере здравоохранения, по существу, опирался на оценку ученых государственного управления здравоохранения, а также правительственных экспертов в отношении рисков вакцинации (решение от 27.4.2022 – 1 BvR 2649/21).

35. Prütting, in: MüKo ZPO, § 286, № 48: «большое количество попыток».

36. Prütting, in MüKo ZPO, § 286, Rz. 48; см. подробнее Fuchs, Das Beweismaß im Arzthaftungsprozess, 2005, S. 145. Критерий «преобладающей вероятности» (каузальности) должен относиться к конкретному частному случаю и не должен пониматься абстрактно-общим образом, потому что иначе он был бы излишним. Если вакцина действительно вызывает измеримые побочные эффекты в более чем половине случаев, это обстоятельство согласно общим принципам доказывания, уже должно служить prima facie доказательством вреда от ее применения.

37. Prütting, in: MüKo ZPO, § 287, п. 3.

38. Федеральный Верховный суд, решение от 22.5.1984 – III ZR 18/83, BGHZ 91, 243, 257, juris – № 55.

39. См. о применении ограничения § 287 ZPO к оценке (последующего) ущерба, когда факт наступления ответственности уже установлен, Федеральный Верховный суд, решение от 4.11.2003 – VI ZR 28/03, juris – № 14 f.

**КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК ВИД ДЕЛИКТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ПРАВЕРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Рутман Е. Я., старший преподаватель кафедры
гражданских и уголовно-правовых дисциплин
Барановичский государственный университет, г. Барановичи

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее дискуссионных институтов гражданского права. Компенсация морального вреда рассматривается как вид деликтных обязательств. Анализируются некоторые вопросы праворегулирования данного института в Республике Беларусь. Выявляются пробелы в законодательстве и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: моральный вред, потерпевший, физические страдания, нравственные страдания, компенсация, возмещение.

**COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE AS A TYPE OF TORT
OBLIGATIONS: SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Rutman E. Ya., senior lecturer of the Department
civil and criminal law disciplines
Baranovichi State University, Baranovichi

Abstract. The article is devoted to one of the most controversial institutions of civil law. Compensation for moral damage is considered as a type of tort obligations. Some issues of the legal regulation of this institution in the Republic of Belarus are analyzed. Gaps in legislation are identified and ways to eliminate them are proposed.

Keywords: moral harm, victim, physical suffering, moral suffering, compensation, compensation.

Институт компенсации морального вреда как вид деликтных обязательств является востребованным обществом. Однако небольшой опыт Республики Беларусь в его регулировании, недостаточная теоретическая база исследований, посвященных проблемам применения данного института, порождают проблемы теоретического, законодательного и правоприменительного характера.

Наиболее часто освещаемыми и актуальными являются вопросы определения понятия морального вреда, анализа форм и способов его возмещения, определения размеров денежной компенсации, подлежащего возмещению морального вреда и многие другие. Выработка взвешенной, научно обоснованной позиции по указанным и некоторым другим проблемным вопросам вызывает интерес не только ученых, но имеет важное значение для юристов, зани-

мающихся правоприменительной деятельностью, поскольку действующее законодательство не всегда дает ответы на возникающие в практике неясные и спорные вопросы.

Активную дискуссию при определении форм и размеров компенсационно-восстановительных действий, которыми восполняются причиненные нравственные страдания, вызывает вопрос применения наиболее предпочтительной в данном случае терминологии – компенсация или возмещение морального вреда.

Рассуждая об этом, необходимо отметить следующее. В статье 60 Конституции Республики Беларусь закреплено право граждан взыскивать в судебном порядке, как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда [4]. Аналогичная норма о возмещении морального вреда содержится в Трудовом и Уголовном кодексах Республики Беларусь [13; 14].

В иных нормативных актах предусматривается компенсация морального вреда. В их числе Законы Республики Беларусь «О защите прав потребителей», «Об охране окружающей среды» [10; 12].

В Гражданском кодексе в одних случаях указывается на компенсацию (ст. ст. 152, 969), в других – на возмещение морального вреда (ст. 153) [3].

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь объединил указанные понятия, указав в п. 1 Постановления от 28 сентября 2000 года № 7 о праве гражданина на компенсацию (материальное возмещение) морального вреда (в остальных пунктах говорится только о компенсации морального вреда) [11].

Неудивительно, что непоследовательность законодателя в использовании терминологии привела к тому, что суды, рассматривая иски, основанные на факте причинения морального вреда, также по-разному определяют присуждаемое: «возмещение морального вреда», «материальное возмещение морального вреда», «компенсация морального вреда», «денежная компенсация морального вреда», «материальная компенсация морального вреда» [2, с. 52].

Позиция ученых по данной проблеме далеко неоднозначная. По мнению одних «возмещение вреда состоит в восстановлении прежнего состояния потерпевшего, однако последствия морального вреда необратимы, не имеют имущественного выражения и, строго говоря, в гражданско-правовом смысле возмещению не подлежат. При этом предлагается с целью унификации юридической терминологии внести изменения в соответствующие нормы, заменив понятие «возмещение» на «компенсация», признав тем самым, что моральный вред предполагает возможность его компенсации, а не возмещения» [6, с. 104-105].

Другие авторы, заявляя о том, что «моральный вред компенсируется», обосновывают такую позицию как раз тем, что «компенсация вреда включает в себя и восстановительную функцию». Так, например, К. И. Голубев и С. В. Нарижний считают, что «при денежной оценке морального вреда принцип эквивалентности причиненному ущербу явно не срабатывает: физические и нравственные страдания не имеют стоимости, не соизмеримы с благом, которое может быть предоставлено взамен, и поэтому невозместимы. Таким об-

разом, в строгом смысле слова можно вести речь лишь о материальной компенсации за перенесены страдания, что и нашло отражение в законодательстве» [9, с. 11-15].

Интересна точка зрения в этом вопросе бывшего председателя Витебского областного суда Т. Вороновича, который ссылается на нормы, содержащиеся в уголовно-процессуальном законе. «Помимо возмещения морального вреда, причиненного физическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, ст. 465 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь содержит указание об устранении последствий такого вреда: принесение лицу официального извинения за причиненный вред; опубликование опровержения порочащих лицо сведений в средствах массовой информации, если такие сведения были опубликованы в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу; направление по требованию физического лица, его законного представителя (наследника) в срок до десяти дней сообщения об отмене незаконного решения по месту его работы, службы, учебы или жительства» [2, с. 52].

Таким образом, если рассматривать последствия причинения морального вреда как результат травмирующего негативного воздействия на психику человека, то нужно согласиться, что в этом смысле вред вряд ли устраним. Однако установленные обществом правовые нормы призваны максимально сгладить негативные последствия, которые нашли свое отражение в моральном сознании индивидуума, являющегося фактором внутренней регуляции человеческого поведения, отношения человека к другим людям. «В качестве одной из таких компенсационных мер общество предлагает потерпевшему материальное возмещение, поэтому в данном аспекте имеются все основания говорить о материальной компенсации морального вреда. Если же вести речь не только о взыскании материальной компенсации, но также о возможно более полном возмещении морального вреда другими доступными способами (о некоторых из них упоминалось выше), то предпочтительнее использовать понятие «возмещение морального вреда» [2, с. 53].

Приведенный выше анализ правовых норм позволяет прийти к следующим выводам. Гражданское законодательство, регулирующее обязательства из причинения вреда, исходит из принципа полного возмещения вреда. Такой подход разделяют большинство авторов. Так, с точки зрения социального действия, результатом действия правил о возмещении вреда называют не только функцию компенсации, но также имущественного наказания и профилактического воздействия. Не вызывает также возражений суждение о том, что институт возмещения морального вреда обладает системными качествами, включая штрафные санкции, возмездные характеристики и восстановительную функцию.

Нам такая позиция также представляется верной. Однако принципиальным в случае причинения морального вреда нам, прежде всего, видится удовлетворение или сатисфакция потерпевшего, что также говорит в пользу применения к данному виду деликтного обязательства термина «возмещение».

Изложенное позволяет считать целесообразным переименование статьи 970 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Наиболее предпочтительным представляется название «Способ и размер возмещения морального вреда». С целью унификации в нормативных правовых актах, содержащих нормы, регламентирующие институт морального вреда, следует также закрепить термин «возмещение».

Рассматривая вопросы компенсации, следует иметь точное представление о категории «моральный вред». Опираясь на понятие «моральный вред» не все исследователи сходятся в едином мнении трактовки его содержания. Большинство из них сходятся в том, что моральный вред предполагает нравственные страдания, и их можно определить как совокупность отрицательных эмоций – чувства страха, унижения, обиды и т.д. Так, А. М. Эрдлевский отмечает: «определение содержания морального вреда как «страдания» означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию» [15, с. 11]. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме и негативных ощущений (физические страдания), и негативных представлений или переживаний (нравственные страдания). Достаточно очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия.

По мнению Н. С. Малеина «моральный вред – нарушение психического благополучия, душевного равновесия личности. Потерпевший испытывает унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, физическую боль, ущербность, дискомфортное состояние; может быть связь с ухудшением отношений на работе, в семье, нарушением карьеры, ограничением в выборе профессии; иногда приводит к нервным заболеваниям и сердечно-сосудистой системы, онкозаболеваниям, суициду» [5, с. 34].

Продолжают дискуссии ученые-цивилисты в вопросе о включении в категорию «моральный вред» такого элемента как «психическое благополучие». Одни исследователи «включают психологическое благополучие в физический вред, а значит, определяют как часть морального вреда» [8, с. 6]. Другие, напротив, «не включают психологическое благополучие в категорию морального вреда, выделяя его в отдельную разновидность благ» [1, с. 115].

Иной точки зрения придерживаются исследователи С. В. Нарижний, К. И. Голубев: «как следует из определения понятия «здоровья», психическое благополучие является его неотъемлемым элементом. Здоровье же, в свою очередь, безоговорочно относится к неимущественным благам личности» [9, с. 13].

С последней позицией представляется разумным согласиться – психическое благополучие является составным элементом здоровья человека. Можно утверждать, что в преобладающем числе случаев деяния, направленные на нарушение имущественных прав гражданина, в то же время является и посягательством на его неимущественные права. Это означает, что причи-

ненный в результате такого противоправного деяния в отношении неимущественных благ моральный вред, должен быть возмещен.

При этом на наш взгляд необходимо учитывать степень нравственных и физических страданий потерпевшего от причиненного увечья, перенесенных им не только к моменту определения размера компенсации морального вреда, но и те, которые он, возможно, перенесет в будущем.

Из таких позиций исходит и судебная практика. Так, 22 февраля 2022 года судом Барановичского района и г. Барановичи было вынесено решение об удовлетворении иска Д. к организации «П» о взыскании 25 000 белорусских рублей компенсации морального вреда в связи с причинением ее сыну тяжелой травмы ноги при санитарной рубке леса мотокусторезом по вине ответчика. Заявленные истицей требования суд удовлетворил в полном объеме, взыскав заявленную сумму компенсации морального вреда, ссылаясь на перенесенные потерпевшим физические и нравственные страдания, а также с учетом сложности восстановления двигательных функций конечности и сложностей в устройстве на работу, которые могут возникнуть в у потерпевшего в перспективе.

Как неоднократно указывалось, при причинении вреда жизни или здоровью гражданина моральный вред, который возникает в каждом случае повреждения здоровья или наступления смерти, возмещается в денежной или иной материальной форме независимо от других видов вреда, и его размер определяется судом или по соглашению между причинителем вреда и потерпевшим, а в случае его смерти – семьей погибшего.

Подтверждает изложенное следующий пример. По приговору суда Барановичского района и г. Барановичи от 8 января 2022 г. Ж. был признан виновным в том, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения и управляя транспортным средством, принадлежащим ЗАО «Б», совершил наезд на движущуюся в попутном направлении гужевою повозку с малолетним пассажиром К., который от полученных травм умер. Родители умершего заявили иск о взыскании с ЗАО «Б» 60 000 белорусских рублей компенсации морального вреда. Указанная сумма была взыскана в пользу потерпевших. Решение суда является обоснованным.

Обратимся к легальному определению «морального вреда». В соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь – это «физические и (или) нравственные страдания» [3].

Развернутое определение понятия морального вреда дано в пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2000 № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда», где «физические страдания – это физическая боль, функциональное расстройство организма, изменения в эмоционально-волевой сфере, иные отклонения от обычного состояния здоровья, которые являются последствием действий (бездействия), посягающих на нематериальные блага или имущественные права гражданина, а нравственные страдания выражаются в ощущениях страха, стыда, унижения, а равно в иных неблагоприятных для человека в психологическом аспекте пережива-

ниях, связанных с утратой близких, потерей работы, раскрытием врачебной тайны, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, с ограничением или лишением прав граждан» [11].

Итак, под моральным вредом подразумевают как нравственные и (или) физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Важно подчеркнуть, что понятие «страдания» не совпадает по своему содержанию с понятиями «физический вред» или «вред здоровью». Физические страдания – это одна из форм морального вреда в том его виде, как он определен в законодательстве (ст.152 ГК Республики Беларусь) [3].

В подавляющем большинстве случаев деяние, нарушающее имущественные права гражданина, одновременно является и посягательством на его неимущественные права, прежде всего, на психическое благополучие, являющееся составным элементом здоровья человека.

Учитывая, что моральный вред затрагивает социально-психологическую сферу потерпевшего и не всегда, как показывает практика, может быть компенсирован денежной суммой, представляется объективным предусмотреть в гражданском законодательстве несколько форм его возмещения, предоставив тем самым гражданину или суду право выбора из них более приемлемой, либо нескольких одновременно.

Так, о применении нескольких форм возмещения морального вреда свидетельствует решение суда Барановичского района и г. Барановичи об удовлетворении иска Н. к В. о защите чести и достоинства, а также взыскании компенсации морального вреда в сумме 500 белорусских рублей и опровержении сведений, не соответствующих действительности, в средствах массовой информации. Кроме того, суд обязал ответчика В. принести публичные извинения в присутствии рабочего коллектива Н., что зафиксировано на цифровом носителе и передано истцу.

Итак, проведенный анализ позволяет считать институт возмещения морального вреда видом деликтных обязательств, обладающим всеми его основными признаками и соответствующими элементами, а также структурой.

Таким образом, в юридической литературе и в действующем законодательстве нет единого подхода к определению понятия рассматриваемого института, в полной мере раскрывающего его сущность, признаки и закрепляющего основные принципы возмещения морального вреда. Исходя из изложенного, считаем возможным дополнить часть 1 статьи 970 Гражданского кодекса Республики Беларусь пунктами 1 и 2 следующего содержания:

1. *«Возмещение морального вреда – это добровольное или принудительное восстановление прав граждан в результате нарушения, умаления или лишения их личных неимущественных благ, в том числе нравственных или физических страданий (унижения, раздражения, подавленности, гнева, стыда, отчаяния, физической боли, ущербности, дискомфортного состояния и т.п.), испытываемых (претерпеваемых, переживаемых) потерпевшим в результате совершенного против него правонарушения, а в случае его смерти в результате такого правонарушения – его близкими родственниками, супругом (супругой), в материальной и (или) иной форме.*

2. *Возмещение морального вреда осуществляется как в материальной, в том числе денежной форме, так и в нематериальной форме. Материальные формы могут быть осуществлены путём получения денежной суммы или, по выбору потерпевшего, определённого имущества, в том числе конкретной вещи. Возмещение в нематериальной форме осуществляется путём публичного (в присутствии третьих лиц или средствах массовой информации, в том числе в глобальной сети Интернет) и личного (в отсутствие посторонних лиц) извинения, либо передачей определённых прав, а также предоставлением определённой потерпевшим услуги».*

Библиографический список

1. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М. Изд-во МГУ, 1986. 148 с.

2. Воронович Т. Моральный вред: теория и практика. Юстиция Беларуси. 2004. № 7. С. 51 – 54.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (ред. от 31.12.2021) // Ведымадзі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7 – 9. Ст. 101.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (ред. от 27.02.2022) // Народная газета. 1996. № 298.

5. Малейн Н. С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3. С. 33 – 34.

6. Минец И. Н., Подгруша В. В. Возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу. Минск: Амалфея. 2005. 252 с.

7. Мотина Е. В. Право работника на компенсацию морального вреда по законодательству Республики Беларусь // Социальное и пенсионное право. 2009. № 1. С. 44 – 46.

8. Нарижний С. Возмещение морального вреда, причиненного потерпевшему: уголовно-процессуальный аспект // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 5 – 8.

9. Нарижний С., Голубев К. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав гражданина // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 11 – 15.

10. Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей» (ред. от 05.01.2022) // Народная газета. 2002. № 27.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 100, 6/258.

12. Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (ред. от 31.12.2021) // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1993. № 1. Ст. 1.

13. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 (ред. от 15.07.2021) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 26 – 27. Ст. 432.

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (ред. от 05.01.2022) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 24. Ст. 420.

15. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда // Российская юстиция. 1996. № 10. С. 10 – 16.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЛИКТЫ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рыженков А. Я., доктор юридических наук, профессор
Калмыцкий государственный университет, г. Элиста

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические особенности возмещения двух видов экологического вреда – вреда здоровью и имуществу граждан, и вреда, причиненного изменением климата. Отмечается недостаточная доктринальная проработка, а также незначительная правоприменительная практика по таким делам, исследуется опыт зарубежных стран по возмещению климатического вреда.

Ключевые слова: вред; деликт; природа; охрана; возмещение.

ENVIRONMENTAL TORTS: LEGAL FUNDAMENTALS OF REGULATION

Ryzenkov A. Ja., Doctor of Law, Professor
Kalmyk State University, Elista

Abstract. The article discusses the theoretical features of compensation for two types of environmental damage – damage to the health and property of citizens, and the damage caused by climate change. Insufficient doctrinal elaboration is noted, as well as insignificant law enforcement practice in such cases, the experience of foreign countries in the compensation of climatic harm is investigated.

Keywords: harm; tort; nature; protection; compensation.

В настоящий момент, несмотря на все усилия, предпринимаемые Российским государством, состояние окружающей среды продолжает ухудшаться. Растет количество природных и техногенных аварий и катастроф, несанкционированных свалок, не уменьшается и число случаев загрязнения почв, вод и иных природных объектов. В этой ситуации возрастает роль и значение юридической ответственности за экологические правонарушения, включая возмещение экологического вреда. Традиционно экологические деликты подразделяют на два вида – различают первичный вред (причиненный окружающей среде в целом, либо ее отдельным природным объектам и комплексам), и вторичный вред – причиненный загрязненной окружающей средой жизни, здоровью и имуществу граждан (имуществу юридических лиц). Вторую разновидность экологического вреда М. И. Васильева предложила называть «экогенным вредом» [4], и это название прижилось в научной литературе [3, с. 48]. Вопрос о возмещении первичного вреда достаточно хорошо проработан в эколого-правовой науке, как в плане общей теории, так и в части особенностей возмещения вреда природным объектам по таксам и методикам

[7]. Существует и довольно обширная судебная практика по возмещению первичного вреда (вреда окружающей среде), как в части крупных экологических аварий (например, связанных с разливом нефти), так и на локальном уровне (например, возмещение вреда, причиненного незаконной рубкой деревьев). Между тем, вторая разновидность экологических деликтов крайне слабо проработана доктринально, и случаев успешной защиты нарушенных прав граждан на жизнь и здоровье неблагоприятными факторами окружающей среды весьма немного. К этому стоит добавить, что сегодня угрозы, и окружающей среде, и здоровью граждан, постепенно приобретают новый характер, что обусловлено тенденциями изменения климата и его воздействием на самые различные охраняемые правом виды общественных отношений. В этих условиях возникают и новые аспекты проблемы возмещения экологического вреда. Поэтому требуют исследования две дискуссионные проблемы теории экологических деликтов – возмещения вторичного экологического вреда, и рассмотрение перспектив возмещения климатического вреда на примере опыта зарубежных стран.

1) Возмещение вреда жизни, здоровью и имуществу граждан, причиненного экологическим правонарушением.

Вред здоровью граждан, причиняемый негативным воздействием окружающей среды, проявляется в заболеваниях, иных расстройствах здоровья, негативных генетических эффектах, физических и нравственных страданиях, снижении работоспособности и других неблагоприятных последствиях, вызванных воздействием загрязненных в результате хозяйственной и иной деятельности поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха, почвы, объектов растительного мира и других компонентов природной среды [5]. Вред здоровью может быть причинен как аварийными выбросами промышленного предприятия, так и крупной экологической катастрофой (например, аварией на Чернобыльской АЭС). В последнем случае такой вред нельзя рассчитать в соответствии с нормами гражданского права, и выплаты назначаются в рамках права социального обеспечения. В свою очередь, определение размера возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическим правонарушением первого типа, сталкивается с множеством проблем. Граждане должны доказать в суде не только сам факт причинения вреда и ухудшения состояния здоровья, но и причинно-следственную связь между причиненным вредом и деятельностью ответчика – предприятия, загрязняющего окружающую среду [13, с. 490]. Кроме того, на здоровье человека влияет множество факторов, и выявить в ходе назначенной судом экспертизы такую причинную связь весьма непросто, тем более, что факторы неблагоприятной окружающей среды обычно не порождают новые болезни человека, а усугубляют негативное развитие старых. Кроме того, источник загрязнения может находиться довольно далеко от места жительства пострадавшего лица [12, с. 140]. Несмотря на это, в судебной практике есть ряд дел, по которым были вынесены решения в пользу граждан. Так, Озерский городской суд Челябинской области в 1997 г. рассмотрел иск семьи Н. к ПО «Маяк» о компенсации морального вреда, причиненного неблагоприятным воз-

действием окружающей среды. В семье родился ребенок с тяжелыми врожденными пороками развития костной системы: без ноги и пальцев рук. Предположив генетическую обусловленность этого заболевания, родители обратились в суд и выиграли дело. В другом деле Сегежский городской суд в Карелии в ноябре 2003 г. принял решение о взыскании с алюминиевого завода 50 000 рублей в порядке компенсации морального вреда, причиненного деятельностью завода здоровью гражданина [12, с.141].

Более распространенными являются иски о возмещении вреда, причиненного имуществу гражданина или юридического лица экологическим правонарушением. Наиболее типичным примером судебных дел этой категории являются иски о возмещении вреда, причиненного лицу гибелью пчел в результате использования ответчиком – сельскохозяйственным предприятием химикатов для опыления полей, без предупреждения об этом местных жителей [10]. На этот вопрос специально обращалось внимание в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», согласно которому лицо, применяющее в сельском хозяйстве токсичные химические вещества, не подвергающиеся распаду в окружающей среде, может быть обязано как возместить вред, причиненный окружающей среде, так и убытки, возникшие у конкретных собственников земельных участков (например, вследствие гибели принадлежащих этим лицам урожая или животных). Однако, несмотря на формирующуюся судебную практику, на мой взгляд, необходима разработка специальной методики возмещения вреда здоровью и имуществу граждан, как это уже было сделано применительно к возмещению вреда окружающей среде.

Из зарубежной судебной практики представляет интерес конструкция массовых экологических деликтов. Она проявила себя после аварии на нефтяной платформе British Petroleum в Мексиканском заливе в 2010 г. Тогда произошло загрязнение нефтью побережья, что стало основанием для подачи коллективных исков в защиту имущественных прав пострадавших (физических и юридических лиц). Для выплаты компенсаций пострадавшим был создан специальный фонд, который за несколько лет выплатил жертвам разлива нефти в Мексиканском заливе около \$10 млрд. компенсаций. Некоторые претензии, однако, были отвергнуты из-за отсутствия документации, доказывающей причинную обусловленность причиненного вреда. Многие заявители оказались неспособны доказать, что ущерб был нанесен им разливом нефти BP, а не результатом урагана Катрина [16, с. 36-37]. По мнению российских исследователей, коллективные иски в России также имеют право на существование. Учитывая значительные «размеры причиненного вреда в результате массовых экологических деликтов и специфику дел о его возмещении, особенную эффективность групповые иски могут приобрести в сфере привлечения к гражданско-правовой ответственности виновных в масштабных техногенных авариях и катастрофах лиц» [8, с. 297-298].

С вопросом о возмещении вреда здоровью граждан тесно связана проблема компенсации морального вреда. Под таким вредом в научной литера-

туре понимаются физические и/или нравственные страдания, испытываемые гражданином в результате незаконного посягательства на его экологические и иные, смежные с ними личные неимущественные права и нематериальные блага. Правовая природа морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями, определяется публичным интересом, присутствующим в отношениях по его предупреждению и компенсации. В настоящий момент в законодательстве России ситуация с компенсацией морального вреда остается недостаточно четко урегулированной, что порождает ряд проблем в судебной практике [1, с.42].

В частности, такой вывод подтверждает следующий пример. В. обратилась в суд с иском о компенсации морального вреда, связав причиненные ей физические и нравственные страдания с действиями ответчика, а именно, с расположением в непосредственной близости от ее домовладения цеха по производству бетонных изделий ИП Б.К.МА., в результате чего у нее ухудшилось состояние здоровья и обострились имеющиеся заболевания. Доказательства причинно-следственной связи между различными имеющимися у истца хроническими заболеваниями, ухудшением состояния здоровья В. и непосредственным расположением рядом с ее домовладением цеха по производству бетонных изделий ИП Б.К.МБ, в деле отсутствуют. Иных доказательств, подтверждающих наличие причинно-следственной связи между действиями ответчика и ухудшением состояния здоровья истца, в материалы дела также не представлено. Разрешая спор по существу, суд первой инстанции пришел к выводу, что оснований для удовлетворения исковых требований В. о компенсации морального вреда нет [11].

2) Возмещение вреда, причиненного изменением климата.

Изменение климата является одной из наиболее серьезных проблем современности, усугубляемой тем, что объем выбросов парниковых газов во всем мире продолжает расти. При этом все страны, особенно развивающиеся, уязвимы для неблагоприятных последствий изменения климата и уже ощущают их усиление. Это проявляется в постоянных засухах и экстремальных погодных явлениях, деградации земель, повышении уровня моря, береговой эрозии, подкислении океана и отступлении горных ледников. Все это создает большую угрозу для продовольственной безопасности, запасов воды и источников средств к существованию, подрывает усилия, направленные на ликвидацию нищеты во всех ее формах и проявлениях. Данная тенденция затрудняет реализацию целей и задач устойчивого развития, создает риски для жизни и здоровья населения Земли. Проблема изменения климата уже не один год находится в центре внимания международного сообщества и правительств национальных государств, включая РФ.

Российские ученые отмечают, что правовому регулированию подлежат система и средства наблюдения за состоянием и изменениями климата, меры по стабилизации концентраций парниковых газов, воздействий на погоду и климат. По мнению ряда специалистов, сегодня можно говорить о становлении новой области права – «права охраны климата» или «климатического права» [9, с.140-141]. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. П. Аниси-

мов, климат не указан в числе объектов правовой охраны в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», хотя на уровне подзаконных актов предпринят ряд мер по исполнению взятых Россией международных обязательств по уменьшению выбросов парниковых газов [2]. Исходя из этого, не удивительно, что в РФ нет судебной практики, посвященной вопросам возмещения «климатического вреда». Однако такая практика есть в ряде зарубежных стран, и о ней стоит сказать отдельно.

В феврале 2020 г. английские эксперты подсчитали, что дела о защите климата на тот момент были возбуждены по меньшей мере в 33 странах, в дополнение к искам, поданным в региональные или международные суды, или комиссии. Подавляющее большинство из них было подано в суды США (777 исков – в федеральные суды; 341 иск – в суды штатов), далее следовали Австралия (96), Великобритания (58), Европейский Союз (55), Канада (22), Новая Зеландия (18) и Испания (13). Таким образом, в Европе наибольшее количество дел, связанных с изменением климата, были рассмотрены в Великобритании. Общая проблема развития судебной практики по делам о возмещении «климатического вреда» состоит в том, что суды часто отказываются выносить решения о понуждении органов исполнительной власти к принятию нормативных актов, ужесточающих требования к производителям парниковых газов. При этом, кроме исков к правительствам, в зарубежной судебной практике выделяют и иски к компаниям [6].

Можно выделить несколько стратегий, использованных истцами по делам о возмещении «климатического вреда», в судебной практике зарубежных стран.

1) Указание на тесную взаимосвязь прав человека и вреда, причиняемого жизни, здоровью или имуществу истцов изменением климата. Парижское соглашение по климату 2015 г. признает необходимость устранения постоянных и необратимых последствий антропогенного изменения климата. Однако в нем не предусмотрен механизм возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан, а также окружающей среде, связанного с изменением климата, и привлечения государственных и негосударственных субъектов к ответственности за это. Вместо этого участники Парижского соглашения исключили возмещение вреда из сферы действия договора. Между тем, в зарубежной правовой науке считается очевидным, что изменение климата уже оказывает серьезное воздействие на здоровье людей и их средства к существованию. В связи с этим, многие исследователи предлагают для решения этой проблемы использовать потенциал имеющихся методик защиты прав человека. Между тем, хотя изменение климата и имеет очевидные последствия для осуществления прав человека, менее очевидно, можно ли и в какой степени такие последствия квалифицировать как нарушения прав человека в строгом юридическом смысле. Дело в том, что практически невозможно доказать сложные причинно-следственные связи выбросов вредных веществ и нарушений прав человека, тем более, что неблагоприятные последствия изменения климата часто проявляют себя в отдаленном будущем, тогда как нарушения прав человека обычно фиксируются сразу после причи-

нения вреда. За последние десять лет ни один суд не установил, что выбросы парниковых газов конкретного субъекта причинно связаны с неблагоприятными последствиями изменения климата с целью привлечения его к ответственности.

Тем не менее, во всем мире сейчас наблюдается рост количества судебных разбирательств по вопросам изменения климата, в ходе которых заявители пытаются раздвинуть границы частного и публичного права, чтобы получить возмещение за ущерб, причиненный их жизни, здоровью, имуществу и/или окружающей среде, вызванный антропогенным изменением климата. До сих пор лишь немногие подобные случаи рассматривались в контексте прав человека.

Обычно при рассмотрении таких дел, аргументы в области прав человека, в основном, использовались для поддержки претензий, основанных на частном или публичном праве, чтобы призвать к активизации усилий по сокращению выбросов парниковых газов государственных и корпоративных субъектов.

Последствия изменения климата являются типичным примером вреда, в значительной степени причиняемого деятельностью, осуществляемой корпорациями промышленно развитых стран в беднейших странах мира. Печально известная деятельность Shell в дельте Нигера или Chevron в Эквадоре и Перу хорошо иллюстрируют, что потерпевшим часто бывает трудно получить возмещение за ущерб, причиненный их жизни, здоровью или имуществу корпорациями со штаб-квартирами за рубежом, даже в тех случаях, когда им оказывают содействие местные власти. Чтобы преодолеть эти проблемы, индивидуальные и групповые истцы во всем мире все чаще прибегают к использованию механизмов защиты прав человека с разной степенью успеха. Далеко не являясь оптимальным средством, механизм защиты прав человека часто является последним способом для того, чтобы попытаться обеспечить некоторую компенсацию пострадавшим и привлечь виновных к ответственности. В связи с изменением климата, такое использование права в области прав человека приобрело новое значение.

До сих пор в зарубежном праве не разработано никакой конкретной формы ответственности за последствия изменения климата, причем положения Парижского соглашения по климату 2015 г. не предусматривают механизма возмещения вреда. В результате вред, связанный с последствиями изменения климата, должен быть сопоставлен с существующими схемами ответственности в частном и публичном праве. Однако эти схемы едва ли способны справиться с ущербом, связанным с загрязнением атмосферы, которое носит широко распространенный и трансграничный характер и, в результате которого, как ответчика, так и истца трудно идентифицировать. Последствия изменения климата предсказуемы в том смысле, что мы знаем о том, что они произойдут, но не знаем где, когда и каков будет размер причиненного вреда. Установление ответственности конкретных ответчиков перед конкретными истцами особенно сложно. Большинство правовых систем требуют, чтобы истец мог доказать свои требования при обращении в суд. Однако предъяв-

ление таких доказательств часто представляет собой неразрешимую проблему [17], тем более, что трансграничный характер климатического вреда требует участия представителей других стран. Однако у судов нет возможности вызвать потенциальные страны-нарушители в национальный суд.

2) В настоящий момент в экологическом праве США существует две аксиомы, используемые при судебной защите климатических прав: (1) поведение, создающее парниковый газ, представляет собой помеху (или другое аналогичное нарушение общего права), способствуя изменению климата; и (2) что правительство обязано в соответствии с доктриной общественного доверия и / или Конституцией решать проблемы изменения климата. Иски, основанные на этих теориях, были поданы правительствами штатов, местными органами власти, земельными фондами, экологическими группами и другими общественными организациями, детьми, будущими поколениями (представленными живым опекуном), торговыми группами, представляющими пострадавшие отрасли промышленности, а также отдельными гражданами, пострадавшими от изменения климата.

Иски были поданы против крупных корпораций, ответственных за значительные объемы выбросов парниковых газов, или против правительств за неспособность регулировать или прямое поощрение опасного использования ископаемого топлива. Что касается компенсации, то в исках требовались денежные компенсации или судебные запреты в отношении крупных корпораций, или судебные запреты, требующие от федеральных властей или правительств штатов принятия мер по сокращению выбросов парниковых газов. Хотя эти тридцать или около того дел сильно различаются с точки зрения места проведения, правовой теории и личности сторон, результаты на удивление одинаковы. На сегодняшний день ни одно дело не рассматривалось по существу. Суды обычно отклоняли эти иски, отмечая, что суды не должны принимать решения о правовой политике в области климата, поскольку эта задача должным образом возлагается на другие ветви власти – законодательные и исполнительные органы. При этом несколько получивших общественный резонанс дел, связанных с изменением климата, и вовсе были отклонены, как представляющие политический интерес. В Калифорнии против General Motors был подан иск о возмещении вреда, где утверждалось, что выбросы парниковых газов из выхлопных труб их автопарков способствовали изменению климата. Окружной суд отказал в иске как представляющем политический интерес, и потому не подлежащем рассмотрению в судебном порядке, прямо заявив, что вопросы, поднятые в этом деле, должны решаться законодательными органами, а не судами. Рассмотрение иска потребовало бы, чтобы суд уравнивал конкурирующие интересы сокращения выбросов и интересы продвижения и сохранения экономического и промышленного развития страны.

Поиск баланса этих конкурирующих интересов – это политическая задача, которая должна решаться другими ветвями власти, а не судом [15].

3) В ходе рассмотрения «климатических дел» в судах часто обсуждается вопрос о том, что вред, которого мы стремимся избежать, принимая меры

по смягчению последствий изменения климата, является неопределенным. Его масштабы и форму невозможно точно предсказать. Более того, наши меры по смягчению последствий могут не привести к существенному уменьшению ущерба для климата, если другие юрисдикции не предпримут аналогичных действий.

Поэтому все финансовые расходы, которые понесет бюджет сейчас в целях достижения смягчения последствий изменения климата, могут принести какие-либо выгоды только в далеком будущем, что дает мало стимулов политикам (чья политическая карьера к тому времени уже давно закончится) сосредоточиться на действиях в области изменения климата. Именно этим и объясняется то «бездействие» правительств, против которого и были поданы многие «климатические иски». Еще одним фактором, препятствующим тому, чтобы контроль за выбросами парниковых газов приобрел большое общественное значение, является слабое понимание юристами и климатологами взаимосвязи между выбросами парниковых газов и конкретным вредом климату. Не имея возможности напрямую связать климатические явления с выбросами парниковых газов, не говоря уже о том, чтобы связать их с конкретными выбросами, у заявителей отсутствует возможность доказать необходимые суду риски и причинно-следственные связи.

4) Из этого следует, что в частном (деликтном) праве вопрос о возмещении климатического вреда (вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан стихийными бедствиями или иными проявлениями изменения климата) на современном этапе развития юридической и климатологической науки не имеет решения. Более перспективным является стратегия действий по защите климатических прав человека или понуждения правительства к принятию нормативных актов, ужесточающих требования к производителям парниковых газов в рамках исполнения международных обязательств страны по реализации положений Парижского соглашения по климату 2015 г. Нельзя не сказать и о возможностях по защите климатических прав в международном публичном праве, в рамках которого под потерями и ущербом понимаются последствия изменения климата - как экономические, так и неэкономические, которые невозможно свести к минимуму или избежать с помощью обычных стратегий смягчения последствий и адаптации. «Потеря» может быть истолкована как невозполнимые негативные последствия, такие, как потеря ресурсов пресной воды или культуры (наследия), тогда как ущерб - это климатические проявления, от которых экосистемы и общество могут оправиться (воздействие на инфраструктуру, связанное с сильными погодными явлениями, ущерб мангровым зарослям от прибрежных волн и др.) [14].

Большие надежды в части финансирования охраны климата возлагаются на климатические фонды. Как отмечалось в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 2018 г. «Охрана глобального климата в интересах нынешнего и будущих поколений человечества», Зеленый климатический фонд провел первоначальную мобилизацию ресурсов, благодаря чему он стал крупнейшим целевым климатическим фондом, и утверждение

им ассигнований в размере 4,6 млрд долл. США в целях содействия реализации 93 проектов и программ по адаптации к последствиям изменения климата и их смягчению в 96 развивающихся странах, подтверждает цели и руководящие принципы работы Фонда. В своей работе Фонд стремится учесть гендерную проблематику при своих операциях, подчеркивая, что перед ним стоит задача обеспечить реальный доступ к его ресурсам, что будет способствовать достижению в развивающихся странах намеченных результатов в плане ограничения или сокращения выбросов парниковых газов и адаптации к последствиям изменения климата. Таким образом, в рамках Фонда предусматривается система мер поддержки климатической политики развивающихся стран, позволяющая смягчить последствия изменения климата и снизить угрозу причинения вреда здоровью и имуществу граждан.

Подводя итоги, следует заметить, что в настоящий момент существует ряд проблем с обеспечением конституционного права граждан на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью и имуществу экологическим правонарушением. Во многом эти проблемы носят объективный характер (сложность доказывания причинно-следственных связей между деятельностью ответчика и причиненным вредом). Есть и субъективный фактор, связанный с недостаточной информированностью граждан о существующих средствах защиты их прав, в связи с чем они редко обращаются в суд. Появление климатических угроз жизни, здоровью и имуществу граждан пока не получило в России ни доктринального, ни практического развития, хотя существует интересный опыт зарубежных стран, где уже были предприняты попытки защиты климатических прав граждан.

Библиографический список

1. Анисимов А. П., Каюшникова Ю. Е. Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением // Правовая парадигма. 2017. Том 16. № 2. С. 36 – 44.

2. Анисимов А. П. Климат как объект экологических правоотношений // Аграрное и земельное право. 2015. № 8. С. 85 – 91.

3. Бринчук М. М. Эколога-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 39 – 48.

4. Васильева М. И. Право граждан СССР на здоровую окружающую среду: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 26 с.

5. Васильева М. И. Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями // Судья. 2017. № 9. С. 15 – 21.

6. Ермакова Е. П. Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 604 – 625.

7. Кванина В. В. Взаимосвязь гражданского и экологического законодательства при возмещении вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 213 – 219.
8. Кодолова А. В. Коллективные иски о возмещении вреда, причиненного экологическим правонарушением: проблемы и перспективы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С.296 – 298.
9. Никонов Р. В. Климат как объект правовой охраны // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 139 – 143.
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 ноября 2021 г. по делу № 88-20627/2021(2-41/2021) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.02.2022).
11. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2020 г. по делу № 88-16268/2020.
12. Романова А. А. Актуальные проблемы судебной защиты конституционного права на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1. С. 139 – 143.
13. Терещенко В. А. Возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате экологических правонарушений // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, г. Новосибирск, 1-2 ноября 2013 г. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. С. 487 – 492.
14. Carlarne C. P. From COVID-19 to Climate Change: Disaster & Inequality at the Crossroads // San Diego Journal Climate & Energy Law. 2021. Vol. 12. P. 19 – 40.
15. Kuh K. F. The Legitimacy of Judicial Climate Engagement // Ecology Law Quarterly. 2019. Vol. 46. P. 731 – 764.
16. Randall S. Abate, Corporate Responsibility and Climate Justice: a Proposal for a Polluter-Financed Relocation Fund For Federally Recognized Tribes Imperiled by Climate Change // Fordham Environmental Law Review. 2013. Vol. XXV. P. 10 – 45.
17. Savaresi A. Human rights and the impacts of climate change: Revisiting the assumptions // Oñati Socio-Legal Series. 2021. Vol. 11. Issue 1. P. 231 – 253.

ОСОБЕННОСТИ СОЛИДАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВМЕСТНО ПРИЧИНЕННЫЙ ВРЕД

Стрилец Л. Е., старший преподаватель кафедры юриспруденции
Волжский филиал Волгоградского государственного университета,
Волгоградская область, г. Волжский

Аннотация. В настоящем изыскании рассмотрены особенности правового регулирования солидарной ответственности лиц владельцев источника повышенной опасности за вред причиненный таким источником. Проанализированы существующие в этой сфере научные точки зрения, статистические данные и судебная практика. В качестве итога исследования автор приходит к выводу, что было бы верным включить в содержание ст. 1080 ГК РФ правила, о выяснении не только степени вины владельца (или их совокупности) источника повышенной опасности, но и вины потерпевшего (потерпевших) при наличии обоюдной вины. При этом правом требовать установления подобных фактов должны обладать любые заинтересованные лица.

Ключевые слова: солидарная ответственность; деликт; потерпевший; причинитель вреда; вред, причиненный источником повышенной опасности; взаимодействие источников повышенной опасности; ответственность за совместно причиненный вред; степень вины причинителя вреда.

FEATURES OF JOINT AND SEVERAL LIABILITY FOR JOINTLY CAUSED HARM

Strilets L. E., Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence
Volga Branch of the Volgograd State University, Volgograd Region, Volzhsky

Abstract. In this study, the features of the legal regulation of the joint liability of the owners of the source of increased danger for the harm caused by such a source are considered. The existing scientific points of view, statistical data and judicial practice in this area are analyzed. As a result of the study, the author comes to the conclusion that it would be correct to include in the content of Article 1080 of the Civil Code of the Russian Federation rules on clarifying not only the degree of guilt of the owner (or their combination) of the source of increased danger, but also the guilt of the victim (victims) in the presence of mutual guilt. At the same time, any interested persons should have the right to demand the establishment of such facts.

Keywords: joint and several liability; tort; victim; harm-doer; innocent harm; harm caused by a source of increased danger; interaction of sources of increased danger, responsibility for jointly caused harm, degree of guilt of the harm-doer.

Одновременно со стремительным развитием общественных и рыночных отношений растет и уровень автомобилизации. На период 1997 г. в России оснащенность населения автомобилями (из расчета один автомобиль на 1000 человек) составляла 113,7 [14], а уже по состоянию на 2021 г. этот показатель вырос почти в три раза и составляет более 313 легковых автомобилей, иными словами, в среднем у каждого третьего россиянина есть машина [2]. С ростом автомобилизации населения нашего отечества растет и количество дорожно-транспортных правонарушений, а также объем причиненного вреда в результате подобных деликтов. Указанное хорошо подтверждают статистические показатели о поступивших в российские суды требованиях о возмещении нанесенного ущерба приведенные в Таблице 1 [10].

Таблица 1

Статистические показатели о поступивших требованиях (по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ)		
За год	О возмещении ущерба от ДТП (кроме увечий и смерти кормильца)	В связи с нарушением правил движения и авариям на транспорте
2021	102490	1295
2020	104709	1352
2019	129718	
2018	126890	
2017	130190	

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что требования о возмещении вреда от источников повышенной опасности, которым, безусловно, является автомобиль, не смотря социальный прогресс и рост грамотности населения России, совершенно не теряют актуальности с течением времени. А нормы, регулирующие деликтные правоотношения и вытекающие из них обязательства, имеют высокую степень востребованности, как и на протяжении многих веков до этого [8, с. 79].

По смыслу п. 1 ст. 15 и ст. 1064 ГК РФ обязательства по возмещению вреда определены, в первую очередь, причинной связью между противоправным деянием и наступившим вредом. Иное означало бы безосновательное и несправедливое привлечение к ответственности, нарушающее конституционные права человека и гражданина. Однако, существуют ситуации, когда за вред потерпевшему ответственность могут нести сразу два или более лиц, и в этом случае установить указанную взаимосвязь бывает далеко не просто. Именно для такого рода обстоятельств была предусмотрена ст. 1080 ГК РФ, в которой указаны основания солидарной ответственности за вред, причиненный лицами совместно.

Для квалификации такого вида ответственности перед потерпевшим в юридической литературе выделяют ряд требований. По мнению А. С. Шевченко, солидарная ответственность за совместное причинение вреда наступает при наличии следующих обязательных условий. Во-первых,

участие в причинении вреда не менее двух лиц и более. Во-вторых, результатом деяний обусловленных лиц будет наступивший вред. В-третьих, имеет место причинная связь между наступлением вреда и поведением каждого из сопричинителей [16, с. 47].

Согласно точке зрения Е. А. Флейшиц, ответственность за вред, причиненный совместными действиями, основывается не только на причинной связи совместных действий и наступившим вредом, но и на наличии вины каждого из причинителей вреда [15, с. 154-155].

В. Л. Мусияка указывал, что для квалификации солидарной ответственности, причинённой несколькими лицами должен иметь место критерий единства действий причинителей вреда. Этот критерий, в свою очередь, определяется тем, что действия каждого виновника, это деталь всего механизма действий в единстве с другими действиями [7, с. 115-116].

В п. 14 Информационного письма от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» Президиум ВАС РФ указал, что для возмещения вреда в порядке, предусмотренном ст. 1080 ГК РФ, необходимо установить совместный характер действий, в результате которых обществу причинен вред. В частности, о совместном характере таких действий могут свидетельствовать их согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения, т. е. умысла [5, с. 92].

Таким образом, для применения солидарной ответственности за совместно причиненный вред необходимо установить такие факты как: участие в обязательстве не менее двух лиц; наличие вреда; причинную связь между действиями причинителей и наступившим вредом; единство действий причинителей вреда; и вину причинителей вреда в форме умысла.

Одновременно с этим в ст. 1079 ГК РФ в числе правовых инструментов, предусмотрена солидарная ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, даже в том случае, когда лица не являются причинителями вреда. То есть, они несут ответственность вследствие прямого указания об этом в законе, без наличия вины ответственного субъекта и с усеченным составом гражданского правонарушения [3, с. 127; 6, с. 65]. В силу п. 3 ст. 1079 ГК РФ, солидарная ответственность будет наступать и при взаимном действии нескольких источников повышенной опасности. Например, при причинении вреда окружающей среде, к солидарной ответственности могут быть привлечены владелец нефтепровода и владелец строительной техники, в результате эксплуатации которой произошел разлив нефтепродуктов [12, с. 45].

Положения ст. 1080 ГК РФ, со ссылкой на п. 2 ст. 1081 ГК РФ, позволяют суду, по заявлению потерпевшего, установить ответственность в долях. Одновременно с этим, законодатель в п. 2 ст. 1081 ГК РФ установил возможность уже для виновного в совместно-причиненном вреде, который возместил весь вред, требовать порядке регресса с каждого из других причините-

лей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины этого причинителя вреда. Если степень вины определить невозможно, доли признаются равными.

В п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» были однозначно установлены пределы ответственности в зависимости от критерия «кому причинен вред». Так, если вред причинен третьему лицу совместными действиями владельцев источников повышенной опасности, то последние несут солидарную ответственность перед потерпевшим (потерпевшими), в соответствии с п. 3 ст. 1079 ГК РФ. Если же в результате совокупных действий владельцев источников повышенной опасности причинен вред одному из них, то вред возмещается на общих основаниях, по основаниям ст. 1064 ГК РФ, по принципу ответственности за вину. Верховный Суд РФ выделил при этом несколько правил. Во-первых, если вред, причиненный одному из владельцев по вине другого, то он возмещается виновным. Во-вторых, при наличии вины лишь владельца, которому причинен вред, он ему не возмещается. В-третьих, при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого. В-четвертых, при отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда (независимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение вреда друг от друга [11, с. 30].

Вместе с тем, определенные действующим законодательством и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, основания привлечения к солидарной ответственности, при взаимодействии источников повышенной опасности, не лишены противоречий. Так, в апреле 2019 г. Верховным Судом РФ было рассмотрено дело по иску Конновой Ю. Д к Копытину С. А. о взыскании компенсации морального вреда. В обоснование заявленных требований Коннова Ю. Д. указывала, что в результате дорожно-транспортного происшествия (далее по тексту – ДТП), имевшего место в августе 2014 года, произошедшего по вине гражданина Пяточкина С. А., был причинен вред её здоровью. Коннова Ю.Д. при этом являлась пассажиром транспортного средства «Фольксваген Пассат», под управлением Пяточкина С. А. Другими участниками ДТП были Копытин С. А., управляющий транспортным средством «ВАЗ-111940», и Копытина Е. В. – пассажир этого транспортного средства, которая погибла в результате этого события. Приговором суда Пяточкин С. А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, и с него в пользу Конновой Ю. Д. была взыскана компенсация морального вреда в размере 300000 руб.

Поскольку Пяточкин С. А. перестал производить выплаты в пользу потерпевшей, Коннова Ю. Д., ссылаясь на ст. 1079 и ст. 1100 ГК РФ, просила суд взыскать с Копытина С. А. в ее пользу в счет компенсации морального вреда 1 млн. руб., поскольку вред ее здоровью был причинен в результате взаимодействия источников повышенной опасности (автомобиля «Фольксваген Пассат» и автомобиля «ВАЗ-111940»). Решением суда первой инстанции

Конновой Ю. Д. в удовлетворении исковых требований о возмещении морального вреда было отказано. Апелляционным определением решение суда первой инстанции было отменено, по делу принято новое решение, которым с Копытина С.А. в пользу Конновой Ю.Д. была взыскана компенсация морального вреда в размере 300 000 руб. Судом апелляционной инстанции было установлено, что взыскание этой суммы производить с учетом солидарного характера спорных правоотношений с зачетом сумм, выплаченных по приговору суда в отношении Пяточкина С. А.

Копытин С. А. обратился в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой, в которой просил отменить апелляционное определение, но в удовлетворении его требований было отказано в связи с отсутствием оснований для пересмотра [9].

Таким образом, вред был причинен в результате ДТП, он был взыскан с виновника ДТП. Поскольку это лицо после вступившего в законную силу приговора находилось в местах лишения свободы, и перестало осуществлять выплаты, вред был взыскан в солидарном порядке с невиновного второго потерпевшего, у которого в момент аварии в автомобиле находилась его супруга, погибшая в этом ДТП.

При подобных обстоятельствах очевидно то, что как бы не был осмотрителен второй участник ДТП при управлении транспортным средством, как бы он не соблюдал Правила дорожного движения, если его автомобиль также стал причиной получения травм потерпевшему, владелец такой машины также несет ответственность в солидарном порядке. К сожалению, суд в рассмотренном примере не стал учитывать ни страдания, ни материальные потери, ни смерть супруги этого водителя. С одной стороны, налицо явная несправедливость, когда допускается взыскивать денежные средства с другого участника происшествия, являющегося платежеспособным. С другой же стороны, достигается принцип компенсации вреда потерпевшей, основанный на солидарной ответственности.

Как отмечал М. М. Агарков, солидарная ответственность причинителей устанавливается не для создания преимущества одному должнику за счет другого, а только для того, чтобы укрепить позицию кредитора [1, с. 160].

Правовая структура обязательств, предложенная в нормах ст.ст. 1080 – 1081 ГК РФ, на наш взгляд, достаточно сложна для понимания и для правоприменения. В связи с чем, в судебной практике редко встречаются случаи определения ответственности в долях. Более того, нет ясности в вопросе, когда может определяться степень вины и по чьей инициативе. В ст. 1080 ГК РФ законодатель определяет право потерпевшего подать соответствующее заявление и суд определит степень вины каждого из ответственных субъектов, а в ст. 1081 ГК РФ уже установлено, что такое право предоставляется одному из виновников.

В п. 25 упомянутого выше Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 г. № 1 разъясняется, что вред, нанесенный источником повышенной ответственности, может быть двух видов: (1) третьим лицам (пассажирам, пешеходам и т. п.); и (2) непосредственно владельцам самих такого рода

источников. В первом случае, его владельцы, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшими солидарно (по п. 1,3 ст. 1079 ГК РФ). После его выплаты одним из солидарных должников, ему дается право в порядке регресса взыскать с остальных содолжников их долю в размере соответствующем степени вины каждого. В качестве исключения из этого правила выступает основание, когда отсутствует вина владельцев источника повышенной опасности, и в этом случае ни один из них не имеет права на возмещение.

В силу п. 1 ст. 1079 ГК РФ, к источникам повышенной опасности относятся юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.). Владельцем считается лицо, у которого имеется оформленное надлежащим образом право собственности, либо ограниченное вещное право, на перечисленные объекты.

Не смотря на простоту указанного выше определения, оно порождает определенные противоречия на практике. Так, Пленум Верховного Суда РФ в рамках страховых правоотношений по обязательному страхованию автогражданской ответственности установил, что если один из потерпевших не согласен с выплаченным ему в равных долях вредом, то он может обратиться в суд с целью установить степень вины каждого из его причинителей [13]. Вместе с тем, Верховный Суд РФ императивно устанавливает, что, во-первых, во время разбирательства должна быть установлена степень вины лиц, гражданская ответственность которых застрахована. А во-вторых, самостоятельное обращение с заявлением иных заинтересованных лиц об установлении степени вины каждого из причинителей вреда законом не предусмотрено. Кроме того, ответственность за совместно причиненный вред в зависимости от степени вины почему-то установлена только для страховых правоотношений. А если гражданская ответственность не застрахована у всех участников ДТП, то, как быть в этом случае? В последнее время этот вопрос часто возникает из-за неоднозначного подхода страховщиков к выплате при наступлении страхового случая. Возникают сложности и от того, что законодатель не установил правил обращения заинтересованного лица с самостоятельным иском об определении степени вины.

Указанная выше проблематика отражается и в ст. 313 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее по тексту – КТМ РФ), где установлено, что в случае, если столкновение судов произошло по вине двух или более судов, то ответственность каждого из них за убытки определяется соразмерно степени его вины. Но, если невозможно установить степень вины каждого из судов исходя из обстоятельств столкновения, в этом случае ответственность за убытки распределяется между ними поровну. Владельцы судов, виновных в столкновении, отвечают солидарно перед третьими лицами за убытки, причиненные в результате смерти или повреждения здоровья людей, причем судовладелец, уплативший сумму большую, чем ему следует уплатить с учетом принципа соразмерности степени вины, имеет право регресса к другим судо-

владельцам. Указанная норма также устанавливает ответственность владельцев судов, виновных в столкновении, с учетом принципа соразмерности степени вины и за убытки, причиненные имуществу третьих лиц.

Таким образом, в отличие от правил ст. 1079 ГК РФ в КТМ РФ закреплена норма, устанавливающая степень вины за причиненный вред совместно несколькими источниками повышенной опасности.

В контексте рассмотренной проблематики интересен, и по нашему мнению, зарубежный опыт. За вред, причиненный здоровью во время охоты, от того, что потерпевший оказался на рубеже огня одновременно двух других охотников, Верховным судом штата Калифорния США было переложено возложить бремя доказывания степени вины каждого из причинителей вреда на них самих, в процессе состязательного судопроизводства. При этом сохранялось правило об их солидарной ответственности [17, с. 401].

В английском праве иски о долевой ответственности сопричинителей вреда были признаны судами еще 1935 году. Однако эта концепция, применялась только на этапе возмещения доли в порядке регресса с лиц, совместно причинивших вред, более того, суды учитывали и степень вины в деликте самого потерпевшего. Такой подход хорошо иллюстрирует дело «Фитцджеральд против Лэйна» (1988). Истцом выступал пешеход, который неосторожно вышел на проезжую часть дороги, где его вначале сбил один автомобиль, а потом он упал под колеса другого автомобиля. Оба водителя были признаны виновными в причинении вреда в рамках деликта неосторожности (negligence). Палата лордов, рассматривая дело в апелляционной инстанции, пришла к выводу, что встречная неосторожность истца должна оцениваться в контексте того вреда, который был причинен ему ответчиками. Поэтому ответчики должны были возместить вред в объеме не свыше 50 %. Сообразно этому суд пришел к выводу, что водители должны возместить 50 % от общего ущерба, т. е. каждый из них в объеме 25 % [4, с. 188].

Как видно, такой подход не решает проблемы определения степени вины при солидарной ответственности за совместно причиненный вред, но он справедливо учитывает и вину потерпевшего, который своими неосторожными действиями спровоцировал правонарушение. Полагаем, что было бы верным включить в содержание ст. 1080 ГК РФ правила о выяснении не только вины владельца (или их совокупности) источника повышенной опасности, но и вины потерпевшего при наличии их обоюдной вины. Правом требовать установления подобных фактов должно обладать любые заинтересованные лица. В настоящее время такой вопрос решается на этапе возмещения регрессного вреда одним из причинителей после осуществленных им выплат (п. 2 ст. 1081 ГК РФ). Однако, временной промежуток между установлением ответственности, выплатой и возмещением в порядке регресса может существенно затянуться или результат вообще не будет достигнут, чем будут нарушены не только законные права и интересы конкретных граждан, но и наивысший, на наш взгляд, принцип правосудия – справедливость.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып.3. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
2. Автомобильный парк: на чем ездят россияне? URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/47703/> (дата обращения: 08.05.2022).
3. Волос А. А. Принципы обязательственного права: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03. Саратов, 2015. 223 с.
4. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8. С. 83 – 97.
6. Калмыков Ю. Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 72 с.
7. Мусияка В. Л. Совместное причинение вреда как основание солидарной ответственности // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Тезисы республиканской научной конференции 24-26 сентября 1975 г. Харьков, 1975. 421 с.
8. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право: Учебник М.: Юристъ, 2004. 544 с.
9. Официальный сайт Ртищевского районного суда Саратовской области. URL: http://rtishevsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=426 (дата обращения: 18.04.2022).
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2007, 2018, 2019, 2020, 2021 годы. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.04.2022).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. С. 27 – 45.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 37 – 51.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 18.04.2022).

14. Тархов С. А. Региональные различия автомобилизации в России и в мире // Материалы X международной (тринадцатой екатеринбургской) научно-практической конференции 14-15 июня 2004 года. URL: [http:// waksman.ru/Russian/Streets_net/Tarhov04.htm](http://waksman.ru/Russian/Streets_net/Tarhov04.htm) (дата обращения: 18.04.2022).

15. Флейшиц Е. А. Курс Советского гражданского права. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М.: Всесоюзный Институт Юридических наук Министерства Юстиции СССР. Государственное издательство юридической литературы, 1951. 239 с.

16. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М.: Статут, 2013. 133 с.

17. Geistfeld M. A. The Doctrinal Unity of Alternative Liability and Market-Share Liability // *University of Pennsylvania Law Review*. 2006. Vol. 155. P. 500.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕРМИНА «ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО» В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ

Федосеев П. С., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена вопросам правовой природы гражданско-правовой ответственности, возможности употребления термина «деликтное право» в рамках российской системы частного права, предлагается авторское видение систематизации российского гражданского права.

Ключевые слова: деликтное право, гражданско-правовая ответственность, отрасли гражданского права, институты гражданского права.

ON THE QUESTION OF THE APPLICABILITY OF THE TERM «TORT LAW» IN RUSSIAN CIVIL LAW

Fedoseev P. S., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the issues of the legal nature of civil liability, the possibility of using the term "tort law" within the framework of the Russian system of private law, and also offers the author's vision of the systematization of Russian civil law.

Keywords: tort law, civil liability, branches of civil law, institutions of civil law.

Вопрос о допустимости использования термина «деликтное право» имеет комплексный характер и закономерно влечет за собой необходимость ответа на ряд не менее важных вопросов, касающихся предмета гражданского права, отраслевого деления российского права в целом и гражданского права, в частности, самостоятельности и возможности отдельного рассмотрения деликтного права, и, в конечном итоге, наличия у деликтного права, если таковое существует в российском праве, самостоятельных функций.

Мнения о практической и теоретической значимости деления российского права на отрасли, высказываются самые различные. Условно их можно разделить на теоретические и утилитарные. Теоретические точки зрения защищают необходимость деления права на отрасли постольку, поскольку это отражает, во-первых, внутреннюю диалектику права, обеспечивает его развитие и функционирование. Во-вторых, отраслевая дифференциация права обеспечивает дискуссионность юридических наук и систематизирует знания, преподаваемые слушателям учебных программ [2, с. 18].

Утилитарная точка зрения основывается на признании необходимости отраслевого деления отечественного права, в связи с тем, что при разреше-

нии судами споров, возникающих из смежных правоотношений, например, трудового и гражданского, возникает конкуренция применения нормативных правовых актов, иногда неверно разрешаемая судами [3, с. 8].

Кроме того, по словам Е. А. Суханова, возможность научного обоснования самостоятельной, порой экзотической, отрасли права открывает для ученого-правоведа широкие перспективы в научной и административной деятельности. Это и возможность создания кафедр в вузах или исследовательских институтах, и включение в номенклатуру самостоятельной научной специальности, в которой «первооткрыватель» соответствующей отрасли частного права будет автоматически считаться корифеем [5].

Отраслевое деление системы российского права обусловлено наличием самостоятельного или относительно самостоятельного предмета правового регулирования нормами любой отрасли. Исходя из материалистического понимания права, как всеобщего регулятора общественных отношений, следует признать, что именно особенности тех или иных общественных отношений, для регулирования которых предназначены отраслевые нормы, определяют видовую принадлежность той или иной отрасли.

Вопрос о разделении гражданского права на отрасли и подотрасли активно исследуется в течение длительного времени. Среди различных мнений, высказываемых по этой проблеме, можно назвать то общее, что их все объединяет – разница между отраслью и подотраслью права заключается в степени своеобразия той совокупности общественных отношений, которые регулируются нормами соответствующей отрасли или подотрасли. Вопрос о своеобразии указанных отношений можно разрешить путем определения меры этого своеобразия, как видообразующего признака в классификации системы права на отрасли и подотрасли.

Как известно, философская категория «мера» означает момент перехода неопределенного количества бытия в новое качество и приобретение им иной формы существования. Справедливым можно признать преодоление определенной меры при переходе от категории к понятию. В случае с анализом системы права, полагаем, что переход от категории к понятию можно условно наблюдать при дроблении права, на отрасли, подотрасли и институты, то есть переход от общего к частному.

Строго говоря, категориями следует называть только предельные характеристики бытия, наиболее общие понятия его характеризующие, к которым право отнести вряд ли будет корректно. Вместе с тем, А. Г. Спиркин приводит менее строгое определение категорий, он предлагает понимать под ними предельно общие понятия в рамках данной предметной области [7, с. 328]. Высшей предметной областью, по мнению ученого, является философия, далее, происходит родовое и видовое деление областей науки, осуществляемое в зависимости от сферы бытия, в которой движется познание, оперирующее в своей деятельности категориями.

В гражданском праве, в качестве бытийного субстрата следует взять те общественные отношения, которые подлежат качественному изменению, в процессе воздействия на них норм права. Родовым свойством этих обще-

ственных отношений является их экономический характер, которые переходят в новое качество, становятся правовыми, в тот момент, когда на них воздействует соответствующая норма права. Весь объем имущественных и личных неимущественных отношений, входящих в предмет гражданского права, следует признать родом. Видом, в свою очередь, нам представляются те разнообразные проявления имущественных и неимущественных отношений, которые урегулированы с большей или меньшей степенью дифференциации. Кроме того, качественным критерием, влияющим на разделение отраслей и подотраслей гражданского права, следует признать сам объект регулирования, обладающий должной степенью уникальности в рамках предмета гражданского права.

В процессе познавательного продвижения в пределах исследуемого объекта, по мере накопления большего объема знаний о нем и присоединении к категориям новых качеств, появляется следующий уровень осознаваемого бытия, выраженный в категориях, примененных к нему, в соответствии с выявленными характеристиками. Таким образом, мышление, двигаясь от общего к частному, понятийно оформляет категории, придавая познанным объектам характер понятий, терминов и суждений. Граница, отделяющая количественный переход от качественного, называется мерой.

Так, в рамках отрасли гражданское право, обладающей рядом особенностей общественных отношений, входящих в предмет отрасли и методами их регулирования, можно назвать подотрасли – вещное и обязательственное право, которые в свою очередь делятся на институты ограниченных вещных прав, договорных и внедоговорных обязательств.

Видовое деление рода «гражданское право» обусловлено тем, что в каждой последующей подотрасли сохраняется общий признак – имущественный характер отношений, но к нему присоединяются новые, видовые характеристики, которые сохраняя главный, конститутивный признак, создают новый вид, дополняя род особенностями. Так, в вещном праве, как подотрасли гражданского права, родовым признаком следует признать состояние законной присвоенности вещи, сообщающее лицу возможность самостоятельно осуществлять «триаду» собственника. В свою очередь, устранение одного из элементов указанной триады, по различным причинам, порождает новый вид – ограниченное вещное право. Возможность распоряжаться принадлежащим лицу объектом права собственности, путем вовлечения его в оборот, переводит вещные отношения в новое качество – обязательства. В обязательственном праве, родовым признаком следует признать возможность удовлетворения требования кредитора за счет действий должника и его возможные модификации – договорное или внедоговорное возникновение права требования и обязанности удовлетворить его.

Возникновение концепции о деликтном праве на почве российской цивилистики, на наш взгляд, произошло по нескольким причинам. Во-первых, современное российское гражданское законодательство создавалось в крайне сжатые сроки, юридически оформляя те экономические отношения, которые фактически сложились в стране к началу нового тысячелетия. В связи с этим,

большинство создателей Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) признают, что закон во многом носил компилятивный характер, в основу которого был положен российский дореволюционный опыт частного правотворчества и те правовые институты, которые, по мнению разработчиков проекта ГК РФ не противоречили духу российского материального и процессуального права [1, с. 83]. Таким образом, не всегда критичное заимствование иностранных правовых институтов и наименований сослужило российской цивилистике сомнительную службу, заставив исследователей и правоприменителей искать смысл в конструкциях, представляющих собой очевидную компиляцию правовых идей чуждых по духу российскому праву.

Во-вторых, употребление термина «деликтное право» допускается в связи с отсутствием единой точки зрения на юридическую природу гражданско-правовой ответственности. Как известно, гражданско-правовая ответственность является, в первую очередь, мерой воздействия, направленного, главным образом, на имущественную сферу нарушителя, и, отчасти, в минимальной степени, на его личную сферу. Мы не отрицаем воспитательного и превентивного характера гражданско-правовой ответственности, но то обстоятельство, что ответственность может быть, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ, возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, очевидно, свидетельствует, о том, что гражданско-правовая ответственность является не столько карой, имеющей персонифицированный характер, сколько обязанностью восстановить положение, существовавшее до правонарушения. Кроме того, в ст. 24 ГК РФ речь идет об ответственности лица по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, что также подтверждает наш тезис об обязательственном характере гражданско-правовой ответственности.

Самостоятельность каждой отрасли права, обеспечивается, в том числе и ее особыми функциями, которые обуславливают метод правового регулирования, преимущественно применяемого в рамках предмета отрасли. Сравним наиболее характерные отрасли – гражданское право, как частноправовую отрасль и уголовное право, в качестве наиболее очевидной публично-правовой отрасли. В актах объективного права термин «функции права» не применяется, вместо него употребляются термины либо «основные начала», либо «принципы». В юридической литературе нет единого мнения по вопросу разграничения функций и принципов правовых отраслей, поэтому нам представляется, что принципы служат основой применения – функционирования, норм любой отрасли права.

В ст. 2 УК РФ, в качестве основных задач уголовного законодательства ставится охрана прав и свобод человека, обеспечение общественной безопасности путем законодательного закрепления признаков преступного деяния и установления форм ответственности (санкций) за их совершение.

В свою очередь, в ст. 1 ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства устанавливается обеспечение восстановления нарушенных прав, что с учетом перечня отношений, регулируемых гражданским законодательством, на наш взгляд, явно свидетельствует о наличии компенсационной функции у гражданского права. Компенсационная функ-

ция гражданского права реализуется посредством установления ст. ст. 24 и 1064 ГК РФ обязанности возмещения причиненного вреда. Следовательно, компенсационная функция гражданского права реализуется посредством применения обязательственной ответственности к причинителю вреда или лицу, ответственному за действия причинителя.

Таким образом, исходя из обязательственного характера гражданско-правовой ответственности, деликтное обязательство, следует рассматривать в качестве института обязательственного права.

В-третьих, деликтное право, терминологически является калькой с английского tort law. Как отмечают исследователи, в условиях отсутствия четкого деления англо-саксонского права на отрасли, и особенностями английского языка, каждый из разделов гражданского права традиционно называется law: obligation law, tort law [6, с. 215]. Особенностью деликтного права, в контексте англо-саксонской системы, является то, что в ней отсутствует концепция ответственности, а рассматривается перечень правонарушений, за которые предусматриваются частноправовые санкции [4, с. 5]. Поэтому следует различать деликтные обязательства, как институт подотрасли «обязательственное право», и гражданско-правовую ответственность, как охранительное компенсационное правоотношение, приобретающую форму обязательства в гражданском праве.

Таким образом, деликтное право, по нашему мнению, не является самостоятельной отраслью гражданского права, а структурно и логически входит в систему обязательственного права.

Библиографический список

1. Арсланов К. М. О заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 6. С. 79 – 89.

2. Белов В. А. Гражданское право. В 2 томах. Т. 1: Общая часть. Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2012. 750 с.

3. Горохов Б. А. Трудовые споры. Чему не учат студентов: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2010. 140 с.

4. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»; по научной специальности «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». Под редакцией С. Н. Бабурина, Р. А. Курбанова. Москва: Юнити-Дана, 2013. 590 с.

5. Русакович А. Правоведение для всех: Понятно и доступно о государстве, законах, судах и полиции. URL: <https://www.livelib.ru/book/193771/readpart-pravovedenie-dlyavseh-ponyatno-i-dostupno-o-gosudarstve-zakonah-sudah-i-politsii-artem-rusakovich/~52> (дата обращения: 29.03.2022).

6. Свод английского гражданского права: ученые труды. Вып. IV. Общая часть. Обязательственное право / под ред. Э. Дженкса. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

7. Спиркин А. Г., Кузина Л. В., Спиркина Е. А. Философия: учебник. М.: Юрайт, 2011. 828 с.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

УДК 347.5

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Абезин Д. Д., студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук,
доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу правового механизма возмещения собственникам недвижимого имущества убытков, причиненных в результате правомерных действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц. Предлагается нормативно закрепить универсальный гражданско-правовой механизм возмещения вреда физическим и юридическим лицам в связи с правомерными действиями органов власти и их должностных лиц.

Ключевые слова: имущество, собственник, вред, правомерные действия, возмещение вреда, кадастровые работы, публичная власть.

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY LAWFUL ACTIONS OF PUBLIC AUTHORITIES

Abezina D. D., 2nd year student of the law faculty

Supervisor: Agibalova E. N., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal possibilities of compensation to the owners of immovable property damages, caused as a result of legal actions (inaction) of public authorities and their officials. It is offered to establish legislatively the fact of damage caused by a concrete subject of public authorities in connection with lawful acts of officials (bodies) because of which damage was caused to physical and legal persons, just like it was legislatively realized at damage caused in case of emergency situations of natural, technogenic character and as a result of terrorist act.

Keywords: property, owner, damage, lawful actions, compensation for damage, cadastral works, public authority.

В настоящее время в нашей стране, как и во многих других, законные интересы физических и юридических все чаще пересекаются с публичными интересами. Данные ситуации, а priori предопределяют столкновение двух противоречивых интересов (частного и публичного), каждый из которых является законным. При этом, с одной стороны, требуется восстановить правовое положение лица, которому причинен вред. С другой стороны, лицо, этот вред причинившее, совершало правомерные действия и не должно быть привлечено к ответственности [1, с. 84]. Непросто найти устраивающие все стороны правовые механизмы возмещения убытков в ситуации, когда орган власти (должностное лицо), действуя правомерно, являясь гарантом прав и свобод своих граждан, одновременно нарушает их. Особенно сложно, если речь идет при этом о недвижимом имуществе, зачастую являющимся наиболее ценным активом гражданина. Указанные обстоятельства и являются первопричиной теоретических споров и ошибок в правоприменительной практике.

В частности, к случаям возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, можно отнести возможность изъятия у собственника имущества в условиях чрезвычайной обстановки (ст. 242 ГК РФ). В данной норме сформированы общие принципы так называемой реквизиции, которые детализированы различными законами [2]. К институту возмещения вреда в рассматриваемой сфере можно отнести и иные ситуации, возникающие в связи с тушением пожара, ликвидацией последствий террористического акта, т.д. и т.п. Причинение вреда, в том числе и собственникам недвижимого имущества, в указанных ситуациях преследует цели предотвращения еще более значимых потерь. В законодательстве традиционно прослеживается приоритет публичного интереса над частным. Аналогичная позиция преобладает и в юридической науке.

Поиск оптимальных гражданско-правовых механизмов возмещения собственникам недвижимого имущества убытков, причиненных в результате правомерных действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц является весьма сложным как для ученых-цивилистов, так и для правоприменителей.

Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование берет на себя ответственность за ущерб, причиненный правомерными действиями органов власти и их должностных лиц в связи с тем, что их действия (бездействие) были обусловлены публичными интересами. Согласно п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ признается равенство участников гражданских правоотношений. Следовательно, в соответствии с действующим законодательством, государство должно компенсировать причиненный вред.

В настоящее время рассматриваемые правоотношения регулируются ст. 16.1 ГК РФ, принятой около 10 лет назад. Согласно данной статье: «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерны-

ми действиями государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации» [3].

Следует обратить внимание на то, что в ст. 16.1 ГК РФ помимо органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц перечислены также и иные лица, которым делегировали властные полномочия. В качестве примера можно привести нотариусов, экспертов или лиц, выполнивших кадастровые работы.

Для правильного понимания сути ст. 16.1 ГК РФ и её применения в конкретных ситуациях необходимо выяснить некоторые вопросы. Какие действия можно квалифицировать как правомерные, если они причинили ущерб? Представляется, что действия органа власти или должностного лица будут правомерными, если совершены в рамках своих полномочий, в соответствии с действующим законодательством, исходя из публичных интересов, а причинение вреда преследовало цель – предотвращение большего вреда или иные общественно полезные цели. Следующий вопрос, как определить вред, подлежащий компенсации? Вред в данном случае можно рассматривать как умаление личного или имущественного блага. Далее необходимо зафиксировать причинно-следственную связь между правомерными действиями органов публичной власти (их должностных лиц) и наступлением вреда. Представляется, что указанные обстоятельства в своей совокупности и являются условиями компенсации собственникам ущерба, причиненного правомерными действиями органов публичной власти и их должностных лиц.

Вопросы, связанные с защитой прав собственников недвижимого имущества в связи с правомерными действиями органов публичной власти и их должностных лиц, неоднократно становились предметом рассмотрения не только судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но и Конституционного Суда РФ [4].

Статья 57 ЗК РФ определяет, что возмещению подлежат убытки, причиненные ухудшением качества земель, ограничением прав собственников и арендаторов земельных участков, ограничением прав лиц, с которыми заключены договоры найма жилых помещений, изменением целевого назначения земельного участка. Бутримова, приобрела участок для ИЖС. Однако, спустя некоторое время, Правительство области приняло постановление, которое, в частности, запретило собственникам производить капитальное строительство и реконструкцию зданий, а также запретило деление земельных участков, то есть вид разрешенного использования был изменен с ИЖС на «земельные участки (территории) общего пользования», а кадастровая стоимость снизилась с 5 миллионов рублей до 1 рубля. Суды требования истицы оставляли без удовлетворения, ссылаясь на пп. 5 п. 1 ст. 57 ЗК РФ, где урегулирован случай возмещения убытков при переходе из состава земель одной категории в другую. В случае с истицей Бутримовой категория земель не менялась, при этом накладывались специальные ограничения в использовании земельного участка, обозначенные выше. Постановлением Конституционного Суда РФ пп. 5 п. 1 ст. 57 ЗК РФ признан не соответствующим Конститу-

ции, так как в силу своей неопределенности не позволяет однозначно определять условия возмещения убытков в случае ограничения прав собственника земельного участка правомерными действиями органа государственной власти или органа местного самоуправления в связи с установлением зоны охраны объекта культурного наследия [5].

Многочисленные противоречия в судебной практике в рассматриваемой сфере обусловили принятие Постановления Правительства РФ, которое детализировало порядок возмещения убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов [6].

Главное отличие гражданско-правового механизма возмещения собственникам недвижимого имущества убытков, причиненных в результате правомерных действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц» (ст. 16.1 ГК РФ) – необходимо зафиксировать причинно-следственную связь между правомерными действиями органов публичной власти (их должностных лиц) и наступлением вреда. Действия органа власти или должностного лица следует квалифицировать как правомерные, если совершены в рамках его полномочий, в соответствии с действующим законодательством, исходя из публичных интересов, а причинение вреда преследовало цель – предотвращение большего вреда или иные общественно полезные цели.

Указанные обстоятельства в своей совокупности и является условиями компенсации собственникам ущерба, причиненного правомерными действиями органов публичной власти и их должностных лиц.

Нормы, содержащиеся в ст. 16.1 ГК РФ открывают новые возможности для защиты прав граждан и юридических лиц и ведут законодательство в правильном направлении. Однако, пробелы в правовом регулировании рассматриваемых отношений перегружают судебную систему. Сегодня принятие нормативных правовых актов, регулирующих институт возмещения вреда в связи с правомерными действиями органов власти и их должностных лиц, по сути обусловлено многочисленными исками в той или иной сфере, которые получают свое окончательное решение в высших судебных инстанциях. Следует отметить, при отсутствии определенности оснований, объема, размера и порядка возмещения вреда, причиненного правомерными действиями органов публичной власти и их должностных лиц, решения нижних судебных инстанций, как свидетельствует практика, принимаются, как правило, в пользу государства (муниципалитета). При этом, не каждое физическое или юридическое лицо, защищая свои права, в состоянии дойти до Верховного или Конституционного судов. Таким образом, правозащитный потенциал статьи 16.1 ГК РФ не может раскрыться полностью.

На сегодняшний момент достаточно четко определен механизм компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями при ликвидации чрезвычайных ситуаций или при пресечении террористического акта [7]. Как уже было отмечено, в январе 2022 года после многочисленных судебных процессов, было принято Постановление Правительства РФ, которое разре-

шает некоторые ситуации возмещения убытков, причиненных собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам.

В остальных правовых ситуациях отсутствует детальное правовое регулирование, в связи с чем граждане и юридические лица не могут реализовать свое право на компенсацию. В связи с отсутствием единого гражданско-правового механизма возмещения вреда в рассматриваемых правоотношениях, законодатель, как правило, отсылает правоприменителя от одной нормы к другой. В результате чего граждане и юридические лица не могут иметь достаточных оснований для защиты своих прав в рамках правоотношений, определенных в ст. 16.1 ГК РФ, если речь не идет о компенсации ущерба причиненного при пресечении террористического акта или т.п. Таким образом, основная проблема в рассматриваемых ситуациях – отсутствие единообразной практики реализации ст. 16.1 ГК РФ.

Учитывая широкий спектр возможных ситуаций, связанных с причинением вреда правомерными действиями органов власти и их должностных лиц, а также перманентное появление новых видов правоотношений, представляется целесообразным разработать единый нормативный механизм применения данной нормы. То есть предлагается разработать Постановление Правительства РФ, закрепляющее универсальный гражданско-правовой механизм возмещения вреда в связи с правомерными действиями органов власти и их должностных лиц независимо от сферы государственного (муниципального) управления, также, как это было реализовано при причинении ущерба в случае чрезвычайных ситуаций природного, техногенного характера и в результате совершения террористического акта.

Библиографический список

1. Гинц Е. М. К вопросу о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 80 – 85.

2. Федеральный закон от 5 февраля 2007 г. № 13-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 834.

3. Паспорт проекта Федерального закона № 47538-6/7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) (подписан Президентом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Феде-

рации» в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 47. Ст. 7946.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1639.

6. Постановление Правительства РФ от 27 января 2022 г. № 59 «Об утверждении Положения о возмещении убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, а также правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 5. Ст. 790.

7. Постановление Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 592 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного характера, произошедших в 2021 году» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15. Ст. 2510.

ТЕНДЕНЦИЯ ЗАМЕНЫ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СТРАХОВЫМИ

Бородин Д. В., магистрант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук,
доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В последние годы стремительные обороты в развитии набирает институт страхования, что порождает возникновение споров относительно возможности замещения деликтов обязательствами, вытекающими из договора страхования. Несмотря на повышенный интерес авторов-правоведов, вопрос о тенденции замены деликтных обязательств страховыми является малоизученным.

В рамках настоящей статьи нами будет проведено исследование тенденции развития заключения договоров страхования, основанное на теориях и концепциях, сформулированных в современной цивилистике, с учетом актуальных статистических данных, а также материалов судебной практики. По итогам проведенного исследования будет сформулирован однозначный авторский вывод о тенденции замены деликтов страховыми обязательствами.

Ключевые слова: страхование, обязательства, вытекающие из договора страхования, вред, деликты, обязательства, вытекающие из причинения вреда.

THE TREND TO REPLACE TORT LIABILITIES WITH INSURANCE LIABILITIES

Borodin D. V., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Agibalova E. N., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. In recent years, the institution of insurance has been gaining momentum in development, which gives rise to controversy regarding the possibility of replacing torts with obligations arising from an insurance contract. Despite the increased interest of researchers and legal authors, the question of the tendency to replace tort liabilities with insurance ones is poorly understood.

Within the framework of this article, we will conduct a study based on the theories and concepts formulated in modern civil law, taking into account relevant statistical data, as well as materials from judicial practice. Based on the results of the study, an unambiguous author's conclusion will be formulated about the trends in replacing torts with insurance obligations.

Keywords: insurance, obligations arising from the insurance contract, harm, torts, obligations arising from causing harm.

В правовой доктрине все чаще на повестку ставится вопрос доказывания теории тенденции замены деликтов страховыми обязательствами. В качестве предпосылок ведения подобного рода дискуссий выступает тот факт, что за последние годы существенное развитие получил институт страхования. Однозначно ответить на вопрос о возможности замещения деликтов страховыми обязательствами получится только если провести детальное аналитическое исследование развития данных институтов и их актуального состояния.

А. А. Томтосов в своих работах неоднократно указывает, что выбранный вектор развития института возмещения вреда со временем может прийти к полному исключению деликтных обязательств, как отдельной гражданско-правовой категории. Свою позицию автор строит на том, что современное общество, в подавляющем своем большинстве, характеризуется высоким уровнем правового сознания, как следствие, нацелено на охрану и защиту своих прав и законных интересов. Договор страхования по своей правовой природе выступает в качестве такого гаранта, поскольку позволяет предусмотреть наступление неблагоприятных последствий [1, с. 82].

Ю. Б. Фогельсон, напротив, рассуждая на тему возможности замены деликтов страховыми обязательствами, однозначно и категорично отмечает невозможность такой замены. Критикуя приведенную выше точку зрения, автор обращает внимание на тот факт, что полное замещение деликтов страховыми обязательствами просто невозможно и никогда не произойдет в силу разного объема обязательств, а зачастую и правового характера оснований возникновения деликтных и страховых обязательств [2, с. 102-103].

Проведя анализ значительного количества источников научной и учебной литературы, мы отметили, что поставленный нами в ходе проведения настоящего исследования вопрос является многогранным, и ответить на него не представляется возможным, оперируя исключительно теоретическими категориями.

Для полноты исследования полагаем необходимым провести анализ тенденции развития заключения договоров страхования на примере одной из ведущих страховых компаний на территории Российской Федерации САО «ВСК».

По официальным данным за период с 2019 по 2021 год просматривается следующая картина относительно заключения договоров страхования, отображенная на рисунке 1 [3].

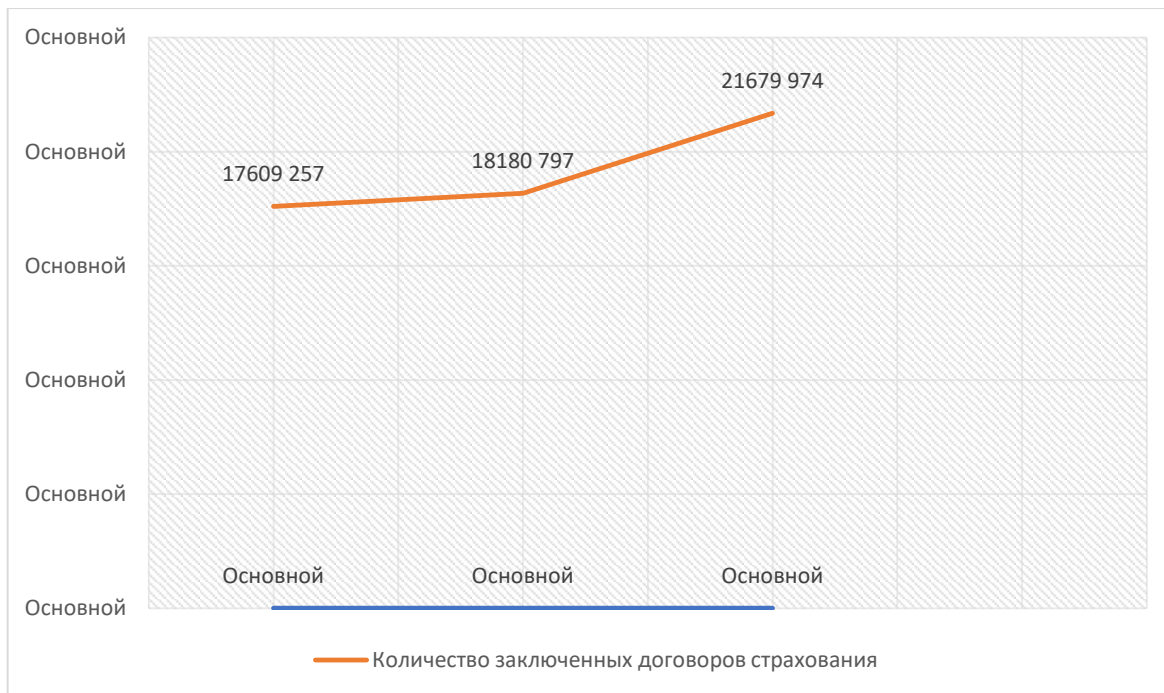

Рис. 1.

Приведенный рисунок наглядно показывает тенденцию увеличения общего количества заключаемых договоров страхования.

На сегодняшний день САО «ВСК» осуществляет реализацию следующих видов страхования: страхование от несчастных случаев и болезней, медицинское страхование, страхование средств наземного транспорта (за исключением средств железнодорожного транспорта), страхование средств железнодорожного транспорта, страхование средств воздушного транспорта, страхование средств водного транспорта, страхование грузов, сельскохозяйственное страхование (страхование урожая, сельскохозяйственных культур, многолетних насаждений, животных), страхование имущества юридических лиц, за исключением транспортных средств и сельскохозяйственного страхования, страхование имущества граждан, за исключением транспортных средств, страхование гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств, страхование гражданской ответственности владельцев средств воздушного транспорта, страхование гражданской ответственности владельцев средств водного транспорта, страхование гражданской ответственности владельцев средств железнодорожного транспорта, страхование гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные объекты, страхование гражданской ответственности за причинение вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг, страхование гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам, страхование гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору, страхование предпринимательских рисков, страхование финансовых рисков, обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и

органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном (в лицензии – Обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение при перевозках пассажиров вреда их жизни, здоровью, имуществу, обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте).

Все обозначенные нами аналитико-статистические данные подтверждают выдвинутую гипотезу об увеличении количества заключаемых договоров страхования.

Однако даже с учетом изложенного, говорить о полном вытеснении деликтных обязательств институтом страхования не представляется возможным, поскольку цели и задачи, а также функции обязательств, возникающих из договора страхования, и деликтных обязательств, существенно отличаются.

Обязательства, вытекающие из договора страхования, не исключают возможности возмещения причиненного вреда и в порядке обязательств, возникающих из причинения вреда (деликтных обязательств). В качестве примера разберем следующий кейс. В результате дорожно-транспортного происшествия транспортному средству гражданина П. был причинен значительный ущерб, который составил 650 000 руб. Гражданин П. признан потерпевшим. Гражданская ответственность причинителя вреда (виновника дорожно-транспортного происшествия) была застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее по тексту – договор ОСАГО). С целью возмещения вреда, полученного в результате дорожно-транспортного происшествия, гражданин П. обратился в страховую компанию, случай был признан страховым, осуществлена выплата страхового возмещения размере 400 000 руб. [4] (страховой лимит по обязательствам, вытекающим из договора ОСАГО) [5]. Из всего изложенного можно сделать два вывода: во-первых, обязательства, вытекающие из договора страхования исполнены в полном объеме; во-вторых, надлежаще исполненных обязательств, возложенных на страховщика, оказалось недостаточно для того, чтобы возместить причиненный вред в полном объеме.

В данном случае, гражданин П. имеет законное и обоснованное право обратиться за взысканием 250 000 руб. к непосредственному причинителю вреда [6].

Таким образом, в рамках одного и того же спора имеют место как обязательства, возникающие из договора страхования, так и обязательства, возникающие из причинения вреда.

В пункте 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» указано, что: «Причинитель вреда, застраховавший свою ответ-

ственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (статья 15, пункт 1 статьи 1064, статья 1072 и пункт 1 статьи 1079 ГК РФ)» [7].

Приведенный нами пример наглядно показывает, что замещение деликтов страховыми обязательствами невозможно, в ином случае, это привело бы к существенному нарушению прав и законных интересов лиц при реализации своего права на полное возмещение причиненного вреда.

В качестве второго аргумента невозможности такого замещения свидетельствует тот факт, что страховые и деликтные обязательства являются разными по объему оснований возникновения обязательств. На наш взгляд, не будет ошибочным утверждать о том, что обязательства, возникающие из причинения вреда, выступают общими гражданско-правовыми обязательствами, а обязательства, возникающие из договора страхования – узкоспециальными. Нами неспроста ранее был приведен обширный список всех существующих видов страхования, поскольку даже этот список не способен предусмотреть жизненные обстоятельства, которые могут возникнуть за рамками договора страхования. Причем существующее многообразие носит больше диспозитивный характер, за исключением тех видов страхования, которые являются обязательными в соответствии с положениями действующего законодательства. Правовая регламентация деликтов закреплена в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [8], которая в том числе, содержит отсылку на обязательства, вытекающие из договора страхования (ст. 1072 ГК РФ), что снова подтверждает наш вывод о том, что деликты и договор страхования соотносятся как общее и частное.

Гражданин может застраховать свою квартиру от затопления, однако отсутствие такого страхования не освобождает соседей от возмещения, причиненного заливом квартиры ущерба.

Более того, следующие случаи, предусмотренные гражданским законодательством в качестве оснований возникновения обязательств в связи с причинением вреда, не могут быть предметом договора страхования:

- ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами (ст. 1069 ГК РФ);

- ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК РФ).

Из этого довода вытекает также еще один, суть которого заключается в следующем. Заключение договора страхования обуславливает несение определенных финансовых затрат, которые выражаются в уплате страховой премии, при этом, с равной долей вероятности, страховой случай может как наступить, так и не наступить, поэтому за исключением обязательных видов страхования, все остальные являются правом гражданина и не могут быть навязаны. Замена деликтных обязательств страховыми, в теории, должна

привести к тому, что перечень видов страхования существенно увеличится, как и перечень обязательных видов страхования. Ответ на данный вопрос нами сформулирован абсолютно категорично – это невозможно, и в какой-то степени даже неприемлемо, что было обосновано ранее озвученными выводами по тексту.

Обязательства, возникающие из договора страхования и обязательства, возникающие из причинения вреда, безусловно, находятся в очень тесной взаимосвязи: исполнение одного вида обязательств не исключает исполнения другого, они дополняют друг друга, позволяя обеспечить надлежащую реализацию основополагающих принципов гражданского права, направленных на полное возмещение причиненного вреда.

В качестве основного вывода, проведенного в рамках настоящей статьи исследования, мы с уверенностью обозначим, что нами доказана теория тенденции замены деликтов страховыми обязательствами. Вместе с тем, отмечено, что в настоящее время невозможно полное исключение деликтов. В обоснование позиции о невозможности исключения деликтов приведены следующие аргументы: несмотря на то, что институт страхования стремительно развивается, не имеется оснований для утверждения о том, что обязательства, возникающие из причинения вреда, потеряют свою значимость. Деликтные обязательства – это гражданско-правовая категория, которая охватывает больший объем случаев причинения вреда, чем договор страхования.

Тенденция развития института страхования выступает в качестве позитивного явления, однако страхование не может претендовать на тот объем обязательств, которые могут возникнуть вследствие причинения вреда. Невозможно предусмотреть и застраховать все возможные риски, именно поэтому оптимальным следует признать сочетание различных гражданско-правовых средств, обеспечивающих возмещение (компенсацию) вреда (убытков), и прежде всего внедоговорных деликтных обязательств и договорных страховых.

Библиографический список

1. Томтосов А. А. Деликтные обязательства. (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2022).

2. Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 576 с.

3. Исследование проведено на основании статистических данных, размещенных на официальном сайте САО «ВСК»: <https://www.vsk.ru/#?discount> (дата обращения: 06.04.2022).

4. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2022 по делу № 88-6695/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2022).

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2022 по делу № 88-7175/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

ПОНЯТИЕ ВИНЫ КАК УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Воробьева П. В., студент 3 курса

Научный руководитель: Зарапина Л. В., кандидат юридических наук,
доцент

Институт международного права и правосудия Московского
лингвистического университета, г. Москва

Аннотация. В статье проведен анализ актуальных проблем вины в гражданском праве Российской Федерации. Следует отметить, что на сегодняшний день это один из спорных вопросов российского гражданского законодательства. В статье уделено особое внимание разным концепциям вины, подходам к пониманию данного элемента гражданско-правовых отношений. Разъяснение вопросов о виновности и ее формах в гражданском праве положительно влияет на сущность гражданско-правовой ответственности, а значит, от того, насколько успешно будет решен вопрос, также зависит эффективность гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: вина, гражданско-правовая ответственность, обязательство, виновность, правонарушение.

THE CONCEPT OF GUILT AS A CONDITION FOR BRINGING TO CIVIL LIABILITY

Vorobyeva P. V., 3rd year student

Supervisor: Zharapina L. V., PhD in Law, Associate Professor
Institute of International Law and Justice
of the Moscow Linguistic University, Moscow

Abstract. The article analyzes the actual problems of guilt in the civil law of the Russian Federation. It should be noted that today this is one of the controversial issues of Russian civil legislation. The article pays special attention to different concepts of guilt, approaches to understanding this element of civil law relations. Clarification of questions about guilt and its forms in civil law has a positive effect on the essence of civil liability, which means that the effectiveness of civil liability also depends on how successfully the issue is resolved.

Keywords: guilt, civil liability, obligation, culpability, offense.

Одной из традиционных категорий гражданского права является категория вины, которая организует сферу гражданско-правовой ответственности. В последние годы изучению вины в гражданском праве уделяется большое внимание. Конечно, это связано в первую очередь с тем фактом, что в гражданском праве до сих пор существует пробел в определении вины на законодательном уровне.

Категория вины, подчиняясь теории права, предусматривает ее включение в категорию правонарушений. Правонарушение выражается в определенных действиях (бездействии), имеющих конкретные внешние признаки, которые показывают связь между правонарушителем и сообществом, вызывают негативные последствия преступления и общественную опасность. Вина является условием гражданской ответственности за нарушение обязательств, а основанием является ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, другими словами, гражданское правонарушение. Законодатель определяет формы вины в Гражданском кодексе, но по общему правилу они не влияют на имущественную ответственность должника. Если уголовное право прямо учитывает формы вины и тяжесть (степень) вины при наказании, то в гражданском праве это правило не носит общего характера, а используется только в специальных нормах. Таким образом, можно прийти к выводу, что поиск решений теоретических вопросов вины в гражданском праве оказывает непосредственное влияние на поиск решений практических проблем.

В различных видах гражданско-правовых охранительных отношений вину определяют:

- во-первых, одним из ее условий в различных видах гражданско-правовых отношений – договорных, деликтных, корпоративных, интеллектуальных;

- во-вторых, обстоятельством, влияющим на объем ответственности правонарушителя (ст. 151, п. 4 ст. 401, ст. 1101 ГК РФ) [9, с. 285-293].

В доктрине широко обсуждаются две основные концепции вины: «психологическая» и «поведенческая». Первая теория – психологическая, которая, очевидно, является приоритетной в доктрине. Она предполагает, что вина определяется как психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его последствиям. [8, с. 143]. Противники такого понимания вины воспринимают ее как тупиковую, чуждую сфере гражданских правоотношений, продолжая по инерции реализацию уголовно-правового подхода «к понятию вины как одного из оснований (субъективной стороны) преступления» [3, с. 582-583]. Основные упреки сводятся к гипотетичности этого «психического» отношения, недостижимости данного подхода при разрешении гражданских споров в суде из-за практической невозможности идентификации психических переживаний («осознание», «предвидение», «понимание»); проблематичности «психического» понимания вины применительно к такому правонарушителю как юридическое лицо. Критики данной теории отмечают ее бесполезность, поскольку «ни лицо, чьи права и интересы нарушены, ни юрисдикционный орган, которому придется рассматривать иск, не интересуются психическим отношением должника к своим действиям» с чем некоторые ее сторонники вынуждены частично согласиться, с оговоркой, что «субъективное внутреннее отношение лица к собственному противоправному поведению не имеет практического значения в договорном праве» [6, с. 134].

Поэтому вполне понятна неудовлетворенность таким подходом и же-

ление разработать другую, чисто цивилистическую, практически применимую, относящуюся ко всем типам лиц и видам ответственности (договорной и внедоговорной) концепцию вины. Поведенческая теория вины, суть которой заключается в объективной оценке поведения правонарушителя, служит для реализации этих задач: вина заключается в непринятии «правонарушителем всех возможных мер для предотвращения неблагоприятных последствий своего поведения» в предотвращении нарушений при наличии реальной возможности надлежащего исполнения обязательства. Существенным недостатком данного определения вины является совпадение понятий вины и противоправности («вина растворяется в противоправном поведении»), невозможность с позиции «непринятия мер» определить наличие умысла и, соответственно, разграничить умысел и неосторожность.

В. А. Нерсесян предлагает обозначать в качестве вины «психическое отношение лица к совершению им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, определенного соответствующей формой». Несомненно, интересными являются положения о вине, учитывая тот факт, что эти положения могли бы оказать существенное влияние на выяснение вопросов о вине, рассматриваемых отечественной уголовной и гражданско-правовой наукой [7, с. 59-70].

Кроме того, европейская и отечественная правовые системы, как мы знаем, принадлежат к единой (континентальной) правовой системе, что немаловажно. В европейской уголовно-правовой литературе сформировалось мнение, что подходы, в которых вина определялась с психологических позиций, по крайней мере, больше не отвечают вопросам вины в вопросе установления ее определений.

Место психологических концепций в определении вины заняла нормативная теория. Профессор Вессел писал, что психологическое определение вины усматривало в ней субъективно ментальный (психологический) характер в отношении преступного деяния, отождествляемого с чувством вины психическими процессами («Осознавать – не осознавать», «предвидеть – не предвидеть», «желать – не желать»). Таким образом, психологическая концепция имеет дело с сущностью вины в контексте умысла или небрежности.

Напротив, последовательно рассматриваемая в начале века нормативная доктрина вины предусматривает, что природа вины заключается в виновности воли, другими словами, в регулятивных элементах психического компонента [4, с. 398].

Таким образом, выведенное на основе определения вины будет отражать не особенности психических процессов лица, а нормативно определенные процессы его плохого поведения и, следовательно, отвечать требованиям закона, заполняя, таким образом, существующий правовой вакуум. Немецкое право не выработало в правовых источниках единого понятия вины. Также акцентируется внимание на взаимосвязи вины в гражданском праве, на том, что критерием определения вины служит такое понятие, как «воля».

Проводя исследования вины и ее роли в установлении ответственности, мы всегда сталкиваемся с зависимостью этих исследований от таких понятий, как принцип причинения и принцип вины.

Ответственность может быть договорной и внедоговорной, и принцип причинения реализуется во внедоговорной ответственности. Соответственно, можно сказать, что принцип вины соответствует договорной ответственности.

Механизм внедоговорной ответственности по своей сути предполагает несоблюдение принятых на себя каких-либо конкретных обязательств; внедоговорная ответственность реализуется с самого факта причинения вреда. «Деликтной ответственности не предшествует какое-либо обязательство конкретного лица. Оно основано на том, что действие, ущемляющее абсолютные права: право на собственность, жизнь и здоровье граждан» [2, с. 148].

Однако «внедоговорные обязательства» можно понимать в более содержательном смысле. Такая концепция подразумевает, во-первых, что право внедоговорных обязательств можно обоснованно отделить от договорного права, а во-вторых, что право внедоговорных обязательств можно объяснить как внутренне согласованную часть права обязательств. Другими словами: можно предположить, что внедоговорные обязательства, с одной стороны, фундаментально отличаются от договорных обязательств, а с другой – хотя бы частично основаны на последовательном наборе всеобъемлющих принципов. Тем не менее, многие юристы могут, на первый взгляд, считать оба эти утверждения весьма контринтуитивными. Особенно это касается второй идеи о существовании всеобъемлющих принципов, объединяющих внедоговорные обязательства в нормативно согласованную часть частного права.

Фундаментальным аспектом концепции также является то, что «необоснованное обогащение» не следует неправильно понимать как особую правовую категорию; скорее, это причина ответственности, которая функционально и структурно сопоставима с такими понятиями, как вина или индивидуальная ответственность, которые применяются во всей правовой системе в целом. Неосновательное обогащение и деликтное право обычно рассматриваются как независимые или даже противоположные виды обязательств, которые основаны на разных принципах, а именно на максиме о том, что никто не должен наживаться за счет других лиц, с одной стороны, и на идее личной ответственности, с противоположной [5, с. 417-492].

Очевидно, что обе эти максимы правдоподобны, даже если их трудно воплотить в работоспособные правовые нормы. Тем не менее, они могут быть интеллектуально связаны еще более фундаментальным общим, хотя, возможно, и забытым принципом. Действительно, было замечено, что ответственность за обогащение на основе посягательства, т.е. обогащение на основе нарушения охраняемых законом интересов другого лица, тесно связана с деликтным правом. В большинстве европейских правовых систем нарушение права собственности дает основание не только для требования возмещения убытков против лица, ответственного за причинение ущерба, но и для реституционного требования против лица, обогатившегося в результате такого нарушения. Это справедливо не только для недвижимого имущества, но и для более нематериальных имущественных интересов, таких как интеллектуальная собственность и сопоставимые интересы личности.

Таким образом, внедоговорные обязательства следует рассматривать как обязательства, которые не основаны на добровольных сделках, а защищают граждан от нежелательных посягательств на их охраняемый законом статус-кво: телесную и личностную неприкосновенность, имущественные права и другие сопоставимые интересы.

Говорить о наступлении гражданско-правовой ответственности можно только в том случае, если у вас есть указанные в законе или в договоре основания. Здесь в качестве альтернативы сторонам приходится выбирать другие основания ответственности. В первую очередь это связано с конкретными взятыми на себя сторонами обязательствами. Например, стороны оформили договор на поставку товара, покупатель внес задаток. Продавец должен доставить товар в оговоренное место, но по пути товар был случайно поврежден. Возникает вопрос об ответственности. Если иное не предусмотрено договором, например, право собственности на товар переходит в момент предоплаты, то продавец обязан вернуть денежную сумму, уплаченную покупателем. В данном примере элемент вины присутствует, и если бы продавец указал в договоре момент владения, указанный выше, говорить о его ответственности не пришлось бы. А потому, что в этой позиции не было отмечено, что, согласно закону, когда право собственности переходит в момент передачи товара, продавец и несет ответственность перед покупателем [1, с. 26].

Следовательно, указанное выше основание для наступления гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, к которым относятся: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, а также другие причины, которые предусмотрены сторонами в договоре. Вопрос об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства регулируется законом в обязательном порядке, и соглашения с таким условием считаются недействительными.

Говоря о современной доктрине гражданского права, в первую очередь, необходимо сказать, что основные положения были разработаны римским правом, а затем развитием российского и советского права, являются основой существующего гражданского права и утверждают преемственность правовых положений.

Современное гражданское законодательство, как известно, регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. В подавляющем большинстве случаев предметом регулирования являются имущественные отношения. Представляется, что вокруг этих отношений должна выстраиваться формулировка вины, с одной стороны, и, с другой стороны, участники этих отношений (юридические и физические лица) выступают активными, волевыми (принцип свободы соглашения, свободы воли) субъектами, именно вступившими в активные действия в правоотношения, изменять или прекращать их. Таким образом, мы можем выделить имущественно-волевою составляющую этой системы.

Не вызывает спора и то, что вина как правовая категория связана с такими свойствами, как противоправность и умысел. И, как факт, с чувством вины связано наступление негативных последствий для незаинтересованного в этом человека.

Принимая во внимание все это, можно выделить определение вины, что не претендует на абсолютную универсальность, но, похоже, отражает проблемные моменты в ее определении. Итак, вина в гражданском праве – это волевое отношение лица, выраженное имущественными интересами, к противоправным действиям (бездействию), причинившим вред другому лицу.

Библиографический список

1. Аристов С. В. Законная и договорная ответственность; условия об уменьшении и освобождении от ответственности // Юрист. 2008. № 11. С. 21 – 29.
2. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: Теория и практика. М.: Изд-во МГУ, 1986. 149 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1997. С. 582 – 583.
4. Вернер Беульке, Йоханнес Весселс. Уголовное право Общая часть: Преступление и его состав. C.F. Müller GmbH, 2011. 398 с.
5. Гордли Дж., Основы частного права. Собственность, Деликт, Контракт, Неосновательное обогащение. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2006. С. 417 – 492.
6. Кузнецова О. А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2(20). С. 127 – 139.
7. Нерсесян В. А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4. С. 59 – 70.
8. Пашенцев Д. А., Гарамита В. В. Вина в гражданском праве: Монография. Москва: ЮРКОМПАНИ, 2010. 143 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут. 2001. С. 285 – 293.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ СТОЛКНОВЕНИЯ СУДОВ:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОЛЛИЗИОННЫЙ АСПЕКТ**

Гусейнов Т. А., магистрант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Иловайский И. Б., кандидат юридических наук,
доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В изыскании рассматривается проблематика правового регулирования деликтных обязательств, возникающих из столкновения судов на море, особенности их правовой регламентации и гармонизации на международном уровне и внутри конкретных государств. Анализируется судебная практика, предлагаются возможные пути решения исследуемых вопросов.

Ключевые слова: столкновение судов, деликт, возмещение вреда, ответственность судовладельца.

**SEPARATE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OBLIGATIONS
ARISING FROM THE COLLISION OF SHIPS:
NATIONAL AND CONFLICT ASPECT**

Huseynov T. A., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Povaisky I. B., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The research examines the problems of legal regulation of tort obligations arising from collisions of ships at sea, the specifics of their legal regulation and harmonization at the international level and within specific states. Judicial practice is analyzed, possible ways of solving the issues under study are proposed.

Keywords: collision of ships, tort, compensation for damage, liability of the shipowner.

В отечественном законодательстве вопросы, связанные со столкновением судов, раскрыты в ст. ст. 310-315 главы XVII Кодекса торгового мореплавания РФ (далее по тексту КТМ РФ) [1]. В основу этих норм были положены правила двух международных соглашений: Конвенции для объединения некоторых правил относительно столкновения судов (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) [2] и Конвенции о международных правилах предупреждения столкновений судов в море (COLREG) (Лондон, 20 октября 1972 г.) [4]. Подобным способом отечественный законодатель сделал попытку внести единообразие в регулирование проблематики, связанной со столкновением таких транспортных средств, и гармонизировал российские нормы в этой области с международными.

При определении ответственности за указанное выше правонарушение в положениях первого соглашения установлена необходимость выявления вины определенных должностных лиц, находившихся на момент правонарушения на таком транспортном средстве или обеспечивающим его движение (например, лоцмана). Во втором нормативе – Конвенции 1972 г., были конкретизированы технические параметры, обосновывающие виновные действия указанных лиц, а именно акцентировано внимание на соблюдении мер безопасного движения самого судна, изменении его курса и скорости, средств предупреждения столкновения и т.п. Специально рассматриваются правила прохода кораблей в узких местах мореплавания, в которых велика вероятность аварий; устанавливаются положения об их раздельном движении, т.е. случаях, когда такие транспортные средства должны уступать право прохода при встречном движении, либо при обгоне; регламентируется право преимущественного прохода крупных судов перед парусными и рыболовецкими кораблями. Такая, опасность столкновения характерна для прибрежных вод, а также проливов (например, Ла-Манш или Па-де-Кале и т.п.), в связи с чем, действует специальная система движения, которая утверждается Международной морской организацией (далее по тексту ИМО) по соглашению с прибрежным государством [8].

Ход судов создает реальную опасность столкновения и причинения ущерба, как в береговой зоне, так и в открытом море, если подобное правонарушение произошло то, оно, безусловно, влечет ущерб и судну, и грузу, расположенному на нем, и портовым сооружениям, и членам экипажа. В п. 1 ст. 310 КТМ РФ и последующих нормах содержатся общие правила распределения убытков и порядок их возмещения. Так, в случае, если столкновение произошло случайно, по непредвиденным обстоятельствам, то ущерб покрывается судном самостоятельно и за свой счет.

Определяется значение таких обстоятельств вне контроля человека, как штормы и ураганы, а также последствий этих явлений. В науке существовала точка зрения, что гибель судов и груза во время шторма можно признать обстоятельствами непреодолимой силы [12, с. 85]. Однако, анализ решений Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ (далее МАК при ТПП РФ), дает основания сделать однозначный вывод, что этот третейский суд относит шторм и иные подобные природные явления к предсказуемым факторам и не считают их основанием для освобождения от ответственности [13, с. 92]. Полагаем, что такой вывод является обоснованным в настоящее время. Так, в соответствии с Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС/SOLAS) (Заключена в г. Лондоне 01.11.1974) [5] и Руководства по морскому метеорологическому обслуживанию [9], в настоящий момент функционирует Глобальная морская система связи при бедствиях для обеспечения безопасности и система НАВТЕКС, которая и помогает предвидеть возможные изменения погоды при прокладывании курса и осуществления морской перевозки. В совокупности с тем, что существует возможность в реальном времени отслеживать местонахождение судов [14],

все перечисленные средства сводят к минимуму возможность признать погодные условия при транспортировке груза к обстоятельствам форс-мажора.

В ст. ст. 312-313 КТМ РФ предусматривается два возможных варианта распределения вины при столкновении судов: вина одного судна или вина двух или нескольких судов.

В первом случае убытки несет тот по вине кого произошло столкновение, а во втором – убытки распределяются соразмерно нанесенному ущербу. Третьи лица, понесшие убытки в результате столкновения, имеют право требовать возмещения убытков с любого судовладельца солидарно, а у возместившего вред появляется право регрессного требования к другому правонарушителю.

Основным вопросом, исследуемым МАК при ТПП РФ, при рассмотрении дел связанных с деликтными обязательствами из договоров морской перевозки является размер взыскиваемых убытков. Так, в деле страхового общества «Варта» к Северро-Западному речному пароходству, взыскивающее страховые выплаты в порядке суброгации, указывается, что в убытки, понесенные при столкновении, включают в себя реальный ущерб, а именно стоимость временного ремонта судна экипажем и ремонта судна на верфи, цену сюрвейерского осмотра и т.п. расходы. Учитывается и упущенная выгода, которая исчисляется по средней прибыли, полученной от трех предыдущих маршрутов судна и трех рейсов после. Признано, что ошибка капитана или лоцмана не может служить основанием для освобождения судовладельца от выплаты компенсации [13, с. 46].

Характерной чертой решений МАК при ТПП РФ является отсутствие конкретных сумм ущерба, присужденного к взысканию. Как правило, судом указывается соответствующая часть в процентном или долевым размере. Полагаем, что с одной стороны такая практика обусловлена сущностью коммерческого арбитража. Ведь сохранение анонимности сторон и деталей по делу является одной из обязанностей суда. Тем не менее, неопределенность формы возмещения ущерба, его валюты может вести к двусмысленности толкования содержания правоприменительного акта. Особенно это актуально в условиях кризиса 2022 года, когда РФ ставит возможным вопрос о проведении расчетов в форме национальной российской валюты, что также значительно затрудняет оборот средств с зарубежными партнерами.

Сложным аспектом в практике МАК при ТПП РФ являются ограничения ответственности судовладельца по обязательствам его судна, т.к. содержание ст. 313 КТМ РФ сформирована очень неопределенно, и отсутствует ясное понимание, каким образом определяется ответственность судна и ограничивается ли она от ответственности его судовладельца. Подробно этот вопрос раскрывается в Лиссабонских правилах относительно компенсации от столкновения судов (Приняты 11.04.1987) [7], в которых такого рода разграничение установлено, однако, этот норматив имеет необязательный характер и применяется только при наличии соглашения сторон на его использование [15]. По рассматриваемым вопросам существует также Лондонская конвен-

ция об ограничении ответственности по морским требованиям (Лондон, 19.11.1976 г.) [6]. Однако РФ не присоединилась к этому соглашению.

Поскольку, морская перевозка, это, как правило, и международная перевозка одновременно, то при возникновении споров необходимо разрешать проблему выбора применимого права, т. е. коллизионный вопрос (коллизционную проблему). На международном уровне по этому поводу существует Международная конвенция о некоторых правилах, относящихся к гражданской юрисдикции по вопросу о столкновении судов (Заключена в г. Брюсселе 10.05.1952) [3]. Однако Россия не участвует и в этом соглашении, и отечественным участникам рассматриваемых отношений при выборе применимого права приходится полностью ориентироваться на ст. 420 КТМ РФ. Согласно ее содержанию, существует три варианта выбора применимого права. Во-первых, если столкновение судов произошло во внутренних морских водах и территориальном море, то применяются нормы права государства, к которому эти воды относятся, т.е. применяются коллизионный принцип *lex loci delicti commissi*. Во-вторых, в случае, если спор произошел в открытом море, то при передаче спора на рассмотрение в суд РФ применяется российское право. В-третьих, к столкновению судов под одним флагом применяется право этого государства (*lex flagi*).

При решении коллизионной проблемы по спорам в практике МАК при ТПП РФ, делается предпочтение к применению российского, а ранее советского, материального права. Такой выбор обосновывался, либо соглашением сторон, либо правом суда избирать применимый правопорядок. Например, в 1990 году, по иску немецкого капитана к Северному морскому пароходству МАК при ТПП РФ избрала применение права СССР, никак это не обосновав, и решив спор на его основе [13, с. 57].

Проблемным остается установление содержания норм иностранного права. Это особенно важно при установлении пределов ответственности виновного за столкновение судов. В настоящее время, по этому поводу, существует несколько базовых систем регулирующих отношения по возмещению вреда:

1. Французская, при реализации которой, в случае возмещении ущерба, потерпевший имеет право взыскания на любое имущество лица, причинившего вред в пределах своих требований. Однако виновное лицо может ограничить свою ответственность, использовав право абандона об отказе требований к страховщику и нести ответственность в пределах стоимости судна и фрахта.

2. Германская, в этой системе судовладелец отвечает за ущерб в пределах стоимости судна и цены фрахта, а в случае, если судно погибло, то ответственность исключается.

3. Английская, согласно которой ответственность наступает независимо от стоимости судна, а ущерб исчисляется по формуле: 1000 франков на нетто-регистрационный тоннаж судна [10, с. 52].

Российское право, как уже было упомянуто выше, не содержит точных пределов ответственности судовладельца при столкновении, тем не менее,

отечественный правоприменитель придерживается концепции полного возмещения вреда.

Полагаем, что такой подход демонстрирует готовность российского торгового флота нести полную ответственность за причиненные убытки. По нашему мнению, и учитывая, что в состав убытков может быть включен, и реальный ущерб, и потерянный фрахт, и ремонтные расходы, и сюрвайзерский осмотр, и простой судна в порту, и ущерб грузу, и здоровью экипажа и иных лиц и т.п., то рациональнее было бы придерживаться ответственности, ограниченной стоимостью судна и фрахта. В случаях же, если будет доказано, что виновник действовал умышленно или небрежно, то может быть наложена дополнительная ответственность.

Не смотря на широкий спектр международных соглашений в области морского судоходства, приходится согласиться с мнением, что всеобщей унификации в этой области в целом, и конкретно по вопросам ответственности за правонарушения добиться мировому сообществу так и не удалось. Так, С. А. Гуреев указывает, что такие морские гиганты как США и Россия не участвуют в ряде международных конвенций [11, с. 122].

В связи с чем, возникает несколько правовых проблем в вопросах ответственности при столкновении судов из разных стран. Во-первых, разные подходы в вопросах исчисления причиненного ущерба, что обуславливается традициями национальных правовых порядков. Во-вторых, отсутствие единого понятийного аппарата, и по другим вопросам (например, определения вины и виновных лиц), что приводит к проблеме скрытых коллизий и конфликта квалификации. В-третьих, эти причины создают возможность злоупотреблений со стороны национальных арбитражей к использованию своего национального права.

Для решения перечисленной проблематики необходимо, на наш взгляд, стимулировать государства к созданию и принятию единого унифицированного соглашения, разрешающего перечисленные вопросы. Одним из способов в этой части, может быть использование единообразных соглашений (проформ) договора морской перевозки грузов, применение которых должно стать обычной практикой. Такой подход, на наш взгляд, позволит сторонам избежать коллизионной проблемы и различий в толковании применяемых норм. Однако, в современный период обострения политического противостояния между государствами и явного кризиса международного права, как общественного института, перечисленные меры и их реализация отодвигаются в очень далекое будущее.

Библиографический список

1. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2207.

2. Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) // Сборник действующих до-

говоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IV. Изд. второе. М., 1936. С. 82 – 85.

3. Международная конвенция о некоторых правилах, относящихся к гражданской юрисдикции по вопросу о столкновении судов (Заключена в г. Брюсселе 10.05.1952). Россия не участвует. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. II. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1973. С. 201 – 206.

4. Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море (COLREG) (Лондон, 20 октября 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. – М., 1979. С. 435 – 461.

5. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС/SOLAS) (Заключена в г. Лондоне 01.11.1974) (ред. от 24.05.2018) // Бюллетень международных договоров. 2011 (приложение № 1, ч. 1). С. 3 – 211.

6. Конвенция об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. (LLMC) (Заключена в г. Лондоне 19.11.1976) (с изм. от 02.05.1996) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 5. С. 5 – 15.

7. Лиссабонские правила относительно компенсации от столкновения судов (Приняты 11.04.1987). URL: <https://base.garant.ru/401436510/> (дата обращения: 15.05.2022).

8. Общие положения об установлении путей движения судов: (Приняты на 14-й сес. Ассамблеи ИМО, резолюция А. 572(14) от 20.11.85). URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001404959> (дата обращения: 15.05.2022).

9. Руководство по морскому метеорологическому обслуживанию (ВМО № 471). URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=5447 (дата обращения: 15.05.2022).

10. Бутакова Н. А. Столкновение судов в море: проблемы ответственности и подсудности // Управленческое консультирование. № 6. 2019. С. 50 – 53.

11. Гуреев С. А. Коллизионные проблемы морского права. М.: Международные отношения, 1972. С. 184.

12. Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 78 – 93.

13. Из практики Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. 1987–2005 годы / И. И. Барина, О. В. Кулистикова, С. Н. Лебедев и др.; под ред. С. Н. Лебедева, А. И. Лободы, Д. Б. Филимонова. М.: Статут, 2009. 520 с.

14. Поиск по базе данных MarineTraffic. URL: <https://www.marinetraffic.com/ru/ais/index/search/all> (дата обращения: 15.05.2022).

15. Решение от 21 января 2020 г. по делу № А51–13802/2018. // Арбитражный суд Приморского края (АС Приморского края). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/54wOJ90z8Hri/> (дата обращения: 15.05.2022).

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА
ПО УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Давлатзода Х. М., капитан милиции Республики Таджикистан,
адъюнкт 2-го курса адъюнктуры

Научный руководитель: Аширбекова М. Т., доктор юридических наук,
профессор
Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

Аннотация. В статье проанализированы нормы УПК РТ в части определения процессуального статуса гражданского истца. Отмечается, что действующие нормы УПК РТ относят гражданского истца к стороне обвинения, а гражданского ответчика к отдельной группе субъектов, защищающих свои законные интересы вне связи с фактическими обстоятельствами, составляющими существо обвинения. Такой юридико-технический прием не выглядит логичным, поскольку гражданский истец и гражданский ответчик – стороны в гражданско-правовом отношении (деликтном обязательстве), возникающем одновременно с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными отношениями в связи с вредом, причиненным преступлением.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, обвинение, защита интересов.

**QUESTION ABOUT THE FUNCTIONS OF A CIVIL CLAIMANT UNDER
THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN**

Davlatzoda H. M., Captain of militia of the Republic of Tajikistan,
2nd Post-graduate of Postgraduate faculty

Supervisor: Ashirbekova M. T., PhD in Law, Professor
Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article examines the provisions of Tajikistan's Criminal procedure Code in defining the procedural status of a civil plaintiff. It should be noted that the current norms of the Republic of Tajikistan's Criminal procedure Code refer the civil plaintiff to the prosecution's side, and the civil defendant to a separate group of subjects defending their legitimate interests, regardless of the actual circumstances that constitute the essence of the charge. Such a legal and technical technique does not appear to be logical, given that the civil plaintiff and civil defendant are parties to a civil law relationship (tort obligation) that arises concurrently with criminal law and criminal procedure relationships in connection with the harm caused by a crime.

Keywords: victim, civil plaintiff, civil defendant, prosecution, protection of interests.

Как известно, четкая регламентация процессуально-правового статуса частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, является базовым условием для защиты их прав и законных интересов. Данное положение распространяется и на гражданского истца в уголовном процессе, поскольку предполагает определенность его статуса, включая комплекс гарантий для реализации им всех правовых возможностей, которые позволили бы ему действовать в соответствии со своими интересами и целями.

Между тем в настоящее время преждевременно утверждать, что по УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) есть определенность процессуального статуса гражданского истца с точки зрения цели и направленности его участия в уголовном деле, то есть реализуемой им функции. Нельзя не признать, что характер функции выявляет роль субъекта уголовного процесса и, соответственно, влияет на определение его процессуального статуса.

Но для уяснения характера такой функции, безусловно, следует обратиться к самому понятию гражданского истца в уголовном процессе. В науке уголовно-процессуального права устоялось понимание гражданского истца как физического или юридического лица, которому в результате совершения преступления причинен имущественный ущерб, и которое предъявило требование о его возмещении [1]. Такое понимание гражданского истца вытекает из смысла норм ст. 44 УПК РТ и ст. 44 УПК Российской Федерации (далее – УПК РФ). При этом названные кодексы относят гражданского истца, как и потерпевшего, к стороне обвинения, исходя из того, что эти субъекты выполняют функцию обвинения (п. 21 ст. 6 УПК РТ; п. 47 ст. 5 УПК РФ). В связи с этим интерес представляет вопрос о том, является ли на самом деле функция обвинения определяющей для процессуального статуса гражданского истца.

Заметим, что понятие функции в уголовном процессе используется в ст. 20 УПК РТ и ст. 15 УПК РФ: оно приводится в контексте установления принципа состязательности сторон, проявляемого в наличии трех основных функций:

- обвинения;
- защиты;
- разрешения уголовного дела.

Можно отметить, что в науке уголовно-процессуального права по вопросу определения сущности функции гражданского истца имеются разногласия.

М. С. Строгович в свое время отмечал, что «выполняемая гражданским истцом в уголовном процессе функция носит не уголовно-процессуальный характер, а гражданско-процессуальный; его деятельность ограничивается выдвижением требования о возмещении причиненного ему ущерба, в связи с чем гражданский истец реализует свои процессуальные права, связанные исключительно с гражданским иском» [5, с. 138].

А. Г. Мазалов тоже подчеркивает, что гражданский истец, «поддерживая гражданский иск, выполняет особую функцию, присоединяясь к обвинителю и составляя с ним одну сторону – сторону обвинения» [6, с. 8].

По мнению Ф. Н. Фаткуллина, отнесение гражданского истца к стороне обвинения неприемлемо, поскольку он непосредственного участия в осуществлении обвинения не принимает, так как его задача заключается лишь в том, чтобы доказать причинение ему вреда, его интерес сводится прежде всего к гражданско-правовой ответственности гражданского ответчика, а не к уголовной ответственности обвиняемого. Кроме того, Ф. Н. Фаткуллин считал, что даже в тех случаях, когда интерес гражданского истца сводится исключительно к гражданско-правовой ответственности гражданского ответчика, ему (т.е. истцу) приходится ради удовлетворения этого интереса содействовать обвинению, вносить свой вклад в реализацию обвинительной функции, ибо «крах» обвинения неизбежно влечет за собой констатацию несостоятельности гражданско-правовых претензий истца [7, с. 33].

Сходного мнения придерживается М. Т. Аширбекова, полагая, что обеспечение частного интереса гражданского истца «объективно связано с установлением события преступления как юридического факта, т.е. действий лиц, которыми независимо от их вины в уголовно-правовом смысле, причиняется имущественный и моральный вред лицу... Гражданско-правовые нарушения – основания только для гражданско-правовой ответственности, но не для уголовной ответственности» [2, с. 177].

Все приведенные выше суждения о функции гражданского истца, видимо, могут быть выражены в общем выводе о том, что гражданский истец стоит на позиции обвинения «не напрямую», как органы предварительного расследования (следователь, прокурор), а в силу необходимости достижения своего законного интереса – возмещения вреда, причиненного ему преступлением [3, с. 102]. Но полагаем, что при этом нельзя упускать из вида то, что гражданский истец, как, впрочем, и гражданский ответчик относится к группе лиц, обладающих в уголовном процессе личными материально-правовыми и процессуальными интересами [4, с. 4].

Действительно, гражданский истец в материально-правом смысле – лицо, которому вред причинен непосредственно преступлением (ч. 1 ст. 44 УПК РТ, ст. 44 УПК РФ). А раз так, то это лицо одновременно является и потерпевшим. Значит, указанный материально-правой признак – общий и для гражданского истца, и для потерпевшего. По общему правилу, если потерпевший не выдвинет искового требования, то он не обретет статуса гражданского истца. Так или иначе, видится, что более оправдано говорить о совмещении в лице гражданского истца двух функций – обвинения и защиты прав и законных интересов, нарушенных преступлением.

Именно функция защиты прав и законных интересов, нарушенных преступлением, определяется для гражданского истца в уголовно-процессуальных кодексах некоторых стран Содружества независимых государств (далее – СНГ). Например, в УПК Республики Кыргызстан регламентация прав и обязанностей гражданского истца содержится в гл. 6, называемой «Участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы». В УПК Республики Туркменистан нормативные положения о гражданском истце размещены в гл. 9 «Участники процесса, защищающие

свои или представляемые права и интересы», что также подчеркивает отстраненность гражданского истца от функции обвинения. Аналогичный подход демонстрируется в гл. 9 УПК Республики Казахстан и гл. 5 УПК Республики Узбекистан: гражданский истец упоминается в числе участников, отстаивающих в уголовном процессе свои интересы. Из смысла перечисленных нормативных положений следует, что гражданский истец не отнесен к стороне обвинения.

Надо сказать, что УПК РТ также оперирует понятием «защита интересов», это следует из его гл. 6 «Участники уголовного процесса, защищающие свои или представительские права и интересы». Но гражданский истец к этой группе участников не отнесен, а вот гражданский ответчик – да. Представляется, что это не логично, так как гражданский истец и гражданский ответчик – стороны одного гражданско-правового спора, предмет и основания которого связаны с существом обвинения только в части вреда, причиненного лицу преступлением; они – стороны гражданско-правового отношения (деликтного обязательства). Как уже отмечалось, по УПК РТ гражданский истец отнесен к стороне обвинения. Его процессуальный статус определен в главе 5 УПК РТ, именуемой «Участники уголовного процесса, осуществляющие уголовное преследование».

Такой подход к законодательному регулированию не учитывает того, что для гражданского истца осуществление уголовного преследования не исчерпывает всех его функций, поскольку он заинтересован в возмещении вреда, причиненного преступлением. По этой причине, полагаем, можно вести речь о том, что гражданский истец совмещает эти функции, то есть обвинение и защиту законных интересов.

В этом свете обоснованной представляется позиция В. М. Савицкого, который утверждал, что гражданский истец, являясь обвинителем, как и потерпевший, также стремится к тому, чтобы подсудимый был признан виновным и наказан. Но при этом его основной интерес заключается в том, чтобы обосновать заявленный им иск для того, чтобы он был удовлетворен судом. Само же обоснование иска сводится, по существу, к доказыванию действий, образующих состав преступления, вмененного подсудимому, и в этом смысле – к обвинению [8, с. 29].

Исходя из этого, думается, что для гражданского истца кроме функции обвинения свойственна особая функция – поддержание гражданского иска, как вид процессуальной деятельности, направленной на защиту имущественных интересов, нарушенных преступлением.

Обращаем внимание, что ни в названии глав 5 и 6 УПК РТ, ни в их содержании не используется понятие «стороны». В то же время смысл включенных в них нормативных положений свидетельствует о том, что речь идет именно о противоборствующих сторонах, а не об отдельных группах субъектов, не связанных с существом обвинения, а значит необходимостью либо обвинять и, соответственно, защищаться от обвинения, либо же выдвигать гражданский иск и защищаться от гражданского иска.

Учитывая, что поддержание гражданского иска все же отличается от обвинения по отраслевой природе материально-правовых оснований, и в большей мере является инструментом защиты имущественных интересов и неимущественных прав лица, полагаем, что гражданский истец должен пониматься как носитель функции обвинения (это неизбежно, так как действия обвиняемого причиняется вред, и эти действия могут получить и уголовно-правовую, и гражданско-правовую оценку), и функции защиты имущественных интересов и нематериальных благ.

В этой связи, думается, что необходимо выделить отдельную главу в УПК РТ, а именно, гл. 6.1, назвав ее «Гражданский иск в уголовном процессе», в которой, кроме прочих статей, связанных с гражданским иском, разместить статьи, посвященные гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям. Это будет подчеркивать особенность функций названных субъектов.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 23.12.2021) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 815, ст. 816; Закон РТ от 23.12.2021. № 1811.

2. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2009. 483 с.

3. Куватпеков К. Б. Гражданский иск в уголовном процессе: по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2014. 274 с.

4. Кравцова С. В. Уголовно-процессуальный статус гражданского истца и гражданского ответчика на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2003. 175 с.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН ССР, 1968. Т. 1. 470 с.

6. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. Мазалов. М.: Юрид. лит., 1977. 176 с.

7. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казанского университета, 1965. 532 с.

8. Савицкий В. М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В. М. Савицкий, И. И. Петеружа. М.: Госюриздат, 1963. 169 с.

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ УЧРЕДИТЕЛЯ ИСКЛЮЧЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВНЕ РАМОК ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ**

Комилжонов Р. И., студент 4 курса юридического факультета
Научный руководитель: Грудинин Н. С., кандидат юридических наук,
доцент

Институт технологий управления МИРЭА –
Российский технологический университет, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу оснований и критериев для привлечения учредителя исключенного юридического лица к субсидиарной ответственности по обязательствам хозяйственного общества вне процедуры несостоятельности (банкротства). В результате исследования автор приходит к выводу о том, что учредитель исключенного из реестра юридических лиц общества не может привлекаться к субсидиарной ответственности, если заинтересованное лицо не в состоянии доказать факт наличия необходимого состава и убедить суд отсутствию обратного.

Ключевые слова: юридическое лицо, учредитель, исключение из реестра юридических лиц, субсидиарная ответственность, обязательство.

**ATTRACTING A FOUNDER EXCLUDED LEGAL ENTITY
TO SUBSIDIARY LIABILITY OUTSIDE THE SCOPE
OF THE BANKRUPTCY CASE**

Komilzhonov R. I., 4th year student of the Faculty of Law
Supervisor: Grudin N. S., PhD in Law, Associate Professor
Institute of Management Technologies MIREA –
Russian Technological University, Moscow

Abstract. The article is devoted to the analysis of the grounds and criteria for bringing the founder of an excluded legal entity to subsidiary liability for the obligations of a business company outside the insolvency (bankruptcy) procedure. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the founder of a company excluded from the register of legal entities cannot be held vicariously liable if the interested person is unable to prove the existence of the necessary composition and convince the court of the absence of the opposite.

Keywords: legal entity, founder, exclusion from the register of legal entities, subsidiary liability, obligation.

Привлечение учредителя юридического лица к субсидиарной ответственности по обязательствам общества в настоящее время является одним из

наиболее эффективных инструментов взыскания денежных средств с недобросовестного участника гражданского оборота.

Наибольшую распространенность в силу своей специфики и исторического развития институт субсидиарной ответственности учредителя должника получил в рамках рассмотрения судами обособленных споров в делах о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц в порядке, предусмотренном главой III.2. Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Между тем следует обратить внимание на то обстоятельство, что судьба хозяйственного общества и разрешение вопроса о его ликвидации не всегда являются предметом рассмотрения в рамках процедуры банкротства.

Достаточно часто возникает ситуация, когда общество исключается из единого государственного реестра юридических лиц (далее – реестр) в принудительном порядке по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Федерального закона от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации).

В связи с этим контрагент исключенного юридического лица не всегда имеет возможность инициировать процедуру банкротства должника с целью недопущения растраты и сокрытия им своих ликвидных активов и реального получения хоть какого-либо имущественного возмещения.

Потому особую актуальность приобрел институт привлечения учредителя исключенного из реестра юридического лица к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве [9, с. 620].

Исследуемый институт нормативно закреплен в пункте 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО).

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц как мера гражданско-правовой ответственности имеет своей целью защиту прав и законных интересов кредиторов, направленных на восстановление их имущественного положения.

В целом по рассматриваемой категории дел действует презумпция невиновности учредителя. По этой причине именно кредитор обязан доказать то обстоятельство, что образование задолженности стало возможным лишь по вине учредителя должника. Кредитору следует надлежащим образом убедить суд в том, что состояние контрагента, при котором он неспособен исполнить свои обязательства, возникло в результате недобросовестных и (или) неразумных действий его учредителя [3].

Следует обратить внимание на то, что наличие вступившего в законную силу судебного акта, который подтверждает наличие долга юридического лица перед контрагентом, само по себе не означает, что учредитель такого хозяйственного общества действовал виновно, неразумно и недобросовестно, аккумулируя и не погашая задолженность.

При реализации субсидиарной ответственности любого участника юридического лица, включая учредителя, действуют общие положения граждан-

данско-правовой ответственности. Соответственно, для привлечения к данному виду ответственности обязательно наличие всех структурных элементов деликта, а именно: противоправное поведение, причиненный вред, причинно-следственная связь между ними и вина привлекаемого лица. Уточнением этого положения является позиция, согласно которой образовавшиеся в связи с исключением общества-должника из реестра убытки его кредиторов, недобросовестность и (или) неразумность действий контролирующих общество лиц при осуществлении принадлежащих им прав и исполнении обязанностей в отношении управляемого им юридического лица, причинная связь между указанными обстоятельствами, а также вина таких лиц образуют необходимую совокупность условий, состав для привлечения их к субсидиарной ответственности [8].

Отдельного упоминания заслуживает жесткая и последовательная позиция Верховного суд РФ, согласно которой само по себе наличие статуса контролирующего лица не является основанием для привлечения такого участника общества к субсидиарной ответственности [4].

В целях привлечения учредителя хозяйственного общества, исключенного из реестра, к субсидиарной ответственности, заинтересованное лицо должно доказать то, что этот учредитель системно принимал ключевые деловые решения с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласовывал, заключал и одобрял сделки на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.). Кроме того, истцу следует убедить суд в том, что именно учредитель контрагента давал указания по поводу совершения явно убыточных операций, создавал и поддерживал такую систему управления, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред хозяйственному обществу и его кредиторам, а также совершал сделки по выводу активов юридического лица.

Субсидиарная ответственность перед внешними кредиторами наступает не за сам факт неисполнения (невозможности исполнения) обществом обязательства, а в ситуации, когда неспособность удовлетворить требования кредитора наступила не в связи с рыночными факторами, при этом действия, повлекшие негативные последствия на стороне общества, выходили за пределы обычного делового риска [1].

Исходя из этого, любое сомнение в добросовестности действий привлекаемого к ответственности учредителя должно толковаться в его пользу, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой конкретных прямых доказательств подтверждать отсутствие намерений погасить задолженность перед кредиторами.

Из вышесказанного следует, что презумпции и особенности распределения бремени доказывания, имеющие место в банкротном процессе, не могут быть применены по аналогии в судопроизводстве вне рамок дела о банкротстве.

Часто суды отказывают в привлечении учредителя исключенного юридического лица к субсидиарной ответственности по его обязательствам со ссылкой на то, что истец по данной категории дел не предпринял своевременно соответствующие меры, которые могли предупредить исключение общества-должника из реестра. Суды указывают, что несовершение заинтересованным лицом действий по предотвращению ликвидации юридического лица путем подачи в регистрирующий орган заявления в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 21.1 Закона о государственной регистрации, является убедительным доказательством, обосновывающим невозможность привлечения учредителя общества к субсидиарной ответственности [7].

Между тем, указанные действия истца в деле о привлечении учредителя к субсидиарной ответственности, могут создать предпосылки для инициирования им в дальнейшем процедуры банкротства в отношении контрагента-должника. Во всяком случае, решение о предстоящем исключении, в силу абзаца 2 пункта 2 статьи 21.1 Закона о государственной регистрации, не принимается при наличии у регистрирующего органа сведений о возбуждении производства по делу о банкротстве юридического лица, о проводимых в отношении юридического лица процедурах, применяемых в деле о банкротстве.

По мнению Конституционного суда РФ, изложенном в Постановлении № 20-П от 21 мая 2021 г., защита делового решения, принцип ограниченной ответственности и безусловно сопровождающие предпринимательскую деятельность имущественные риски являются серьезными факторами, которые действуют в пользу юридического лица, а потому его исключение из реестра не предполагает недобросовестность и неразумность действий участника, повлекших возникновение задолженности, и не является достаточным основанием для привлечения учредителя к субсидиарной ответственности по долгам общества.

Особый интерес вызывает вопрос применения субсидиарной ответственности к номинальному руководителю. Разрешая эту проблему, следует обратить внимание на то, что учредитель, не осуществляющий фактическое управление юридическим лицом, не утрачивает статус контролирующего лица, так как это не подразумевает утрату возможности оказывать влияние на деятельность должника и не освобождает учредителя от обязанности по обеспечению надлежащего управления обществом. Более того, суды высшей инстанции придерживаются позиции, что пассивное участие как форма бездействия является основанием для применения субсидиарной ответственности в случае, если у учредителя была возможность изменить экономическую ситуацию в хозяйственном обществе [6].

Тем не менее, автор полагает, что суд, рассматривающий дело, в любом случае должен принимать во внимание доводы «бездействующего» учредителя юридического лица, поскольку привлечение к ответственности только номинального участника должника нельзя признать инструментом, направленным на защиту интересов кредитора.

Ведь такой учредитель может не иметь достаточных финансовых и экономических преимуществ от деятельности возглавляемого им юридического лица, а, следовательно, взыскание с него денежных средств может противоречить принципу справедливости и приводить к фактической неисполнимости судебного акта.

Привлечение заведомо финансово необеспеченного руководителя должника к субсидиарной ответственности породит судебное постановление, реальность исполнения которого минимальна, что, по сути, является лишь имитацией судебной защиты, явно противоречащей задачам судопроизводства [2].

Таким образом, само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, непроведение банковских операций и расчетов в течение долгого времени), учитывая возможность судебного обжалования заинтересованным лицом действий регистрирующего органа и восстановления правоспособности исключенного субъекта, не является достаточным основанием для привлечения его учредителя к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Закона об ООО.

Подводя итог изложенному выше, необходимо отметить следующее. При рассмотрении такой категории дел, как привлечение учредителя исключенного юридического лица к субсидиарной ответственности суд должен исследовать и давать оценку не только заявленным кредитором требованиям и приведенным в обоснование требований доводам, но и исследовать и оценивать по существу приводимые ответчиком возражения, толкуя все сомнения в добросовестности действий привлекаемого к ответственности в его пользу.

Учредитель исключенного из реестра общества не может привлекаться к субсидиарной ответственности, если заинтересованное лицо не в состоянии доказать факт наличия необходимого состава и убедить суд в отсутствии обратного. Привлекаемое к ответственности лицо, в свою очередь, должно доказать, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по обычным условиям гражданского оборота и с учетом сопутствующих деятельности хозяйственного общества предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обязательств перед своими кредиторами.

Библиографический список

1. Обзор судебной практики по делам, рассмотренным Арбитражным судом Уральского округа в I квартале 2019 года // СПС Гарант (дата обращения: 08.05.2022).
2. Определение Верховного суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004 (2). URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/56be82a1-bac1-41a9-a716-21f73458cd71/197f52a9-b686-4b6b-8ab2-aa6e8e26d0df/A40-80460-2015_20181227_Opredelenie.pdf (дата обращения: 08.05.2022).

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 25 августа 2020 г. № 307-ЭС20-180. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25082020-n-307-es20-180-po-delu-n-a21-151242018/> (дата обращения: 08.05.2022).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 10 ноября 2021 г. № 305-ЭС19-14439 (3-8). URL: <https://base.garant.ru/403034128/> (дата обращения: 08.05.2022).

5. Определение Верховного суда РФ от 17 ноября 2021 г. № 305-ЭС17-7124(6). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402979792/> (дата обращения: 08.05.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 01 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 25.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11279/ (дата обращения: 08.05.2022).

7. Постановления Арбитражного суда Московского округа от 27 мая 2020 г. № Ф05-4876/2020 по делу № А40-109158/2019, от 03.07.2020 № Ф05-8455/2020 по делу № А40-47907/2019 (Определением ВС РФ от 30.10.2020 № 305-ЭС20-16451 отказано в передаче данного дела в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления), от 24.07.2020 № Ф05-9979/2020 по делу № А40-223154/2019 // СПС Гарант (дата обращения: 08.05.2022).

8. Постановление Конституционного суда РФ № 20-П от 21 мая 2021 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384805/ (дата обращения: 08.05.2022).

9. Чечель В. М., Коваленко Т.С. Проблемы привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 31. С. 619 – 626.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЛИКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кудряшов Д. В., студент 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Гаврилова А. М., кандидат юридических наук
Российский государственный университет правосудия, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам гражданско-правовой ответственности за экологические деликты. В результате проведенного исследования выявлено, что данному виду ответственности не уделено должного внимания наряду с глобальными экологическими проблемами современности.

Ключевые слова: деликты, экология, ответственность, убытки, возмещение вреда.

ENVIRONMENTAL OFFENSES AS GROUNDS FOR CIVIL LIABILITY

Kudryashov D. V., 2nd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Gavrilova A. M., PhD in Law
Russian State University of Justice, Moscow

Abstract. The article is devoted to the actual problems of civil liability for environmental torts. As a result of the conducted research, it was revealed that this type of responsibility is not given due attention along with the global environmental problems of our time.

Keywords: torts, ecology, liability, damage, compensation for damage.

Современную конъюнктуру развитых государств сложно представить без научно-технического прогресса. Постепенно, с каждым днем, строятся новые заводы, открываются промышленные фабрики, происходит вовлечение искусственного интеллекта в процесс производства, усиливается спрос на природные ресурсы. Все это порождает постепенное увеличение чрезмерных выбросов отходов недобросовестных производителей в окружающую среду, в связи с чем государству в лице уполномоченных органов необходимо тщательнее прорабатывать вопросы и уделять большее внимание проблемам экологии. Но кто же ответит за это?

Согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7 «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.03.2022), вред окружающей среде – негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

Статья 75 указанного Федерального закона устанавливает имущественную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность за

нарушения законодательства в области охраны окружающей среды. Говоря о дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, можно проследить тенденцию, что их целью является охрана законности и правопорядка, превенция совершения новых правонарушений или преступлений, а также применение отдельных санкций к правонарушителю. Главное отличие гражданско-правовой ответственности за совершение экологических правонарушений от иных вышеназванных видов ответственности состоит в том, что на правонарушителя возлагается обязанность возместить причиненный окружающей среде вред в полном объеме, которая выражается в восстановлении окружающей природы к максимально-первоначальному состоянию. Но часто невозможно определить размер вреда, причиненного окружающей среде, в связи с чем применение гражданско-правовой ответственности является размытым. Особым признаком также будет являться то, что гражданская ответственность может быть как самостоятельным видом, так и дополнять остальные виды ответственности в зависимости от нанесенного ущерба окружающей среде и (или) гражданам. Кроме того, непривлечение правонарушителя к одному из виду ответственности не снимает с него бремени несения обязанности по полному или частичному возмещению вреда окружающей среде, причиненного неправомерными действиями.

Как отмечает А. П. Анисимов, под юридической ответственностью за экологические правонарушения понимается правовое отношение между государством в лице специально уполномоченных органов и совершившим экологическое правонарушение лицом (физическим, должностным или юридическим), на которое возлагается обязанность претерпевать меры государственного принуждения в форме определенных лишений (личного, имущественного или организационного характера) за нарушение норм экологического законодательства [1, с. 428].

Наиболее полное понятие гражданско-правовой ответственности за экологические деликты дает М. М. Бринчук, который определяет ее как возложение на правонарушителя обязанности возместить потерпевшей стороне имущественный или моральный вред, причиненный в результате нарушения правовых экологических требований [3, с. 376].

Отсутствие легального закрепления указанного понятия в законодательстве порождает недопонимания и казусы, как применительно к гражданам и юридическим лицам, так и к правоприменителям.

2017 год в Российской Федерации законодательно признан годом экологии, в ходе которого проведены десятки тысяч различных мероприятий, направленных на охрану особо охраняемых природных территорий РФ, а также на сокращение выбросов загрязняющих веществ от предприятий. Во время проведения мероприятия «гектар за гектар», которая еще за год была регламентирована Лесным кодексом Российской Федерации, было восстановлено более 945 тыс. га. леса, что значительно превысило площадь вырубки, а также открыты особо охраняемые природные территории федерального значения, среди которых национальный парк «Сенгилеевские горы» в Улья-

новской области и природный заповедник «Восток Финского залива» в Ленинградской области [4].

В соответствии с п. 1 ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» субъектами гражданских правонарушений в области экологического законодательства являются юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов, и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, а также индивидуальные предприниматели и (или) юридические лица совместно с заказчиком, причинившие вред, сопряженный с изъятием компонентов природной среды обязаны возместить ущерб в полном объеме в соответствии с законодательством.

Если убытки были причинены какому-либо участнику природоресурсных отношений, не состоящему в договорных отношениях с причинителем вреда, то убытки также в полном объеме возмещаются на основании ст. 1064 и других статей гл. 59 ГК РФ. Такие ситуации возникают часто, например, при самовольном захвате чужого земельного участка, его порче, при разрушении гидротехнических сооружений, что приводит еще и к порче сельскохозяйственных угодий или гибели урожая и т.п. [2, с. 298]. Если причиненный вред нельзя возместить в натуре в полном объеме, то он восполняется в определенной части, в остальной части по решению суда происходит возмещение вреда в денежной форме.

Пунктом 2 статьи 1064 ГК РФ установлено, что субъект гражданско-правовой ответственности признается виновным в совершении деликта и обязан восполнить причиненный ущерб или же выплатить компенсацию даже при отсутствии непосредственной вины субъекта правоотношений. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда. Данные положения распространяются на граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, чья непосредственная деятельность связана с повышенной опасностью. В силу п. 1 ст. 1079 ГК РФ к источникам повышенной опасности, в частности, относятся: объекты использования атомной энергии, объекты космической инфраструктуры, объекты инфраструктуры воздушного транспорта, гидротехнические сооружения и прочие объекты, закрепленные в соответствующих кодексах и федеральных законах.

Одним из оснований освобождения от ответственности является причинение вреда вследствие непреодолимой силы, когда в силу чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств субъект гражданско-правовой ответственности не смог осуществить активных действий для предотвращения возникновения событий, повлекших за собой ущерб окружающей среде, либо же не смог воздержаться от пассивных действий, вследствие чего и произошли неблагоприятные события, повлекшие за собой причинение экологического вреда окружающей среде. Кроме того, основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности в области экологических правона-

рушений будет являться наличие одновременно двух условий: доказанность владельцем источника повышенной опасности выбытия источника из его обладания в результате противоправных действий третьих лиц и отсутствие вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника. В таких случаях ответственность за причиненный вред понесут лица, противоправно завладевшие источником.

Пункт 1 статьи 78 ФЗ «Об охране окружающей среде» предусматривает наличие такс и методик, по которым рассчитывается размер вреда, причиненного окружающей среде. Так, Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» (ред. от 18.12.2020), установлены таксы и методики для исчисления и определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2018 г. № 1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам» устанавливает таксы, по которым исчисляется размер ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам.

На практике возникают случаи, когда невозможно рассчитать убытки без специальных экспертиз и исследований. Решением Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020 с акционерного общества «Норильско-Таймырская энергетическая компания» в доходы федерального бюджета и муниципального образования – город Норильск взыскано 146 177 467 227 руб. 96 коп. вреда, причиненного окружающей среде в результате аварии на опасном производственном объекте «Топливное хозяйство ТЭЦ-3», в удовлетворении иска в остальной части отказано. В ходе судебных разбирательств были проведены технические расследования причин аварии, экспертизы безопасности, которые помогли оценить причиненный окружающей среде ущерб [7].

Но в судебной практике есть случаи, когда размер подлежащего возмещению вреда исчисляется по установленным таксам и методикам. Так, Решением Арбитражного суда Тульской области от 4 декабря 2019 г. по делу № А68-10062/2019, исковые требования Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) по Тульской области к муниципальному унитарному предприятию муниципального образования город Алексин «Водопроводно-канализационное хозяйство г. Алексин» о взыскании вреда, причиненного водному объекту – реке Мышега, вследствие нарушения водного законодательства, в размере 3 012 872 руб., удовлетворены в полном объеме [9].

Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2020 г. по делу № А58-194/2020, оставленным без изменениями судами апелляционной и кассационной инстанций, был удовлетворен иск Министерства экологии, природопользования и лесного хозяйства Республики Саха (Якутия) к обществу с ограниченной ответственностью «Горнодобывающая компания «Алдан» о взыскании с последнего 34 123 692 руб. в счет возмещения

вреда, причиненного водному объекту [8]. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 01 сентября 2021 г. обществу с ограниченной ответственностью «Горнодобывающая компания «Алдан» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, поскольку судами нижестоящих инстанций был установлен факт негативного воздействия на водный объект, произошедший по вине ответчика [5].

В соответствии со ст. 1082 ГК РФ, которая применима к рассматриваемым нами деликтам, у ответчика есть право выбора, направленное на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, заключающееся в возмещении вреда в натуре, путем предоставления аналогичного имущества взамен утраченного или компенсации причиненных убытков. Однако ответственное лицо не всегда может возместить причиненный вред в натуре, особенно если вред причинен невозобновимым исчерпаемым ресурсам. В таких случаях у лица, ответственного за причиненный вред, есть лишь возможность исполнять соответствующие обязанности, направленные на выплату штрафа, определенного судом. Также, согласно пункту 3 статьи 1083 ГК РФ, если правонарушителем является физическое лицо и истец заявляет слишком большие требования по иску, то суд вправе снизить размер возмещения вреда с учетом имущественного положения правонарушителя, если последний докажет, что причинил вред неумышленно.

Следует также иметь в виду, что в совершении гражданских деликтов в области экологии могут быть виновны сразу несколько лиц. В данном случае наступит солидарная ответственность, которая предполагает право требования как к нескольким правонарушителям одновременно, так и к одному из них, как в части, так и полностью. Данный вид ответственности правомерен лишь для тех правоотношений, когда два и более правонарушителя действовали совместно, либо имели общий умысел, направленный на причинение вреда окружающей среде. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» к солидарной ответственности могут быть привлечены заказчик, поручивший выполнение работ, которые причиняют вред окружающей среде, и подрядчик, фактически их выполнивший. Заказчик может быть освобожден от ответственности, если докажет, что подрядчик при выполнении работ вышел за пределы данного ему заказчиком задания [6]. Аналогичная ситуация с владельцами источников повышенной опасности.

Если же два и более лица действовали независимо друг от друга, не было совместного умысла на причинение вреда окружающей среде, то данные субъекты будут нести долевую ответственность, каждый из которых будет отвечать лишь в пределах причиненного вреда окружающей среде.

Проанализировав нормы права, судебную практику и текущую ситуацию в области гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения, можно увидеть печальную картину, связанную с постепенным истощением ресурсов государства, что в свою очередь, в дальнейшем может привести к глобальным проблемам человечества. Большое количество судебных дел оканчивается выплатой штрафов или денежной компенсацией причи-

ненного морального вреда, если истцом является гражданин. Выплатив по решению суда деньги за ущерб окружающей среде, лицо освобождается от выполнения иных обязанностей по восстановлению природы. Тем самым, материальные средства поступят в соответствующие бюджеты государства, но вред так и может остаться неустранимым. Полагаем, было бы эффективнее установить наряду с выплатой штрафа проведение обязательных мероприятий по восстановлению окружающей среды. На наш взгляд, такие меры ответственности оказались бы самыми действенными в современных реалиях.

Библиографический список

1. Анисимов А. П. Экологическое право России: учеб. для вузов / Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е.; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, ГОУ ВПО «Волгогр. академия гос. Службы», Науч.-исслед. ин-т соврем. права. Волгоград: Альянс, 2005 (ОАО Альянс Югполиграфиздат, ф-ка Офсет). 439 с.; 20 см.; ISBN 5-98659-008-2 (в пер.). 428 с.

2. Боголюбов С. А. Экологическое право [Текст]: Учебник для вузов / С. А. Боголюбов. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. XII, 434 с.; 22 см.; ISBN 5-89123-259-6. 298 с.

3. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Бринчук. 2-е изд., перераб. и допол. М.: Юристъ, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). 669 с.; 22 см. (Institutiones / Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т); ISBN 5-7975-0612-2 (в пер.). 376 с.

4. Год экологии положил начало «зеленым» переменам в России. URL:https://tass.ru/obschestvo/4843698?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 05.05.2022).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2021 года по делу № А58-194/2020. URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01092021-n-302-es21-14389-po-delu-n-a58-1942020/> (дата обращения: 05.05.2022).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

7. Решение Арбитражного суда Красноярского Края от 12 февраля 2021 года по делу № А33 27273/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527/bfba6895-1959-479a-a858-b1ffffa60b7c/A33-27273-2020_20210212_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.05.2022).

8. Решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2020 года по делу № А58-194/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J9oXk9qfDygw/> (дата обращения: 06.05.2022).

9. Решение Арбитражного суда Тульской области от 4 декабря 2019 года по делу № А68-10062/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IZVDTHFEuQNF/> (дата обращения: 05.05.2022).

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОДАВЦА И ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ТОВАРА, РАБОТЫ ИЛИ УСЛУГИ

Кузнецов Г. Д., студент 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Кратенко М. В., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье исследуются основания освобождения продавца и производителя от ответственности за вред, причиненный дефектной продукцией. Проводится сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта регулирования данных отношений. По итогам проведенного исследования предлагается включить в российское законодательство дополнительные основания освобождения от ответственности продавца, при условии, что у потерпевшего имеется возможность реализовать соответствующие требования в отношении производителя или импортера дефектной продукции.

Ключевые слова: потребитель, продавец, изготовитель, дефект, продукт.

THE GROUNDS FOR EXEMPTION OF THE SELLER AND MANUFACTURER FROM LIABILITY FOR HARM CAUSED BY THE DEFECTIVE GOODS, WORK OR SERVICE

Kuznetsov G. D., 3rd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Kratenko M. V., Candidate of Law
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. The article is devoted to the analysis of the grounds for exemption from liability of the seller and the manufacturer for the damage caused due to the presence of defects in the goods, services and work. Also, this article compares the domestic and foreign experience of regulating these grounds. As a result of the study, it was determined that the Russian legislator needs to expand the grounds for exemption from liability. It is proposed to add some points to the bases.

Keywords: consumer, seller, manufacturer, defect, product.

Под основаниями освобождения от ответственности понимаются такие обстоятельства, при наличии которых причинитель вреда может избежать ответственности. В настоящей статье исследуется ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг (§ 3 гл. 59 ГК РФ). Причинителями вреда в данном случае считаются: продавец, изготовитель товара или лицо, которое исполнило работу, оказало услугу, независимо от

предпринимательского статуса. С позиции действующего законодательства данные субъекты освобождаются от ответственности лишь в двух случаях:

1) Действие непреодолимой силы. В соответствии с пунктом 1.3 Положения о порядке освидетельствования Торгово-промышленной палатой РФ в качестве непреодолимой силы (форс-мажора) рассматриваются чрезвычайные, непредвиденные и непредотвратимые обстоятельства, возникшие в течение реализации договорных (контрактных) обязательств, которые нельзя было разумно ожидать при заключении договора (контракта), либо избежать или преодолеть, а также находящиеся вне контроля сторон такого договора (контракта) [2]. В соответствии с пунктом 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый при данных условиях характер [3]. Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. К числу указанных обстоятельств не могут быть отнесены действия третьих лиц (в том числе контрагентов) или обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства. В судебной практике по спорам о возмещении вреда, причиненного дефектной продукцией, ответчику крайне редко удается доказать наличие соответствующих обстоятельств.

2) Нарушение потребителем правил пользования товаром (работами, услугами) – при этом не только обычно принятых мер безопасности, но и специальных правил, установленных для данного товара (в случае, если потребитель был о них проинформирован). Потребитель должен умышленно игнорировать правила пользования товара или же относиться к ним с грубой неосторожностью, чтобы продавец или изготовитель были освобождены от ответственности. Например, истец обратился в суд с иском о расторжении договора купли-продажи. Истец приобрел у ответчика электрический умывальник и в процессе эксплуатации данного товара истцу в связи с неисправностью нагревателя от поражения электрическим током истцу был причинен вред здоровью. Из пояснений истца следует, что умывальник «он устанавливал самостоятельно, включив его в розетку электросети дома». Вместе с тем, согласно имеющемуся в материалах дела руководству по эксплуатации умывальника изготовителем обращается особое внимание на то, что заземление электронагревателя обязательно. Данное требование истцом при монтаже умывальника соблюдено не было, в связи с чем продавец товара был освобожден от ответственности за вред [4].

Информация должна быть ясна потребителю. Соответствующее обстоятельство подлежит доказыванию производителем или продавцом. Например, истица обратилась в суд с иском о расторжении договора купли-продажи пледа из искусственного меха на трикотажной основе, подушки и

наволочки. После начала использования товара у истца возникла аллергия. Товар был приобретен дистанционным способом. Судом установлено, что проводилась презентация изделий, на которой присутствовала истица. На проводимой презентации истице была предоставлена информация о товаре и его потребительских качествах в устной форме, а также путем ознакомления с разрешительной документацией и соответствующей информацией, что подтверждается договором-заказом: в п. 6 договора указано, что при заключении договора-заказа продавец предоставил заказчику полную информацию о свойствах изделий, условиях эксплуатации и ухода. С учетом изложенного суд пришел к выводу о том, что при заключении договора купли-продажи до истца доведена информация о составе и свойствах продаваемого товара. Материалы дела не содержат убедительных доказательств того, что вышеуказанное заболевание истица получила в результате использования товара [5].

Важной особенностью права на качество и безопасность товара (работы или услуги) является информированность покупателя о способах его использования. Допустим, гражданин приобрел перцовый баллончик. Продавец предупредил, что использовать баллончик необходимо исключительно на открытом пространстве, а распылять строго под определённым градусом. Если покупатель нарушит данные правила и нанесет вред своему здоровью, продавец и изготовитель также не будут нести ответственность за причиненный вред.

3) Еще одним основанием освобождения от ответственности является умысел потерпевшего на причинение вреда (ст. 1083 ГК РФ). Это основание является общим для деликтных обязательств, а указанные ранее основания являются специальными основаниями для освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров (работ и услуг) [1]. Например, истцы просят суд взыскать с ответчика ЗАО «Дом Сервис» в порядке регресса убытки, понесенные в результате затопления квартиры соседей, вследствие прорыва системы отопления. При этом истцы ссылаются на дефекты работ (услуг) ответчика по установке радиатора отопления. Однако в ходе рассмотрения дела было установлено, что нарушение целостности системы отопления было вызвано действиями самих истцов, по просьбе которых временно был снят радиатор. По их вине длительное время он не устанавливался, что нарушало безопасные условия эксплуатации системы отопления в квартире. Истец, при навешивании радиатора на крепежные крючки, допустил физическое воздействие, достаточное для нарушения целостности системы отопления, на ненадлежаще используемую конструкцию металлопластиковых труб. У истцов не было претензий по работе системы отопления после установки радиатора. Поэтому суд отклонил требования истцов.

Дополнительно к известным российскому праву основаниям освобождения от ответственности в Директиве 85/374/ЕЕС о сближении законов, нормативных актов и административных положений государств-членов об ответственности за дефектную продукцию, ГК Франции и Законе Индии «О защите потребителей» (Consumer Protection Act, 2019) предусмотрены следующие основания освобождения производителя от ответственности:

- Дефект, вызвавший повреждение, не существовал в то время, когда продукт был введен в обращение, или данный дефект возник впоследствии;
- Дефект обусловлен соответствием изделия обязательным нормативным актам, изданным государственными органами (Например, Кассационный суд Франции, исследуя жалобу ответчика, указал, что Апелляционный суд не изучил довод, связанный с соблюдением законодательства, поэтому дело необходимо вернуть для устранения допущенных ошибок) [6];
- Состояние научно-технических знаний в то время, когда товар был введен в оборот, не позволяло обнаружить наличие дефекта (Например, Кассационный суд Франции, разрешая вопрос, связанный с побочным эффектом лекарства и нанесением вреда здоровью гражданке (у нее возникли проблемы со здоровьем из-за приема таблеток) указал, что Апелляционный суд, нарушая процессуальные нормы, не исследовал доказательства ответчика, связанные со ссылкой на данное основание освобождения от ответственности) [7];
- Производитель не поставлял продукт (то есть продукт был приобретен в другой стране и такой продукт во Франции не продается);
- Продукт является компонентом другого продукта и покупателю был причинен вред здоровью дефектом именно конечного продукта;
- Использование продукта под воздействием алкоголя или любого отпускаемого по рецепту лекарства, которое не было прописано практикующим врачом.

Таким образом, производитель не отвечает за дефекты, которые не могли быть выявлены, либо вызваны необходимостью соблюдения обязательных требований. Представляется, что вышеуказанные основания освобождения от ответственности является логичными – производитель отвечает лишь за то, что находится в его компетенции, и на что он может повлиять в процессе производства товара.

Кроме того, в соответствии с Законом Индии «О защите потребителей» производитель товара не отвечает в том случае, если не проинформировал потребителя об опасности, которая очевидна или является общеизвестной пользователям – о которой потребитель должен был знать, принимая во внимание характеристики продукта. Данное основание является не бесспорным, поскольку понятие «общеизвестного» факта является весьма оценочным.

Подводя итог, необходимо отметить, что законодательство стран ЕС, включая Францию, равно как и законодательство Индии содержит большее количество оснований освобождения от ответственности изготовителя и продавца товара, чем российское. Это может быть связано с желанием установить баланс между правом потребителя на безопасность продукции и свободой предпринимательской деятельности, исключить ответственность для изготовителя в тех случаях, когда он объективно не мог изменить процесс производства товара. Данный подход представляется правильным, ведь лицо обязано нести ответственность только при возможности объективно повлиять на устранение недостатков товара, услуги или работы. Если же лицо не может никаким образом оказать влияние на устранение недостатков, то и бремя

ответственности не должно ложиться на него. Данные основания освобождения от ответственности тем более уместны в отношении продавца, который вообще не имеет отношения к производству товара и часто не имеет технических возможностей для выявления дефектов товаров в ходе их предпродажной подготовки. В соответствии с п. 86 Индийского закона «О защите прав потребителей» продавец товара, который не является его изготовителем, отвечает за вред лишь в ограниченном числе случаев (если он изменил или переделал товар, и это изменение стало существенным фактором в причинении вреда; если он выдал свою собственную гарантию безопасности на товар; если он осуществлял существенный контроль за производством товара, например, товар изготавливался под определенную торговую сеть и с учетом её пожеланий). Как было указано ранее, данная формулировка закона позволяет соблюсти баланс интересов и освободить продавца от ответственности в том случае, когда он никак не мог повлиять на качество товара.

Полагаю, что российское законодательство может быть дополнено положениями об освобождении продавца от ответственности по указанным ниже основаниям, при условии, что потребитель имеет возможность взыскать причиненный вред с изготовителя или импортера дефектного товара:

- если дефект обусловлен соответствием изделия обязательным нормативным актам, изданным государственными органами;
- если состояние научно-технических знаний в то время, когда товар был введен в оборот, не позволяло обнаружить наличие дефекта.

Библиографический список

1. Зуева М. В., Климович А. В., Корнеева О. В., Мережкина М. С., Томтосов А. А. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая). URL: <https://base.garant.ru/57282402/> (дата обращения: 01.05.2022).

2. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (ред. от 26.01.2022) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23 декабря 2015 г. № 173-14). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192640/ (дата обращения: 01.05.2022).

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 01.05.2022).

4. Решение Октябрьского районного суда г. Томска от 16 июня 2015 г. по делу № 2-867/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sZnbRkNvbnd9/?regular-txt=®ular-case_doc=2-867%2F2015®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1072®ular-

court=%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%D0%B3. +%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0+%28%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_=1667755393416 (дата обращения: 01.05.2022).

5. Решение Советского районного суда г. Иваново от 17 июля 2017 г. по делу № 2-735/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HnryMqPE655D/?regular-txt=®ular-case_doc=2-735%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1029®ular-court=%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%D0%B3. +%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE+%28%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_=1667755483082 (дата обращения: 01.05.2022).

6. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 27 novembre 2019, 18-16.537. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000041518650?fonds=JURI&page=1&pageSize=10&query=Ou+que+le+d%C3%A9faut+est+d%C3%BB+%C3%A0+la+conformit%C3%A9+du+produit+avec+des+r%C3%A8gles+imp%C3%A9ratives+d%27ordre+l%C3%A9gislatif+ou+r%C3%A9glementaire&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT (дата обращения: 01.05.2022).

7. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 27 juin 2018, 17-15.490. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000037196512?isAdvancedResult=&page=2&pageSize=10&query=Que+l%27%C3%A9tat+des+connaissances+scientifiques+et+techniques%2C+au+moment+o%C3%B9+il+a+mis+le+produit+en+circulation%2C+n%27a+pas+permis+de+d%C3%A9celer+l%27existence+du+d%C3%A9faut&searchField=ALL&searchProximity=&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT (дата обращения: 01.05.2022).

**УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ДЕЛИКТЕ,
ПРОИЗОШЕДШЕМ В РЕЗУЛЬТАТЕ СБОЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ**

Култаев В. А., аспирант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Губаева А. К., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербурга

Аннотация. Автор анализирует проблематику привлечения публичных органов и должностных лиц к деликтной ответственности в случае причинения вреда физическим и юридическим лицам в результате сбоев информационных систем, администрируемых публичной стороной. В таких случаях непосредственный причинитель вреда нередко действует с субъективной добросовестностью, что создает трудности для доказывания состава публичного деликта. В работе представлены пути развития отечественного законодательства и судебной практики для преодоления данных трудностей и обеспечения потерпевшим возможности получения справедливой компенсации за причиненный вред.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, публичный деликт, вина.

**DEFINING FAULT IN PUBLIC TORTS CAUSED BY FAILURE
OF INFORMATION SYSTEMS**

Kultaev V. A., 2th year PhD student of the Law Faculty
Supervisor: Gubaeva A. K., PhD in Law
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. Author reviews the problem of bringing public bodies and civil servants to tort liability in case of harm to individuals and legal entities as a result of failures of information systems administered by the public side. In such cases, the direct tortfeasor often acts with due care, which makes difficulties in proving all elements of a public tort. Article indicates development paths of domestic legislation and judicial practice to overcome such difficulties and provide victims with opportunities to receive fair compensation for suffered damage.

Keywords: tortious liability, public tort, fault.

Согласно ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного

самоуправления, подлежит возмещению. При этом согласно Определению Конституционного Суда РФ от 4 июня 2009 г. № 1005-О-О по своей юридической природе обязательства, возникающие в силу применения норм гражданско-правового института возмещения вреда, причиненного актами органов власти или их должностных лиц, представляют собой правовую форму реализации гражданско-правовой ответственности, к которой привлекается в соответствии с предписанием закона причинитель вреда (ст. 1064 ГК РФ). Применение данной нормы предполагает наличие как общих условий деликтной ответственности (наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя), так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий.

Необходимость доказывания истцом всех элементов деликта с учетом вертикальности отношений частных лиц с государством может создавать несправедливые трудности истцам по делам о привлечении публично-правовых образований к гражданско-правовой ответственности, в частности, в связи с причинением физическому или юридическому лицу вреда в результате ошибки какой-либо государственной информационной системы. Если должностное лицо приняло какое-либо решение, опираясь на сведения в информационной системе, но впоследствии выяснилась некорректность данных этой системы, то едва ли справедливо признавать вину непосредственно должностного лица, поскольку оно действовало с необходимой осмотрительностью. Следовательно, в такой ситуации отсутствует его вина.

Например, в одном из дел суд отказал заявителю во взыскании морального вреда в связи с действиями инспектора ДПС, который осуществил административное задержание гражданина, опираясь на данные в информационной системе ГИБДД, однако впоследствии выяснилось, что эти данные были некорректны и гражданин не должен был подвергаться административному задержанию. Суд мотивировал отказ тем, что инспектор ДПС, действуя в строго очерченных рамках дозволенного поведения, полагался на данные информационной системы и в данном случае отсутствует его вина.

С подобной логикой трудно не согласиться, однако права лица, которое было необоснованно задержано, также должны быть восстановлены. При персонифицированном подходе к определению вины этот казус является неразрешимым. Существует два принципиальных подхода к решению подобного казуса, первый заключается в реформировании понятия вины, её расширительном толковании, а второй в установлении безвиновной ответственности государства за нарушения публичных органов и должностных лиц. На настоящий момент в российской правоприменительной практике реализовываются оба подхода.

Конституционный суд РФ в Определении от 2 июля 2013 г. № 1049-О применительно к вышеназванному делу обозначает первое решение казуса: суды должны оценивать законность действий не только того должностного лица, которое непосредственно произвело административное задержание, но

и других должностных лиц, действия или бездействие которых обусловили применение данной принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Т.е. в данном случае должна вестись речь о вине государства, которое в данном случае репрезентует инспектор ДПС, а не о вине лично инспектора.

Как следует из п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», ответчиком по иску в порядке ст. 1069 ГК РФ является соответствующее публично-правовое образование, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в лице компетентного органа. А. Ю. Рыбалов применительно к выше приведенному делу с инспектором ДПС также отмечает, что поскольку с точки зрения законодательства инспектор ДПС не является самостоятельным участником гражданского оборота, должна устанавливаться вина не конкретного должностного лица, а того лица, которое и является ответчиком по иску, т.е. Российской Федерации [1, с. 109].

В случае, когда лицо взаимодействует с государством в лице должностного лица или публичного органа, и в результате такого взаимодействия лицо претерпевает вред, то при оценке наличия или отсутствия вины на стороне государства следует оценивать публичную сторону не в точке её соприкосновения с физическим или юридическим лицом, т.е. не оценивать должностное лицо на соответствие его необходимому стандарту поведения в момент реализации властных полномочий, а рассматривать весь процесс взаимодействия публичного органа с физическим или юридическим лицом целиком. Когда в результате определенной ошибки в организации работы публичного органа или должностного лица, т.е. недостатка, возникшего на публичной, а не частной стороне, частному лицу причиняется вред, действия ответчика по соответствующему иску должны признаваться виновными.

Такой подход к пониманию вины в публичном деликте называют организационной виной государства. Особенное развитие она получила во Франции, где судебная практика разработана концепцию *faute de service*, которая является особой формой административной вины, отличной от вины государственного служащего. При установлении организационной вины подлежит оценке качество работы государственного органа, а не деятельность отдельного госслужащего, оцениваются объективные факторы [4, с. 166].

В Российской Федерации такое понимание нашло отражение в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», согласно которому не могут рассматриваться как основания, оправдывающие превышение сроков исполнения исполнительных документов, обстоятельства, связанные с организацией работы структурного подразделения службы судебных приставов, например, отсутствие необходимого штата судебных приставов-

исполнителей, замена судебного пристава-исполнителя ввиду его болезни, отпуска, пребывания на учебе, нахождения в служебной командировке, прекращения или приостановления его полномочий. То есть организационные ошибки не могут исключать вину пристава при причинении вреда участнику исполнительного производства.

Например, существует проблема с поисковой информационной системой ФССП. Физические лица в ней идентифицируются по ФИО и дате рождения, этих данных недостаточно, чтобы надежно индивидуализировать физическое лицо, возможно найти лиц с одинаковым ФИО и датой рождения, что создает риски списания средств у полных тезок. В одном из таких дел суды отказали физическому лицу, у которого списали денежные средства вместо её полной тезки, в иске к ФССП о взыскании ущерба и компенсации морального вреда, со ссылкой на отсутствие вины пристава, поскольку информационная система выдала ему соответствующие данные, списывая средства, он действовал с субъективной добросовестностью. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в Определении от 12 июля 2021 г. № 5-КГ21-45-К2, 2-13238/2018 отменила акты нижестоящих судов со ссылкой на то, что ФССП и судебный пристав должен принимать исчерпывающие меры к недопущению подобных ситуаций, тот факт, что информационная система ФССП не позволяет избежать подобных ситуаций, не должен приводить к причинению вреда физическим и юридическим лицам.

Второй подход к решению казуса с размытием вины непосредственного причинителя вреда в публичном деликте заключается в установлении безвиновной ответственности за деликты государства, при которой вина не устанавливается вовсе. Если действиями публичного органа или должностного лица причинен неправомерный вред, то такой вред должен подлежать компенсации вне зависимости от вины конкретного причинителя вреда, действующего на стороне и от имени государства.

Долгое время считалось, что случаи безвиновной ответственности государства исчерпывающе описаны в ст. 1070 ГК РФ, в которой дан перечень случаев, когда вред, причиненный государственными служащими, подлежит возмещению вне зависимости от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом. Текст п. 1 ст. 1070 ГК РФ сформулирован таким образом, что создается впечатление исчерпывающего перечня мер, на которые она распространяется. Это следует из того, что в п. 2 названной статьи указано, что вред, причиненный в результате незаконной деятельности правоохранительных органов, не повлекшей последствий, предусмотренных п. 1 этой статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 ГК РФ, но такое впечатление ошибочно [2, с. 1417].

В действительности ст. 1070 ГК РФ содержит специальные казуальные правила возмещения вреда для особых случаев, не устанавливая при этом логических ограничений для безвиновной ответственности государства в иных, не описанных в данной статье случаях. Например, Верховный суд РФ в п. 19

Обзора практики судебной № 2 (2021) с опорой на Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П указывает, что расходы на оплату юридических услуг, понесенные лицом в связи с обжалованием постановления о привлечении его к административной ответственности, подлежат возмещению независимо от наличия вины должностного лица, вынесшего указанное постановление, и в том случае, если постановление было отменено за отсутствием события правонарушения во внесудебном порядке вышестоящим должностным лицом. Т.е. судебная практика назвала дополнительный случай безвиновной ответственности государства, который не именован в ст. 1070 ГК РФ. Следовательно, отечественный правопорядок готов к имплементации модели безвиновной ответственности при наличии необходимых условий.

Трудно сказать, какой из двух обозначенных подходов является более верным. Первый позволяет за счет поиска ошибок в системе государственного и муниципального управления исправлять такие ошибки по результатам судебных разбирательств. Второй за счет сниженного для истцов стандарта доказывания обеспечивает большую полноту судебной защиты, оживляет гражданский оборот большим числом судебным дел и, как следствие, позволяет большему числу лиц восстановить свои нарушенные права.

Однако следует отметить, что на практике суды не занимаются глубоким правовым анализом и де-факто не устанавливают элементы деликта, не дифференцируют вышеназванные подходы.

Так, в деле А12-12126/2018 общество попыталось взыскать убытки с контролирующего органа, отказавшего в выдаче обществу лицензии на продажу алкогольной продукции. Общество до подачи заявления на выдачу лицензии получило в ИФНС России справку об отсутствии задолженности по налогам и сборам, и приложило её к заявлению. Однако контролирующий орган в порядке межведомственного взаимодействия получил от ИФНС России ответ о наличии у общества несущественной задолженности (которая у общества действительно была) и отказал обществу в выдаче лицензии. При отказе в выдаче лицензии по такому основанию государственная пошлина за выдачу лицензии не возвращается. Общество обратилось в суд с иском к контролирующему органу с требованием о взыскании суммы уплаченной пошлины в качестве убытков на основании ст. ст. 16, 1069 ГК РФ. Суд апелляционной инстанции занял сторону контролирующего органа, указав на добросовестность его действий, поскольку его должностное лицо в точном соответствии с должностной инструкцией направило соответствующий запрос и на основании ответа вынесло решение. С таким подходом не согласились суды первой и кассационной инстанции, указав, что на дату получения обществом справки об отсутствии задолженности данные сведения у ИФНС России были, права общества были нарушены в момент выдачи некорректных сведений из информационной системы ИФНС России и на основании этого иск к контролирующему органу о взыскании суммы пошлины должен быть удовлетворен. По суще-

ству суды применили к контролирующему органу модель безвиновной ответственности, основанную на началах риска, поскольку фактическим причинителем вреда стала информационная система ИФНС России, за функционирование которой контролирующий орган не ответственен.

В Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 апреля 2019 г. № Ф01-1386/2019 по делу № А82-2472/2018 отражена идентичная позиция по делу со схожей фабулой (за тем исключением, что убытки взысканы с налогового органа), при этом содержательно суд также не отразил правовой анализ правоотношений, ограничившись оговоркой о том, что ненадлежащая организация документооборота не является основанием для освобождения налогового органа от ответственности. Дела с аналогичной фабулой и выводами судов найдены и в Постановлениях Кассационных судов других округов, в частности, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17 февраля 2022 г. № Ф05-4624/2021 по делу № А40-297033/2019, Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 сентября 2019 г. № Ф07-9343/2019 по делу № А26-9145/2018, Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23 ноября 2021 г. № Ф05-28193/2021 по делу № А40-285394/2019. Во-первых, следует отметить явствующую системную проблему межведомственного взаимодействия при решении вопросов получения или продления лицензий. Во-вторых, в данных делах суды фактически выбрали первый из ранее обозначенных подходов и привлекли налоговый орган к ответственности в связи с установлением его организационной вины.

Следует отметить, что практика, при которой суды однозначно разрешают рассматриваемые дела с определенной фабулой, носит в основном прецедентный характер. Сначала появляется прецедентное дело (в вышеназванной практике по лицензиям это дело А12-12126/2018) и верное решение отдельного типа споров пробивает себе дорогу, при этом дела той же природой спора, но из другой группы споров, с другой фабулой, разрешаются неоднородно, что создает основную практическую проблему. Согласно современным положениям о взаимоотношениях личности и государства, балансе публичных и частных интересов, у государства есть позитивная обязанность возмещать причиненный вред и выплачивать компенсацию физическим и юридическим лицам, даже если государство действовало правомерно и (или) без вины. Подобное требование позволяет восстановить нарушенные права частных лиц, способствует балансу частных и публичных интересов, соблюдению социальной справедливости в обществе [3, с. 31]. Поэтому наиболее важным является принципиальное движение судебной практики к неформалистскому подходу к разрешению выше обозначенных публичных деликтов, который обеспечит восстановление нарушенных прав с использованием любого из подходов: установлением организационной вины или имплементацией безвиновной ответственности публично-правовых образований.

Библиографический список

1. Рыбалов А. О. Еще раз об ответственности государства и его органов. Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ // Закон. 2013. № 12. С. 106 – 109.

2. Карапетов А. Г. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос. 2020. 1469 с.

3. Нешатаева Т. Н. Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: проблемы судебной практики // Закон. 2009. № 11. С. 29 – 42.

4. Duncan Fairgrieve and François Lichere. The liability of public authorities in France. *The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective*. Cambridge. Intersentia, 2016. P. 162 – 170.

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Кураев Д. Д., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: Канцер Ю. А., кандидат юридических наук
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В представленном исследовании раскрываются вопросы правового анализа противоправности применительно к деликтному обязательству арбитражного управляющего. На примере деятельности этого лица сделан вывод о необходимости понимания противоправности как поведения, нарушающего не только нормы гражданского права или условия договора, но и принципы и основные начала гражданского права. Предлагается включить в гражданское законодательство РФ норму, в которой было бы раскрыто содержание понятия «противоправность».

Ключевые слова: противоправность, деликтное обязательство, арбитражный управляющий, банкротство, добросовестность.

ILLEGALITY AS A CONDITION OF THE DELICT DUTY OF THE ARBITRATION INTENDANT

Kuraev D. D., 4th year student of the Faculty of Law

Supervisor: Kancer Y. A., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The presented study reveals the issues of legal analysis of illegality in relation to the tort obligation of the arbitration manager. On the example of the activity of this person, it is concluded that it is necessary to understand illegality as behavior that violates not only the norms of civil law or the terms of the contract, but also the principles and basic principles of civil law. It is proposed to include in the civil legislation of the Russian Federation a norm in which the content of the concept of illegality would be disclosed.

Keywords: illegality, tort obligation, arbitration intendant, bankruptcy, conscientiousness.

В науке гражданского права в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию понятия противоправности. Так, О. С. Иоффе под противоправностью понимал такое поведение, при котором поведение лица объективно не соответствует требованиям правовой нормы [3, с. 104].

Альтернативная позиция по рассматриваемому вопросу принадлежит В. П. Грибанову, который предлагал считать поведение противоправным не только тогда, когда нарушены нормы гражданского права, но и в тех случаях, когда лицом нарушаются принципы гражданского права [2, с. 326].

Действительно, согласно п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) лица, участвующие в гражданском обороте, должны руководствоваться принципами добросовестности при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей [1].

Одним из примеров ответственности за несоблюдение принципов гражданского права является злоупотребление правом.

В абз. 4 п. 3.4 Определения от 18.01.2011 № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» [7] Конституционный суд РФ указывает, что запрет на злоупотребление правом, установленный в ст. 10 ГК РФ, направлен на осуществление принципа, содержащегося в ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [4].

Кроме того, согласно правовой позиции Конституционного суда РФ критерием оценки правомерности субъектов гражданских правоотношений могут служить нормы, закрепляющие общие принципы гражданского права.

Таким образом, противоправным может признаваться не только то поведение, которое нарушает нормы гражданского права, но и то, которое нарушает принципы и общие начала гражданского права.

Такой подход к пониманию противоправности применим и в отношении деликтного обязательства арбитражного управляющего.

В соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [14] (далее – Закон о банкротстве) противоправное поведение арбитражного управляющего выражается в невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанностей, закрепленных в ст. ст. 20.3 и 129 Закона о банкротстве.

Кроме того, подобное поведение может выражаться в нарушении обязанности, зафиксированной в п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, согласно которой арбитражный управляющий при осуществлении процедур несостоятельности (банкротства) обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Однако, как отмечает Е. В. Мурашкина, противоправным поведением арбитражного управляющего может признаваться невыполнение условий договоров, обычаев делового оборота либо невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, содержащихся в разработанных стандартах и правилах профессиональной деятельности, устанавливаемых Правительством РФ и членами саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [5, с. 81].

Как известно противоправное поведение может выражаться в двух формах – действие или бездействие. Бездействие с точки зрения юриспруденции будет считаться противоправным в случае невыполнения лицом обязанностей, возложенных на него законом или договором, совершить определенные действия.

Одним из примеров противоправного бездействия арбитражного управляющего может считаться невыполнения обязанности, закрепленной в п. 2 ст. 20.4 Закона о банкротстве, которая предписывает арбитражному управляющему совершать действия по защите имущества должника.

Так, по конкретному делу, в период осуществления К. полномочий арбитражного управляющего общества-должника неустановленное лицо проникло в здание, принадлежащее должнику на праве собственности, и похитило имущество на сумму 114 500 руб.

Новоназначенный арбитражный управляющий общества-должника Ч. обратился в арбитражный суд с иском, указывая на непринятие К. мер по обеспечению сохранности имущества должника и причинение должнику убытков в размере 799 185 руб.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований Ч., суд апелляционной инстанции, в свою очередь, посчитал, что, удовлетворению подлежит лишь часть причиненных убытков, размер которых определен постановлением о возбуждении уголовного дела – 114 500 руб. [13].

Также противоправное поведение арбитражного управляющего в форме бездействия может выражаться в уклонении арбитражного управляющего от анализа финансового состояния общества-должника.

Например, налоговый орган направил в суд жалобу, в которой указал на бездействие арбитражного управляющего Т., выразившееся в ненадлежащем выполнении обязанностей по проведению анализа финансового состояния общества-должника и подготовке заключения о наличии либо отсутствии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства должника.

Суд первой инстанции признал действия арбитражного управляющего ненадлежащим выполнением обязанностей по оспариванию сделок должника и проведению финансового анализа. Суд апелляционной инстанции оставил решение нижестоящей инстанции в силе.

Суд кассационной инстанции также оставил в силе решения судов нижестоящих инстанций, ссылаясь на обязанность арбитражного управляющего, закрепленную в ст. 20.3 Закона о банкротстве, действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредитора и общества.

Более того, суд указал, что законодатель, наделяя арбитражного управляющего правом на оспаривание сделок должника и устанавливая годичный срок исковой давности по требованиям о признании сделок должника недействительными, не предполагает возможности принятия арбитражным управляющим произвольных и немотивированных решений по вопросу об оспаривании таких сделок должника [12].

Противоправное поведение арбитражного управляющего в форме действия может выражаться, к примеру, в осуществлении в противовес требованиям ст. 20.3 Закона о банкротстве неразумных и необоснованных расходах.

Так, по конкретному делу, суд признал ненадлежащим выполнением арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, выразившихся в необоснованной растрате денежных средств должника на оплату услуг специалистов, характер и объем, выполняемых ими услуг, а также обязанности,

которых невозможно определить, исходя из положений договоров, заключенных с привлеченными лицами.

Основываясь на положениях ст. 20.3 Закона о банкротстве, устанавливающим обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно, суд также отметил, что такой субъект, не выполняя требования ст. 20.7 Закона о банкротстве, не мог не сознавать противоправный характер своих действий и очевидно мог предвидеть последствия, вызванные предпринятыми им действиями [6].

Противоправное поведение арбитражного управляющего в форме действия также может доказываться вступившим в законную силу решением суда, признающим незаконными действия арбитражного управляющего.

По другому делу, истец З. обосновывал свои исковые требования о взыскании убытков в сумме 1 076 846 руб. 73 коп. с арбитражного управляющего Б. и страховой организацией, заключившей договор обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, наличием вступивших в законную силу судебных решений, по которым признано необоснованным действие арбитражного управляющего Б., выразившееся в заключение трудовых договоров с привлеченными специалистами.

Суды первой инстанции, а вместе с ним и суд апелляционной инстанции в удовлетворении заявленных требований отказали. Однако, суд кассационной инстанции отменил решения нижестоящих судов, указывая на то, что при осуществлении процедур банкротства арбитражный управляющий обязан неукоснительно следовать принципам добросовестности и разумности, действуя, таким образом, в интересах должника, кредиторов и общества [9].

Вышеуказанный пример из судебной практики подтверждает нашу позицию, согласно которой противоправным поведением арбитражного управляющего является невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

В п. 12 Постановлении Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» указано, что разъяснения, содержащиеся в акте судебного толкования, применимы и в отношении дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего. Далее раскрывается, в чем заключается добросовестность и разумность арбитражного управляющего, а именно, они заключается в принятии достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которой создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством [11, с. 77]. Иными словами, выполнение арбитражным управляющим обязанностей, возложенных на него законом, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должно приводить к нормальному функционированию общества-должника. В противном случае при привлечении общества-должника к налоговой или административной ответственности по причине недобросовестного или неразумного выполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, возникшие в результате такой недобросовестности или неразумности убытки могут быть взысканы с арбитражного управляющего.

Кроме того, в п. 5 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» разъяснено, что в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения арбитражным управляющим обязанности, назначенной п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, размер фиксированного вознаграждения и процентов по вознаграждению, которые полагаются арбитражному управляющему за проведение процедур несостоятельности (банкротства), могут быть существенно снижены [10, с. 26].

Так, по конкретному делу, общество–должник обратилось с иском заявлением в суд с требованием об уменьшении размера вознаграждения арбитражного управляющего Г. до 480 000 руб.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, а суд апелляционной инстанции поддержал нижестоящую инстанцию и оставил его решение без изменения, а также взыскал излишне полученное вознаграждение в сумме 493 225 руб.

Не согласившись с вышеуказанными решениями судов, арбитражный управляющий Г. обратился в суд кассационной инстанции с требованием об их отмене. Однако, суд кассационной инстанции не согласился с доводами кассационной жалобы и оставил без изменения решения судов нижестоящих инстанций, сославшись на п. 5 Постановление Пленума ВАС РФ № 97 [8].

Таким образом, можно заключить, что противоправным поведением арбитражного управляющего считается невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, при которых нарушаются нормы, принципы и общие начала гражданского права, а также условия договоров, обычаев делового оборота либо невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, содержащихся в разработанных стандартах и правилах профессиональной деятельности, устанавливаемых Правительством РФ и членами саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

В связи с чем, и резюмируя вышеизложенное, было бы логичным внести в действующее гражданское законодательство РФ норму, в которой будет закреплено содержание термина «противоправность». Более детальное изложение его значения, на основе положений закона, было бы уместным дать со стороны совместного акта Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Такие действия, на наш взгляд, будут соответствовать и единообразию правоприменительной практики, и снятию противоречий между спорящими сторонами.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. Москва: Статут, 2020. С. 326.
3. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 104.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.

5. Мурашкина Е. В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Мурашкина. М., 2008. С. 81.

6. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 23.06.2014 по делу № А57–3165/2008. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/f97SzGRPE7bR/> (дата обращения: 06.05.2022).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 8. Ст. 1202.

8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.02.2015 № Ф01–5939/2014 по делу № А79–491/2009. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=query&cacheid=13FFC917FB3152636CF86D6EAE3E291E&NOQUERYLOG=1&sb=29–3&from=g1&rnd=ktq00Q#him9fOTpPkzoH7L1> (дата обращения: 05.05.2022).

9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.06.2016 № Ф06–7847/2012 по делу № А55–35647/2009. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1s1p8rcR1Sxw/> (дата обращения: 05.05.2022).

10. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2014. № 3. С. 21 – 34.

11. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2013. № 10. С. 73 – 82.

12. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16.04.2013 по делу № А21–5915/2010. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F1FE7F026FA12D8ABFB3745931552B8B&SORTTYPE=0&BASENODE=34–3&ts=KHcAfOTe4sCraVw61&base=ASZ&n=145218&rnd=ktq00Q#JdAfOTJZ8PZLGc> (дата обращения: 04.05.2022).

13. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2021 г. по делу № А05–12016/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VCbkH0VxCTHr/> (дата обращения: 05.05.2022).

14. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ

Локтионова Е. В., студент 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Осетрова А. Ю., кандидат юридических наук,
доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены актуальные правовые проблемы возмещения вреда в области окружающей среды, водных ресурсов, их характеристика и причины. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: окружающая среда, природа, водные объекты, водные ресурсы, возмещение вреда, гражданская ответственность, методики исчисления вреда.

LEGAL ASPECTS OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED TO WATER BODIES

Loktionova E. V., 3rd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Osetrova A. Yu., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. In this paper, the current legal problems of compensation for damage in the field of the environment, water resources, their characteristics and causes are considered. The ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: environment, nature, water bodies, water resources, compensation for harm, civil liability, harm calculation methods.

Одной из наиболее важных и актуальных проблем в современном мире является вопрос загрязнения водных ресурсов. Вода признана неисчерпаемым ресурсом, но увеличение темпов ее использования населением планеты не может не сказываться негативно на запасах и качестве такого жизненно-важного продукта. Уже сейчас во многих городах России заметны проблемы с чистой пресной водой, т.к. вода, которая течет дома из крана, не пригодна для употребления, вследствие чего люди вынуждены её покупать.

Правовой основой охраны водных ресурсов в России является Конституция РФ; Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021); и Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021); а методики исчисления вреда в этой сфере, утверждаются указами Президента РФ и постановлениями Правительством РФ и т. д.

В силу ст. 42 Конституции РФ, «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1]. Вода и водные объекты как раз и составляют элемент такой окружающей среды, а ситуация с их качеством продолжает оставаться неблагоприятной, в первую очередь вследствие сбросов промышленных и бытовых сточных вод, поверхностных стоков вод с сельскохозяйственных угодий. Эти факты стали причиной принятия Указа Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». В его содержании было отмечено, что 19 % сточных вод сбрасывается в водные объекты без очистки, 70 % – недостаточно очищенными и только 11 % – очищенными до установленных нормативов допустимых сбросов. Перечисленные обстоятельства являются причиной загрязнения поверхностных и подземных вод, накопления в донных отложениях загрязняющих веществ, деградации водных экосистем. В итоге от 30 до 40 % населения страны регулярно пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам. Вследствие загрязнения питьевой воды химическими веществами и микроорганизмами увеличивается риск смертности (в среднем на 11 тыс. случаев ежегодно) и заболеваемости населения (в среднем на 3 млн. случаев ежегодно) [5]. Больше 85 % вод не соответствуют нормативам, что создает гигантскую проблему в настоящее время и для будущего существования населения нашей страны.

Вред окружающей среде и ее негативное изменение в результате загрязнения влечет за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов [3]. Любой водный объект – это целая экосистема, которая включает в себя не только водные ресурсы, но и животный и растительный мир, которым также причиняется вред.

Возмещению вреда в области экологии посвящена ст. 77 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Юридические и физические лица в случае причинения вреда окружающей среде обязаны возместить его в полном объеме. Восполняется он в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. Таксы и методики подлежат обязательному применению судами для определения размера возмещения вреда в его денежном исчислении. Касательно водных объектов Министерством природных ресурсов и экологии РФ утверждена Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства [6].

Уже на этапе исчисления вреда, возникает множество неоднозначных вопросов. К примеру, как оценить ущерб водному объекту, если подходящая методика отсутствует? В этом случае не всегда можно оценить достоверно первоначальное состояние экологического объекта, в том числе нелегко установить без нормативов и фактические затраты. По нашему мнению, в таких ситуациях было бы целесообразным на нормативном уровне обязать от-

ветственное за причинение вреда лицу, за его счет привести экологический объект в такое состояние, при котором его функционированию ничего не угрожает, концентрации вредных веществ не превышают установленные нормативы и сама экосистема не причиняет вред человеку и животному миру.

Вред окружающей среде возмещается вне зависимости от формы вины, кроме случаев, если он причиняется лицами, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающей среды. Ответственность наступает в любом случае, если причинитель вреда не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего [2]. Также, установлена ответственность и за правомерные действия, например, когда лицо вносит плату за негативное воздействие на окружающую среду, оно обязано дополнительно к этому проводить мероприятия по охране окружающей среды, возмещать вред и т.д. Компенсация вреда осуществляется добровольно или по решению суда.

Нарушители водного законодательства, несут не только гражданско-правовую, но и административную, и уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ, тем не менее, привлечение их к этим видам ответственности не освобождает от обязанности устранить допущенное нарушение и возместить причиненный ими вред [4].

Вред может быть возмещен ответственным лицом посредством восстановления нарушенного состояния экологического объекта за его счет и в соответствии с проектом восстановительных работ, а если это возможно, то в течение более короткого срока. Если правонарушителем является организация, то суд может приостановить или прекратить её деятельность.

При разрешении исковых требований о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, судам необходимо устанавливать не только факт причинения вреда, но и его последствия, выразившиеся в виде деградации естественных экологических систем, истощения природных ресурсов и иных последствий. В связи с этим, и в целях правильного разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области экологии, в том числе и при определении размера вреда, причиненного экологическим правонарушением, по делу должны проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других [7]. Однако, проведение указанных мероприятий вызывает определенную проблематику. Во-первых, такие меры являются дорогостоящими; во-вторых, в нашей стране крайне мало юридических лиц, которые их проводят.

Специалисты подсчитали, что даже самые незначительные по объемам экологические экспертизы, например, небольших строительных объектов, обойдутся от 3 до 5 млн. руб. Учитывая сложность большинства объектов оценки, вопрос финансирования подобной деятельности за счет общественных организаций встает очень остро [9, с. 133]. На наш взгляд, одним из способов решения такого рода проблематики является увеличение количества подобных субъектов на основе финансирования из региональных бюджетов; создания программ повышения квалификации их специалистов и экспертов;

популяризация защиты экологических прав граждан и непременно привлечение правонарушителей к ответственности.

С изложенным выше вопросом, связана и проблема качества надзора и контроля за водными объектами со стороны государства. В настоящее время основным правоохранительным органом в области окружающей среды является природоохранная прокуратура. Но штатной численности и ресурсов этого надзорного органа, в руках которого сосредоточены все природные системы, а не только водные ресурсы явно не хватает. По нашему мнению, стоит уделить воде отдельное место в системе государственных органов и, или увеличить штат природоохранной прокуратуры, или учредить специальную государственную организацию, целью деятельности которой будет защита водных ресурсов от загрязнений. Подобный субъект мог бы заниматься и вопросами государственного финансирования мероприятий по восстановлению водных объектов; и формированием национальных экологических проектов в этой сфере; и помощью в проведении экологических водных экспертиз; и подготовкой экспертов и специалистов; и правовой помощью связанной с возмещением вреда, причиненного в этой области и т.д.

Вызывают затруднения, с точки зрения практической реализации, и установленные в действующем законодательстве сроки исковой давности возмещения вреда окружающей среде. Так, согласно п. 3 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» иски могут быть предъявлены в течение двадцати лет. На наш взгляд, это слишком большой срок, в течение которого будет крайне сложно доказать, и сам факт загрязнения, т. к. могут исчезнуть все подтверждающие его обстоятельства; и выявить лиц, причинивших вред. А сам водный объект за этот период может измениться настолько, что восстановить его полностью будет нереально.

Требует определенных корректировок и порядок регламентации формы и способы возмещения вреда водным объектам. Они могут быть или денежными или натуральными. В приоритете, натуральная форма, но чаще судом взыскивается определенная денежная сумма, исчисляемая в соответствии с методиками. Этот хорошо подтверждает следующий пример из судебной практики. Благовещенский городской суд рассматривал гражданское дело по иску межрайонного природоохранного прокурора, действующего в интересах РФ и неопределенного круга лиц к ООО «Россзолото» о возмещении вреда, причиненного водному объекту (Решение № 2–5287/2020 2–5287/2020~М–4314/2020 М–4314/2020 от 07.10.2020 г. по делу № 2–5287/2020). В результате проверки было установлено, что ООО «Россзолото» осуществляло сброс сточных вод в ручей Отрадный, находящийся в его пользовании, при разработке месторождения россыпного золота по лицензии БЛГ 02613 БР с превышением нормативов допустимого воздействия на водный объект по взвешенным веществам. Содержание взвешенных веществ в водном объекте, превышающее допустимые пределы, оказывало негативное влияние на водный объект и привело к причинению вреда. Ущерб, исчисленный истцом, составил 19 546 720 руб. Суд решил взыскать с ООО «Россзолото» в пользу РФ вред, причиненный указанному водному объекту, в размере 19 546 720 руб., а также в доход местного бюджета государственную пошлину в сумме 60 000 руб. [8].

Таким образом, если подводить итоги настоящего исследования, то с целью совершенствования охраны водных объектов, в том числе и возмещения причиненного им вреда, можно наметить несколько направлений совершенствования отечественной правовой системы. Во-первых, это совершенствование действующего водного законодательства. Такие меры должны произойти в части корректировки вопросов исковой давности, выработки методик и такс возмещения вреда и выплаты компенсаций и т. п. Во-вторых, построение системы как государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в рассматриваемой сфере, так и общественных специализированных организаций. Последняя группа субъектов с одной стороны должны будут обеспечивать общественный контроль за состоянием водных объектов, а с другой создавать основу для профессионального проведения экологических экспертиз.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

4. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

5. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

6. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13.04.2009 № 87 (ред. 25.08.2015.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/902159034> (дата обращения: 05.05.2022).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ред. 30.11.2017) // Российская газета. 2012. № 251.

8. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s5D1vvRloErr/> (дата обращения: 05.05.2022).

9. Ерофеева В. В. Проблемы правового регулирования экологической экспертизы // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 130 – 135.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Макарова-Землянская А. А., студент 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Гаврилова А. М., кандидат юридических наук
Российский государственный университет правосудия, г. Москва

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы, возникающие в процессе доказывания вреда, причинённого с использованием искусственного интеллекта и информационных технологий. Обосновывается необходимость реформирования законодательства в области установления ответственных лиц.

Ключевые слова: деликт, информационные технологии, искусственный интеллект, ответственность, вред, причинитель вреда.

PROBLEMS OF PROVING HARM CAUSED BY THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Makarova-Zemlyanskaya A. A., 2nd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Gavrilova A. M., PhD in Law
Russian State University of Justice, Moscow

Abstract. The paper considers the problems arising in the process of proving the harm caused by the use of artificial intelligence and information technology. The necessity of reforming the legislation in the field of establishment of responsible persons is substantiated.

Keywords: tort, information technology, artificial intelligence, liability, harm, tortfeasor.

Наше время можно охарактеризовать, как век информационной революции и стремительного развития новейших технологий. В этой связи, увеличивается количество сфер, в которых внедряются такого рода нововведения, обладающие еще и качествами искусственного интеллекта. В некоторых случаях это приводит к причинению ущерба субъектам – участникам подобных отношений, поэтому, злободневным становится вопрос о выявлении ответственных за такие правонарушения лиц.

Понятие искусственный интеллект (далее – ИИ) определяется в п.п. «а» п. 5 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ и от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [10]. Так, ИИ является комплексом технологических решений, который способен имитировать мыслительные функции мозга человека и получать опре-

делённые результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Отмечается, что ИИ обладает возможностями самообучения и самостоятельного поиска решений.

При этом определение ИИ содержится также и в резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике», где говорится, что ИИ есть небиологическая автономная киберфизическая система, которая способная взаимодействовать с иными аналогичными системами и адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды [12]. Среди основных характеристик ИИ в 2017 г. ЮНЕСКО в Докладе «Об этике робототехники» определила основные признаки современного робота: (1) мобильность; (2) коммуникативность; (3) автономность в принятии решений; (4) возможность действия без внешнего контроля человека [5].

При этом, не смотря на способность ИИ самообучаться и принимать автономно решения, не позволяет назвать её самостоятельным субъектом права по причине отсутствия у него сознания и самосознания [6].

Определение информационных технологий содержится в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [11].

Исходя из общего правила, установленного п. 1 ст. 1064 ГК РФ, ответственность за причиненный вред несет причинитель вреда, если не докажет отсутствие вины в его причинении. Законом ответственность может возлагаться на иное лицо, которое не является причинителем вреда.

На основании п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что именно ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков. Бремя доказывания отсутствия вины лежит на лице, нарушившем обязательство. Непосредственное наличие вины в нарушении обязательства или же причинении вреда предполагается до того момента, пока не будет доказано иное. А с учётом требований ст. 15 ГК РФ, предмет доказывания истца будет включать в себя: (1) наличие у него убытков и их размер; и (2) причинно-следственную связь между действиями ответчика и убытками, возникшими у истца [7, с. 48].

Таким образом, по отношению к информационным технологиям и искусственному интеллекту, будет важным доказать непосредственную вину ответчика в причиненном вреде, а не вину самого ИИ. Деяние, совершенное роботом, будет требовать непосредственной оценки действий программиста, отвечающего за такой информационный объект. При этом ИИ способен к самообучению и самостоятельному поиску решений, что непосредственно отмечается в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Тем самым, деяние может быть совершено роботом,

который не способен нести юридическую ответственность за совершенное деяние, т.к. не является самостоятельным субъектом правоотношений. А следовательно, будет возникать проблема с определением непосредственного субъекта, отвечающего за причинённый вред.

Полагаем, в таком случае необходимо отделять вред, причинённый вследствие недостаточной компетентности или объективной ошибки человека, которая была допущена при взаимодействии с ИИ или информационными технологиями. Также некоторыми исследователями выделяется, что существует объективное вмешательство третьего лица, которое причинило вред путём воздействия на ИИ. Но иная ситуация выражается в том, что роботом самостоятельно были приобретены вредоносные навыки, которые привели к опасным или вредным последствиям [1, с. 112].

Так, в процессе доказывания причиненного вреда, необходимо обосновать следующие элементы состава гражданского правонарушения. Во-первых, была ли допущена ошибка программистом, производителем или иным лицом, непосредственно причастным к созданию и применению ИИ. В том случае, если ошибка будет доказана, то ответственность за причинённый вред следует возлагать именно на лицо, по вине которого произошло причинение вреда. В том случае, если такое лицо является сотрудником организации, то, исходя из положений ст. 1068 ГК РФ, гражданско-правовую ответственность также можно возложить на само юридическое лицо. Во-вторых, была ли у робота возможность самообучаться, чтобы сформировать для себя новый алгоритм поведения, который привёл к негативным последствиям. В том случае, если такая возможность была, ответственность не может быть целиком возложена на программистов и иных причастных к созданию ИИ лиц, т. к. они не могли предвидеть формирования именно такого сценария поведения робота [1, с. 114].

При этом представляется возможным установление возможной причинно-следственной связи между действиями лиц, занимающихся созданием и разработкой самообучающегося информационного компонента, и наступившими последствиями.

Для установления ответственности необходимо оценить действия программистов, производителей, непосредственных пользователей и иных причастных лиц с целью восстановления цепочки сведений, которые привели к такому виду вредоносного поведения ИИ.

Можно привести пример ошибки, допущенной программистами в ходе создания программного компонента для контроля за соблюдением правил дорожного движения. В РФ для этого используется Аппаратно-программный комплекс «Поток-ПДД», который представляет собой совокупность приборов, состоящей из камер для наблюдения с подключением к вычислителю по декомпрессированному цифровому интерфейсу. Алгоритм этого компонента позволяет с помощью получаемого видеоматериала проводить анализ и выявлять нарушения, допускаемые в ходе дорожного движения, в том числе отслеживать перемещение транспортных средств в пределах установленных

полос и формировать протоколы об административных правонарушениях в связи с этим [8].

В ходе использования указанного информационного компонента была допущена ошибка, в ходе которой владельцы автомобилей, находившихся на эвакуаторах, получали постановления о превышении скорости, хотя фактически машина находилась на месте, а передвигался эвакуатор [2]. Также в практике имеются случаи направления штрафа лицу за то, что тень его автомобиля пересекла сплошную линию в нарушение правил дорожного движения [3].

В подобных ситуациях штрафы были отменены, т. к. была установлена вина программистов, которые допустили, чтобы программным компонентом не учитывалась структура объектов на изображении и окружающая обстановка.

Можно привести обратный пример, где в возмещении вреда лицу было отказано. Так, 08.11.2018 Первомайским районным судом г. Новосибирска было рассмотрено дело № 2-1496/2018 о списывании денежных средств гражданки с её карты через мобильное приложение с её телефона. При этом гражданка мобильное приложение никогда не устанавливала, сообщения о списании средств не получала. Общий вред составил более 120 тысяч рублей. В ходе судебного разбирательства было установлено, что банк в рассматриваемом случае не мог никаким образом предотвратить списание денежных средств, т.к. оно совершалось с личного номера и приложения клиента банка. Следовательно, этот субъект и не несет ответственности за такое списание. Средства истцу возвращены не были. Не было выявлено и лицо, которое действительно осуществляло списание денег [9].

В отношении рассмотренной выше проблематики глава Сбербанка Герман Греф заметил, что наличие даже маленькой ошибки в алгоритме работы программы искусственного интеллекта приводит к крупным потерям со стороны тех, кто ее использует. В подтверждение своих слов им был приведён пример Сбербанка, который за всё время использования искусственного интеллекта в своей деятельности потерял миллиарды рублей [4].

Тем самым, исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что в работе информационных технологий и искусственного интеллекта в настоящее время существует риск причинения убытков, субъектам, которые их используют. При этом имеются сложности с определением лиц, ответственных за подобные нарушения. Предоставление системе возможности самообучения и самостоятельного принятия решений не делает её отдельным субъектом права, а, следовательно, возникает необходимость в законодательном закреплении правового режима искусственного интеллекта и информационных технологий, а также лиц, на которых будет возложена ответственность за допущенные нарушения и причиненные убытки. При этом необходимо отдельно зафиксировать: во-первых, алгоритм доказывания ответственности; а, во-вторых, ответственность отдельных участников подобных отношений: (1) разработчиков такого рода программ, (2) производителей и (3) иных лиц, которые имеют прямой доступ к компонентам искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112 – 119.

2. Войницкая А. Москвичка получила штраф за машину, которая ехала на эвакуаторе. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27079.4/4150025/> (дата обращения: 16.04.2022).

3. В Москве водителю пришел штраф за то, что тень от его машины пересекла сплошную линию. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-08-29/308902-v_moskve_voditelyu_prishel_shtraf_za_to_chto_ten_ot_ego_mashiny_peresekla_s_ploshnuyu liniyu (дата обращения: 16.04.2022).

4. Греф признал потерю миллиардов рублей из-за искусственного интеллекта. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/02/2019/5c74f4839a7947501397823f> (дата обращения: 14.04.2022).

5. Доклад Всемирной комиссией ЮНЕСКО «Об этике робототехники». URL: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics>. (дата обращения: 16.04.2022).

6. Исследовательский центр искусственного интеллекта. URL: <http://ai-center.botik.ru/Airec/> (дата обращения: 14.04.2022).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. С. 47 – 59.

8. Поток – ПДД – Аппаратно-программный комплекс «ПОТОК». URL: <https://rossi-potok.ru/ru/products/potok-pdd?ysclid=110w3trboy> (дата обращения: 14.04.2022).

9. Решение № 2-1496/2018 2-1496/2018~М-1154/2018 М-1154/2018 от 08.11.2018 г. по делу № 2-1496/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ev03WKko4Yw/?regular-txt=®ular-case_doc=2-1496%20%2F2018+®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%D0%B3.+%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0+%28%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_=1669891762427 (дата обращения: 16.04.2022).

10. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

12. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 04.04.2022).

**ОСНОВАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА,
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Москаленко Д. А., курсант 4 курса факультета подготовки следователей
Научный руководитель: Батурина Н. И., заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация. В настоящем исследовании поднимается проблема приведения норм гражданского законодательства о компенсации морального вреда при незаконном применении мер процессуального принуждения в соответствие с мерами процессуального принуждения, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, моральный вред, совершенствование норм права.

**GROUNDS FOR COMPENSATION FOR MORAL INJURY UNDER CIVIL
LAW: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

Moskalenko D. A., 4th year student of the Faculty of Investigators Training
Supervisor: Baturina N. I., Deputy Head of the Department
of Civil Law Disciplines, PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

Abstract. The article touches the problem of bringing the norms of civil legislation on compensation for moral harm in the illegal application of procedural coercion measures in line with the measures of procedural coercion provided for by criminal procedural legislation.

Keywords: measures of procedural coercion, moral harm, improvement of legal norms.

Законодательство Российской Федерации непрерывно изменяется под влиянием реалий XXI века. Анализируя количество изменений, ежегодно вносимых в Гражданский кодекс РФ [1], Уголовный кодекс РФ [8] и Уголовно-процессуальный кодекс РФ [7] (далее по тексту – ГК РФ, УК РФ и УПК РФ соответственно) пальма первенства, безусловно, принадлежит первому. Тем не менее, до сих пор существуют правила, которые с момента вступления в законную силу части второй Гражданского кодекса РФ, не подвергались изменению. Именно к таким мы относим положения ст. 1100 ГК РФ об основаниях компенсации морального вреда. При вдумчивом анализе этой нормы не трудно выявить противоречие между ее наименованием «Основания компенсации морального вреда» и содержанием, поскольку в диспозиции

изложены скорее не основания, а случаи, в которых независимо от воли причинителя вреда будет производиться компенсация морального вреда.

В указанной выше статье установлено, что такого рода выплаты осуществляется независимо от вины причинителя вреда, в том числе, когда вред причинён гражданину в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде. Введение этой нормы происходило в 1996 году, когда действовал ныне утративший силу Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, что соответствовало перечню мер пресечения, перечисленных ст. 89 этого нормативного акта [6].

Однако, законодателем с тех пор содержание ст. 1100 ГК РФ в соответствие с уголовно-процессуальным законодательством не приводилась, ни тогда, когда в УПК РСФСР 1996 г. были внесены изменения, в части перечня мер пресечения и введения иных мер процессуального принуждения в 2018 год [9]; ни в 2002 г., когда вступил в силу новый УПК РФ, а Федеральным законом № 58-ФЗ был отредактирован п. 4 ст. 98 УПК РФ [10]. Поэтому, в тексте ст. 1100 ГК РФ не отражена обязанность по возмещению морального вреда, в случаях незаконного применения в качестве меры пресечения запрета определённых действий и домашнего ареста.

Запрет определённых действий по своей сущности предусматривает для подозреваемого или обвиняемого обязанность явки по вызовам органов предварительного расследования или суда. А также соблюдения ряда таких запретов как: не покидать помещение, в котором он законно проживает в определённые, установленные судом, периоды времени; не находиться в определённых местах; не посещать их и даже не нарушать установленное судом расстояние до конкретных объектов; не общаться с определёнными лицами лично или же посредством использования любых способов и средств связи; не отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; не использовать средства связи, в том числе информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; не управлять транспортными средствами различного вида. Перечисленные запреты, предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ, содержательно и наглядно иллюстрируют степень ограничения конституционных прав граждан на свободу передвижения, свободу общения, неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В связи с этим, лицо, в отношении которого указанная мера пресечения применена незаконно и безосновательно претерпевает ряд негативных последствий. Это выражается не только в его внутренних, душевных переживаниях, но и в изменении отношения к нему со стороны его близкого окружения, общества, а также в виде увольнения с работы, материальных издержек на оплату услуг защитника, потери дохода и т.п.

Относительно домашнего ареста представляется возможным утверждать, что подобная мера пресечения также предусматривает изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении, где он может находиться на законных основаниях. Более того, такие лица обязаны носить специальное устройство – браслет, которое позволяет отслеживать его

местонахождение и записывать эту информацию на удалённый накопитель. То есть, эта мера пресечения включает в себя и изоляцию соответствующего субъекта, и запрет определённых действий с его стороны, и постоянный контроль государственных органов над их соблюдением.

Рассмотренные меры пресечения избираются исключительно с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией РФ, и на основании решения суда. Поэтому отсутствие указания на них в ст. 1100 ГК РФ, по нашему мнению, является недопустимым.

Тем не менее, такое противоречие не было оставлено без внимания высшей судебной инстанцией РФ. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», было разъяснено, что отсутствие в законе прямого указания на возможность компенсации морального вреда, по таким основаниям, как незаконное применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определённых действий, не должно означать, что из-за отсутствия конкретизации таких мер пресечения, потерпевший не имеет права на его возмещение [5]. Косвенно на это указывают и положения абз. 4 ст. 1100 ГК РФ, поскольку здесь установлена возможность компенсации морального вреда и в иных случаях, предусмотренных законом. Однако, ни эта формулировка; ни положения п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33; ни содержание ст. 301 УК РФ; не дают полных юридических гарантий, что гражданский иск по возмещению морального вреда лицу, в отношении которого была незаконно применена мера пресечения в виде запрета определённых действий или домашнего ареста, будет рассмотрен судом в гражданском судопроизводстве с последующим удовлетворением заявленных исковых требований.

Отказ законодателя от изменения редакции ст. 1100 ГК РФ приводит к существованию противоречивой и неоднозначной судебной практике. Суды при таких обстоятельствах вынуждены применять аналогию права, которая допустима только в гражданском, но не в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо согласовать содержание абз. 2 ст. 1100 ГК РФ с положениями Главы 9 УК РФ и ст. 105.1, 107 и 108 УПК РФ учётом градации по строгости применяемых мер пресечения.

Успешному применению ст. 1100 ГК РФ также препятствует и то, что в гражданском законодательстве отсутствуют ясные для исчисления критерии определения размера денежной суммы, взыскиваемой в качестве компенсации морального вреда. Этот вопрос в июле 2020 года попыталась решить группа депутатов от партии «Справедливая Россия», таких как С. М. Миرونнов, М. В. Емельянов и О. А. Нилов. Они внесли в Государственную Думу РФ законопроект № 990771-7, в котором предлагалось при исчислении компенсации морального вреда, рассчитывать его за каждый день неправомерного нахождения гражданина под стражей либо за каждый день незаконного лишения его свободы. Однако в октябре 2021 года продвижение этого законопроекта было приостановлено, т. к. не была определена минимальная сум-

ма, как отправная точкой для определения размера денежной суммы при компенсации морального вреда по таким основаниям [3]. Сегодня суды при определении размера денежной суммы, подлежащей выплате в качестве компенсации морального вреда, возникшего по ст. 1100 ГК РФ, исходят из сложившейся практики в том или ином регионе и от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий в каждом конкретном случае, что не всегда оценивается равнозначно и единообразно.

Кроме указанной выше проблематики, главным образом гражданско-правового характера, в рассматриваемой области существуют неопределенные вопросы процессуального характера. Так, гражданский иск в уголовном судопроизводстве является единственным случаем, когда материальное гражданское право реализуется с помощью уголовно-процессуального права [2, с. 400-402]. Однако, в силу ч. 2 ст. 136 УПК РФ все гражданские иски, заявляемые по причинению морального вреда в денежном выражении подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, т. е. согласно этого положения, чтобы реализовать право на компенсацию морального вреда необходимо возбудить исковое производство именно в рамках гражданского процесса. С целью устранить эту несогласованность между нормами гражданского и уголовно-процессуального законодательства, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 было дано пояснение, что гражданский иск в уголовном деле должен быть рассмотрен в уголовном процессе, а не в гражданском [4].

Тем не менее, и это, и предыдущие, из указанных нами разъяснений Верховного Суда РФ представляют собой не что иное, как акты толкования действующего законодательства, они не имеют обязательной силы, поскольку не являются нормами права. Поэтому всегда остается возможность для злоупотреблений и принятия судебных решений, противоречащих здравому смыслу и юридической логике. В связи с чем, и как итог написания настоящего исследования, мы предлагаем провести в рассмотренной нами сфере отечественного законодательства определенную систематизацию норм гражданского, уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ в виде инкорпорации. Такая мера должна не только согласовать положения ст.1100 ГК РФ с правилами Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ и между собой, но и привести в единство используемые в этих отраслях права юридические понятия и дефиниции. Представляется, что предложенные изменения законодательства будут содействовать не только предсказуемости и единообразию судебной практики, но и защите конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.

3. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части установления минимального размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование: законопроект от 17.07.2020 № 990771-7 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 07.05.2022).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 25.11.2022. № 267.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

10. Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ

Подьяпольская В. А., студент 4 курса юридического факультета
Научный руководитель: Белова О. А., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения размера морального вреда, которая существует достаточно длительное время, но до настоящего момента решения ей так и не найдено. В результате исследования рассмотрены различные точки зрения и методики установления размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, нравственные и физические страдания, размер вреда, причиненного лицу.

THE PROBLEM OF DETERMINING MORAL HARM CAUSED TO A PERSON

Podyapolskaya V. A., 4th year student of the Faculty of Law
Supervisor: Belova O. A., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the amount of moral damage, which has existed for quite a long time, but so far no solution has been found to it. As a result of the study, various points of view and methods of determining the amount of compensation for moral damage are considered.

Keywords: moral harm, compensation for moral harm, moral and physical suffering, the amount of harm caused to a person.

Одним из ученых, который посвятил свои работы анализу проблемы определения размера морального вреда, был А. М. Эрделевский. Данный исследователь предлагал определять размер компенсации, которая подлежит выплате при причинении морального вреда, в «зависимости от степени опасности правонарушителя» [14, с. 140]. Кроме того, автор вносил предложения по определению и нормативному закреплению единой формулы, которая должна быть использована при расчете размера компенсации морального вреда.

Е. П. Редько отмечал, что для института морального вреда характерно, что такой вред должен подлежать полному возмещению. По мнению автора, при решении вопроса о размере морального вреда, который подлежит возмещению, суд должен исходить из правила о том, что размер возмещения должен уравновесить понесенную потерю, в результате которой вред и наступил [6, с. 35]. Отметим, что стремление автора установить необходимость полного возмещения морального вреда следует признать обоснованным –

однако, с другой стороны, достаточно часто случаются ситуации, когда никакая денежная компенсация не может уравновесить потери. Например, случаи, когда причиняется тяжкий вред здоровью, результатом которого становится инвалидность, а также случаи, когда причиняется смерть потерпевшему. Ведь никакая денежная сумма не может вернуть близкого человека либо здоровье; сумма соответствующей компенсации всегда является максимально приближенной к реальным потребностям, но полностью возмещением её считать всё-таки нельзя.

По мнению Е. В. Брянской, большинство проблем в применении норм о компенсации возникает в связи с тем, что отсутствуют четкие понятия, которые позволили бы отразить специфику такого института, определённых критериев определения размера компенсации [1, с. 98]. М. А. Степанов выделяет такой специальный критерий, как «искренность страданий». Автором отмечается, при определении размера морального вреда истцы допускают злоупотребления, которые выражаются в том, что исковое заявление предъявляется при отсутствии как нравственных, так и физических страданий. Для того чтобы исключить такие злоупотребления автор предлагает при решении вопроса о компенсации морального вреда прибегать к консультации психолога, использовать заключение психологической экспертизы, проведение которой признать обязательным по делам, по которым заявлены требования о возмещении морального вреда; производство такой экспертизы должно осуществляться за счет средств ответчика, как причинителя вреда [10, с. 16-18].

Следующим проблемным вопросом является вопрос об условиях, которые позволяют заявлять требование о возмещении компенсации морального вреда. По мнению Е. П. Чорновол такие условия должны быть закреплены на законодательном уровне, исходя из положений, которые предусматривают общие основания, при которых возникает право на защиту [13, с. 54].

Для того чтобы возникла гражданско-правовая ответственность необходимо, чтобы было совершено правонарушение. В теории цивилистами выделяются общие и специальные условия, при которых возникает обязанность возмещения морального вреда. Общими условиями являются элементы состава правонарушения, по данным условиям проблем в практике и теории практически не выделяется. Что же касается специальных условий, мнения ученых не отличаются единообразием.

К примеру, С. Ю. Рипинский и Ю. Н. Андреев определяют два специальных условия. Авторы указывают, что такими условиями должны являться характер деятельности лица, причинившего вред, а также его статус [8, с. 35]. А. П. Сергеев и И. Н. Поляков также посвятили свои работы исследованию специальных условий, при которых наступает ответственность органа публичной власти. По мнению авторов, специальным условием причинения вреда выступает акт, который был принят государственным органом. Вторым условием, по их мнению, является то, что причинителем такого вреда является должностное лицо, и третьим условием то, что вред причиняется актом, который был издан в пределах полномочий должностного лица.

Наиболее распространенной формой компенсации морального вреда является денежная форма, что подтверждается положениями ст. 1101 ГК РФ. Аналогичная позиция изложена и в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [4]. На основании анализа положений данного Постановления можно сделать вывод о том, что только в компетенцию суда входит решение вопроса о размере причиненного морального вреда, а также способа компенсации. Необходимо более подробно изучить вопросы, возникающие при определении размера компенсации морального вреда. Такая проблема является актуальной и до настоящего времени, несмотря на различные варианты ее решения, не решена, что приводит к спорам в ходе судебного разбирательства, а также к тому, что решения суда первой инстанции обжалуются в апелляционный суд.

Попытка решения спорных вопросов была осуществлена в рамках Постановления Пленума ВС РФ № 10. Верховный суд разъяснил, что судам при рассмотрении вопросов о размере компенсации морального вреда следует уделять внимание вопросам о характере, а также объеме нравственных страданий, которые испытывал истец. Также суд указывает и на необходимость учета степени вины и иных обстоятельств. Верховный суд РФ обратил внимание судов на то, что нельзя вопрос о размере компенсации морального вреда ставить в зависимость от материального вреда, заявленного истцом. Аналогичная позиция закреплена в ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3], а также и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 17 [5]. В этом постановлении суд указал на необходимость соблюдения требований разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда. Именно последнее разъяснение и вызвало множество разногласий среди ученых и практических работников. Такая трактовка Верховным Судом РФ не привела к единообразию в судебной практике. При анализе судебных решений можно встретить ситуации, когда суды при фактически аналогичных обстоятельствах присуждают разные размеры компенсации морального вреда, причем суммы существенно отличаются.

Если обратиться к положениям гражданского законодательства, то законодатель не выделяет таких особенностей, которые могли бы оказать влияние на оценку вреда, причиненного потерпевшему, а также и в целом на индивидуальные особенности. По данному вопросу можно предположить, что у разных субъектов различное отношение к страданиям, боли. Кроме того, можно отметить и различия, которые имеются в особенностях женщин, несовершеннолетних и мужчин. Так, можно согласиться с позицией В. Ускова в части того, что применение одинаковой физической силы к разным субъектам не может свидетельствовать о том, что потерпевшим были причинены равные страдания, а соответственно и такие страдания не всегда могут быть оценены одинаково [11, с. 25].

В теории можно встретить и позицию о необходимости в качестве индивидуальных особенностей рассматривать и материальное положение субъекта. Так, в своем исследовании А. М. Эрделевский отмечает, что если один

потерпевший имеет больший доход, по сравнению с другим, то в тех случаях, когда таким субъектам одинаковый вред будет компенсирован в одинаковых размерах, это может привести к тому, что эмоциональное удовлетворение субъекта, имеющего меньший доход будет гораздо выше, чем удовлетворение субъекта, имеющего более высокий доход.

Соглашаясь в целом с позицией А. М. Эрделевского, следует признать, что, если одним из критериев для определения морального вреда станет материальное положение потерпевшего, это будет нарушать принцип равенства и принцип справедливости. Рассматривая проблемы, возникающие при компенсации морального вреда, А. М. Эрделевский также предложил использовать базисный уровень для того, чтобы исчислять размер такого вреда. По мнению автора, при определении компенсации морального вреда следует брать за основу МРОТ (или размер прожиточного минимума), и степень общественной опасности правонарушения. Автор разработал таблицу, в которой указывает размеры компенсации в зависимости от причиненного вреда.

Многие ученые согласны с позицией А. М. Эрделевского о необходимости выделения «базисного уровня». Например, З. Б. Хавжокова поддерживает высказанную позицию и полагает, что «необходимо определить минимальные и максимальные пределы компенсации морального вреда по конкретным правонарушениям, а суду предоставить возможность с учетом обстоятельств дела, изменять размер компенсации» [12, с. 24].

Иного мнения придерживаются ученые, считающие, что необходимость определения четких критериев определения размера компенсации отсутствует. Например, А. В. Воробьев указывает, что методика, рассмотренная ранее, не позволяет в полной мере определить размер компенсации морального вреда, что связано с тем, что учитывается только деяние (нарушение), но при этом не уделяется внимание другим факторам, которые могут и должны быть учтены при определении размера компенсации морального вреда [2, с. 102]. На наш взгляд, установить единый размер компенсации для конкретных правонарушений невозможно. Данный вопрос необходимо решать в зависимости от конкретного дела.

В теории авторы пытаются разработать не только общие методики определения размера морального вреда, но и методики расчета такого вреда, применительно к конкретным правоотношениям. Так, Б. И. Сосна и Г. К. Аворник, рассматривая проблемы определения размера компенсации морального вреда по трудовым спорам, отмечают необходимость исходить при расчете такого вреда из суммы заработной платы потерпевшего [9, с. 35]. С такой позицией сложно согласиться, так как при таком расчете во внимание будет браться только размер заработной платы, но при этом не будут учитываться ни опасность деяния и его последствия, ни особенности потерпевшего и другие критерии.

Отметим, что на практике размер компенсации должен быть адекватен перенесенным страданиям, для реализации этого используется судебское усмотрение и требование разумности и справедливости. Так, Петропавловск-Камчатский городской суд Камчатского края в своем решении указал, что,

решая вопрос о размере компенсации морального вреда, судом также учитываются характер допущенного нарушения прав истца, принимается во внимание поведение ответчика (ответчик признал иск), учитывается характер оскорблений, индивидуальные особенности истца, а также степень нравственных страданий, которые истец была вынуждена претерпевать в связи совершенными ответчиком неправомерными действиями. Исходя из этого, суд счел возможным взыскать с А. В. Максименковой компенсацию морального вреда в пользу Ж. П. Недбаевой в размере 3 000 руб., считая данную сумму разумной и справедливой [7].

Таким образом, при определении размера компенсации морального вреда ученые расходятся во мнениях относительно методики подсчета. На практике суды исходят из принципов разумности и справедливости. Кроме того, при определении размера морального вреда должна быть учтена и характеристика потерпевшего. Компенсация морального вреда должна отвечать цели, то есть – компенсировать потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания. Использование этого инструмента для других целей не допускается. Задача законодателя и правоприменителя на данный момент – выработать конкретные рамки для определения размера компенсации морального вреда. Безусловно, инструмента для измерения глубины страданий (переживаний), а также для определения их денежного эквивалента практика не знает. Однако определение на законодательном уровне критериев оценки размера компенсации морального вреда, установление минимального размера такой компенсации способствовало бы ограничению судебного усмотрения и принятию законных, обоснованных и более справедливых судебных постановлений, а, следовательно, обеспечило бы более полную защиту прав и законных интересов граждан.

Библиографический список

1. Брянская Е. В. Проблемы справедливости компенсации морального вреда в судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 96 – 103.
2. Воробьев А. В. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве: монография. М.: РиОР, 2018. 160 с.
3. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // Российская газета. 1992. № 80.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2005. № 29.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.
6. Редько Е. П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. Абакан, 2009. 248 с.

7. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 10 октября 2021 г. по делу 2-7207/2021 ~ М-5352/2021. URL: www.sudact.ru (дата обращения: 02.05.2022).

8. Рипинский С. Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 256 с.

9. Сосна Б. И. Возмещение морального вреда, причиненного нарушением социальных прав работника // Безопасность бизнеса. 2004. № 4. С. 34 – 38.

10. Степанов М. А. Заключение экспертиз как средство доказывания по делам о компенсации морального вреда // Закон и право. 2002. № 2. С. 16 – 22.

11. Усков В. Как компенсировать моральный вред богатому и бедному? // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 23 – 28.

12. Хавжокова З. Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2009. 205 с.

13. Чорновол Е. П. Юридико-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 54 – 57.

14. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: монография. М.: Р-Валент, 2007. 272 с.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕТЬМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РОДИТЕЛЕЙ

Сухова А. В., магистрант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Семёнова С. И., кандидат юридических наук,
доцент
Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей. В результате проведенного исследования установлено, что действующее законодательство не отражает специфики такой ответственности. В связи с чем, предлагается внести определенные изменения в ст. 1073 ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, малолетние, причинение вреда, несовершеннолетние родители.

FEATURES OF CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY CHILDREN OF MINOR PARENTS

Sukhova A. V., 1st year Master's student of the Faculty of Law
Supervisor: Semenova S. I., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of civil liability for harm caused by children of minor parents. As a result of the conducted research, it was found that the current legislation does not reflect the specifics of such responsibility. In this connection, it is proposed to make certain changes to Article 1073 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: civil liability, minors, causing harm, minor parents.

Теоретические и правовые положения о юридической ответственности сводятся к тому, что субъектами ответственности могут быть только те лица, которые способны осознавать характер совершаемых действий, руководить ими и оценивать возможные последствия. Субъектами гражданско-правовой ответственности могут быть лица, достигшие возраста 14 лет. Более ранний возрастной период в силу психологической и социальной незрелости лица исключает его деликтоспособность [3, с. 108].

В современном российском обществе случаи причинения малолетними вреда здоровью или имуществу третьих лиц не являются редкостью. При этом возраст причинителя вреда порой не достигает и шести лет. Ввиду полного отсутствия дееспособности и деликтоспособности у таких детей они не

в состоянии самостоятельно отвечать за совершенные ими деяния и компенсировать причиненный ущерб. Однако это не означает, что потерпевшие от рук малолетнего не вправе претендовать на возмещение вреда. По общему правилу за вред, причиненный малолетними, ответственность несут их родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред причинен не по их вине (п. 1 ст. 1073 ГК РФ).

Таким образом, обязанность нести ответственность за вред малолетних детей охватывается правовым статусом их родителей, который включает в себя характеристику нескольких элементов: правосубъектность (правоспособность, дееспособность и деликтоспособность); совокупность установленных законом прав и обязанностей; гарантии осуществления прав и ответственность за нарушение обязанностей.

Исходя из ст. 1064 ГК РФ обязательным условием возложения гражданско-правовой ответственности является наличие причинной связи между поведением субъекта ответственности и причиненным вредом. Причинная связь в деликтах малолетних отличается двухзвенной структурой: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию и надзору за ребенком становится причиной противоправного поведения последнего, которое, в свою очередь, приводит к возникновению вреда [5, с. 90]. При этом вина родителя (опекуна) в безответственном отношении к воспитанию ребенка, который причинил вред другому лицу, презюмируется [6, с. 99].

Это означает, что возмещение родителями вреда, причиненного их малолетними детьми, охватывается таким элементом правового статуса родителей, как деликтоспособность. На это же указывают и положения законодательства, согласно которым родители и опекуны, доказавшие свою невиновность в причинении малолетними вреда, не несут ответственности за действия своих детей.

В современном мире не редко родителями становятся лица, которые не достигли совершеннолетия. Официальная статистика по этому показателю не публикуется, но согласно информации, имеющейся в свободном доступе в сети «Интернет», в 2018 и 2019 годах у российских несовершеннолетних матерей родилось 11361 и 11247 детей соответственно [1]. Более поздние сведения до настоящего времени отсутствуют.

Недостаточная физическая, умственная и нравственная зрелость несовершеннолетних родителей обуславливает специфику их правового статуса. С появлением у них малышей несовершеннолетние родители, оставаясь детьми, приобретают ряд функций, предназначенных для взрослых, что обуславливает важность особого подхода к правовому регулированию всех элементов правового статуса такого рода лиц.

Используя разделительный союз «или» в п. 1 ст. 1073 ГК РФ, законодатель подчеркивает, что ответственность за вред, причиненный малолетними, несут либо его родители, либо его опекуны. Между тем на основании п. 2 ст. 62 СК РФ над детьми несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке и не достигших возраста 16 лет, устанавливается опека. И родитель, и опекун вправе совместно проживать с ребенком и принимать участие в его воспита-

нии. Согласно ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опека над детьми несовершеннолетних родителей длится до достижения такими родителями возраста 18 лет.

Подобные положения законодательства позволяют поставить ряд вопросов об ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей, которым в теории и практике должного внимания не уделяется. Среди подобной проблематики в настоящем исследовании будут рассмотрены следующие вопросы:

- кто должен нести ответственность за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей, – родители или опекуны;

- каковы отличия ответственности несовершеннолетних родителей возраста до 14 лет и от 14 лет;

- каковы особенности ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей, если в отношении таких детей не установлена опека.

Однозначных ответов на поставленные вопросы в действующем гражданском законодательстве не дается, поэтому в представленном исследовании рассматриваются случаи возмещения вреда, причиненного детьми несовершеннолетних родителей, которые не вступили в брак и не были признаны полностью дееспособными по другим основаниям.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», родители и опекуны отвечают за вред, причиненный малолетними, если с их стороны имело место безответственное отношение к воспитанию и неосуществление должного надзора за ребенком [4].

Поскольку, воспитанием детей несовершеннолетних родителей должны заниматься одновременно и сами родители, и опекуны, то и ответственность за вред, причиненный этими детьми, могут нести как родители, так и опекуны. Ввиду того, что четкие правила в настоящее время не установлены, буквальное толкование п. 1 ст. 1073 ГК РФ и ст. 1080 ГК РФ в совокупности с положениями Семейного кодекса РФ позволяет говорить о том, что потерпевшая сторона вправе предъявить претензии одновременно как к родителям, так и к опекунам малолетнего причинителя вреда.

Освобождение от ответственности родителя либо опекуна возможно в тех случаях, когда надлежащее воспитание и надзор за ребенком, причинившим вред, не был возможен в силу объективных причин. К их числу относится длительная тяжелая болезнь, вынужденный длительный отъезд, препятствие в общении с ребенком со стороны третьих лиц и т. п. Однако при наличии таких обстоятельств должно быть одновременно установлено, что родитель или опекун стремились к надлежащему выполнению своих обязанностей по воспитанию и надзору за ребенком, а не уклонялись от них под предлогом болезни или отъезда [2, с. 524].

Рождение ребенка у несовершеннолетних родителей не является основанием для изменения их гражданско-правового статуса, в том числе их деликтоспособности. По общему правилу лицо, не достигшее возраста 14 лет (даже если оно является родителем), не обладает деликтоспособностью вообще, а лицо в возрасте от 14 до 18 лет обладает таковой не в полном объеме. В связи с чем, целесообразным видится внесение изменений в отдельные нормы Гражданского кодекса РФ, в которых будут отражены особенности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей, с учетом возраста самих родителей и наличия (отсутствия) опеки над детьми.

Один из возможных вариантов обстоятельств причинения вреда: ребенок родился у родителей, не достигших возраста 16 лет; над ним установлена опека; к моменту причинения вреда родители не достигли возраста 14 лет.

В таком случае несовершеннолетние родители в силу прямого указания в законе (п. 1 ст. 1073 ГК РФ) сами являются малолетними и не несут ответственности даже за собственные деяния. Из этого следует, что и за вред своих малолетних детей они не могут нести гражданско-правовую ответственность. В подобной ситуации представляется обоснованным полное возложение ответственности за вред, причиненный ребенком, на опекуна. Для этого необходимо п. 1 ст. 1073 ГК РФ дополнить абзацем вторым следующего содержания: «За вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), родители которого также не достигли четырнадцати лет (малолетние), отвечает его опекун, если не докажет, что вред возник не по его вине».

Второй возможный вариант обстоятельств причинения вреда: ребенок родился у родителей, не достигших возраста 16 лет; над ним установлена опека; к моменту причинения вреда родители достигли возраста 14 лет, но не достигли совершеннолетия.

Согласно п. 1 ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут самостоятельно нести ответственность за причиненный ими вред, т.е. обладают деликтоспособностью. На родителей или попечителей таких лиц возлагается обязанность возместить вред только в той части, в которой для его возмещения не хватает доходов или иного имущества несовершеннолетнего причинителя вреда (п. 2 ст. 1074 ГК РФ).

Между тем, возможно, что и опекун может быть ответственен в причинении вреда малолетним ребенком, находящимся под его опекой. В таком случае, учитывая двухзвенный характер причинно-следственной связи, о которой упоминалось ранее, несовершеннолетнего родителя и опекуна следует считать лицами, совместно причинившими вред. На основании ст. 1080 ГК РФ они должны нести солидарную ответственность в равных долях.

По аналогии с обозначенными нормами законодательства справедливо предусмотреть в положениях Гражданского кодекса РФ, что в рассматриваемых ситуациях вред, причиненный ребенком, возмещается его родителями и опекуном солидарно в равных долях. Если несовершеннолетнему родителю удастся доказать свою невиновность в причинении вреда, то полное возмещение вреда должно возлагаться на опекуна, и наоборот – невиновность опе-

куна является основанием для полного возложения ответственности на родителя. Если доходов или имущества несовершеннолетнего родителя недостаточно для возмещения вреда в той части, которая на него возложена, вред в этой части возмещается его родителями (усыновителями) или попечителями.

Подобные положения законодательства должны найти отражение в отдельном пункте ст. 1073 ГК РФ.

Третий возможный вариант обстоятельств причинения вреда: ребенок родился у несовершеннолетних родителей, достигших к моменту рождения возраста 16 лет; ребенку не был назначен опекун.

Несмотря на то, что опека над детьми несовершеннолетних родителей прекращается только по достижении такими родителями совершеннолетия, законодатель в п. 2 ст. 62 СК РФ не предусматривает обязанности назначения опекуна детям, рожденным у несовершеннолетних родителей, достигших возраста 16 лет.

При рассматриваемых обстоятельствах, как и в предыдущем варианте, в первую очередь возмещение вреда должно возлагаться на несовершеннолетних родителей, но при недостаточности доходов или иного имущества возмещение вреда следует возлагать на их родителей (усыновителей) или попечителей. Такое правило, с одной стороны, вытекает из аналогии с п. 2 ст. 1074 ГК РФ. С другой же стороны, оно следует из того, что несовершеннолетние должны проживать совместно со своими родителями (усыновителями), попечителями. Следовательно, несовершеннолетний родитель будет проживать с лицами, которые ответственны за его собственное воспитание и соответственно за воспитание им своего ребенка.

Подводя итог изложенному, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время ввиду распространения случаев рождения детей несовершеннолетними вопрос о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный такими детьми, приобретает актуальность. Однако ему не уделяется должного внимания ни в теории гражданского права, ни в нормах гражданского законодательства. Проведенный в настоящем изыскании анализ позволяет говорить о наличии особенностей ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей. Они обусловлены спецификой правового статуса самих родителей и требуют внесения определенных изменений в ст. 1073 ГК РФ.

Библиографический список

1. В 2019 году матерями стали более 10 тысяч несовершеннолетних россиянок. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/06/22/1850004.html> (дата обращения: 10.05.2022).

2. Гражданское право: учебник в 2-х т. Том 2 / под ред. Б. М. Гонгалю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 560 с.

3. Купцова О. В., Ефимова И. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный малолетними: к вопросу об определении субъекта // Глобальный научный потенциал. 2019. № 1(94). С. 108 – 110.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. № 24.

5. Рузанова Е. В. Особенности основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия: право. 2018. № 1 (54). С. 89 – 93.

6. Тиханова Н. Е. К вопросу о гражданско-правовой ответственности родителей малолетних причинителей вреда // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). С. 98 – 100.

РОЛЬ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СОСТАВЕ ДЕЛИКТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ

Хрипунов А. И., магистрант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Усанова В. А., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В работе исследуется понятие деликта, его роли и места в гражданско-правовых отношениях, исследуются методы и принципы, которыми определяются обязательства вследствие причинения вреда, изучается понятие виновного и невиновного причинения вреда. На основе рассмотренных общих понятийных дефиниций обязательств из причинения вреда автором приводится анализ природы деликтных отношений в предпринимательском праве, рассматривается значение причинно-следственной связи при юридической оценке такого рода правоотношений.

Ключевые слова: деликт, обязательства вследствие причинения вреда, вина, правонарушение, вина, принцип права, императивные методы, гражданское право, причинно-следственная связь.

THE ROLE OF CAUSATION IN TORTS IN BUSINESS LAW

Khripunov A. I., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law
Supervisor: Usanova V. A., PhD in Law, Associate Professor
Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPA, Volgograd

Abstract. The paper explores the concept of tort, its role and place in civil law relations, examines the methods and principles that define obligations due to harm, studies the concept of guilty and innocent harm. On the basis of the considered general conceptual definitions of obligations from causing harm, the author analyzes the nature of tort relations in business law, examines the significance of causality in the legal assessment of this kind of legal relationship.

Keywords: delict, obligations due to harm, guilt, offense, guilt, principle of law, imperative methods, civil law, causation.

Несмотря на то, что гражданское законодательство России, в части регулирования правоотношений из причинения вреда, существует не одно десятилетие, тем не менее, оно имеет целый ряд пробелов в этой сфере. Такого рода правоотношения регулируются разделом главы 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда [3]. Сам по себе факт того, что понятие деликта заменено фразой «причинение вреда» и связано с возникновением внедоговорных обязательств, их появление уже означает, что между причинением вреда и обязательством по его возмещению должна существовать причинно-следственная связь. Понятие вины за причинение вреда напрямую

не указывается даже в общем определении ответственности за такие деяния, тем не менее, в доктрине гражданского права деликтные правоотношения связываются с институтом абсолютной ответственности причинителя вреда. Так, согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности, имуществу гражданина или юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме субъектом, причинившим вред. Однако, законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Два этих положения, регулирующие общие основания установления ответственности в рамках деликта, вместе с тем основаны на прямо противоположных основаниях, что само по себе является достаточно парадоксальной ситуацией. Так, если деликт возникает между потерпевшим, как лицом, которому причинен вред, и его причинителем, то наступление обязательства по его возмещению и компенсации существует прямая причинно-следственная связь, поскольку именно наличие вины в причинении ущерба является прямым основанием для привлечения к юридической ответственности и установлению именно гражданско-правовой ответственности. В таком случае обязательство по возмещению вреда основано именно на установлении вины в причинении вреда, и это даже несмотря на то, что вина не может быть установлена в гражданском порядке, поскольку гражданские отношения основаны на равноправии участников, их автономности и добровольности волеизъявления. Очевидно, что в добровольном порядке установление вины не представляется возможным.

Во втором случае, когда обязанность по возмещению вреда возлагается на лицо, которое не причиняло напрямую ущерб. То есть речь идет о прямо противоположном подходе – невиновном случае наступления ответственности и невиновном деликте, когда гражданско-правовая ответственность наступает вне рамок наличия вины. Получается, что возможно как невиновное причинение вреда, так и привлечение к ответственности в рамках презумпции обязательности возмещения вреда, что выходит, по нашему мнению, за рамки абсолютной ответственности в деликте. В таком случае рассматриваемый институт, выходит за пределы цивилистических рамок в силу своих особенностей, а именно установления вины и недобровольности привлечения как причинителя вреда, так и лица, которое не является причинителем вреда, но, тем не менее, обязано возмещать вред в силу обязательной презумпции.

О. В. Ковалева в своей работе пишет об императивности методологии института возмещения вреда с элементами диспозитивности при наличии автономии воли, волеизъявления и инициативности субъектов отношений. К институциональным причинам ученый относит принципы полного возмещения вреда и принцип всестороннего возмещения вреда. Исследователь подчеркивает, что метод правового регулирования деликтных правоотношений имеет сочетание общего с частным и императивного с диспозитивным. В то же самое время отмечается, что ранее в юридической литературе обычно подчеркивалось, что нормы о возмещении вреда и установлении обязательств по его компенсации, носят строго императивный характер, и никакие согла-

шения между сторонами правоотношения не могут иметь место в принципе [4, с. 94-95]. Тем не менее, наличие в составе такого института как части гражданского права именно императивной составляющей не может не свидетельствовать о том, что он явно выходит за рамки гражданско-правовых отношений. С этим связана и изменившаяся в последнее время позиция научного сообщества в отношении деликта. Современные ученые-правоведы в вопросе определения места и сущности института деликта, как обязательства по возмещению вреда, больше придерживаются его компенсационно-восстановительного характера. Это соотносится даже не с принципами и методами гражданского права, как основополагающими категориями юридической науки права, а со способами защиты нарушенного права, которые являются одной из ключевых и фундаментальных позиций в определении вида того или иного правоотношения. В соответствии со ст. 12 ГК РФ к одному из предусмотренных законом способов защиты нарушенных гражданских прав относится восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения [2]. Также одним из способов защиты нарушенного права является компенсация морального вреда, что позволяет отнести его к отдельному виду такого рода внедоговорных обязательств, разделив деликт на моральный и материальный.

Условие вины в деликтном правоотношении указывается лишь в п. 2 ст. 1064 ГК РФ, когда речь идет о возможности освобождения от презумпции обязательности возмещения вреда – лицо, причинившее его, освобождается от возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины того, кто его причинил.

Таким образом, деликт предполагает именно презумпцию обязательности, когда вред в любом случае должен быть кем-то возмещен, и в случае его причинения одновременно происходит возникновение обязанности по его возмещению как противоположной сущности его возникновения. Такая обязанность и обязательство возникает в момент наступления вреда, то есть, еще до того, как будет установлен субъект, виновный в причинении вреда.

В контексте вышеизложенного интересным с научной точки зрения является деликт в предпринимательских отношениях, когда вред причиняется в правоотношениях предпринимательского характера. Такие случаи также должны быть отнесены к гражданскому праву, однако они тесно граничат с административным и уголовным правом, ведь если ущерб является существенным и значительно выходит за пределы гражданско-правовых интересов, прав и свобод человека и гражданина, возникают отношения исключительно императивного характера административного и уголовного порядков. Так, к примеру, если в результате участия гражданина в правоотношениях по долевого строительству жилого многоквартирного дома без использования механизма проектного финансирования и зачисления средств дольщика на эскроу-счет, застройщик срывает сроки строительства или сдачи жилого дома, физическому лицу соинвестору долевого строительства причиняется ма-

териальный ущерб и возникает деликт материального характера по возмещению такого ущерба. Застройщик может быть привлечен к ответственности за нарушение сроков сдачи жилого дома в эксплуатацию и привлечен к гражданско-правовой ответственности. Однако, в том случае, если денежные средства участников долевого строительства присваиваются, а юридическое лицо-застройщик банкротится и не сдает дом в эксплуатацию, фактически намеренно не исполняя свои обязательства по долевого строительству, может быть возбуждено уже уголовное дело за мошенничество. Распространенным способом прекращения долевого строительства является умышленно фиктивное, либо преднамеренное банкротство застройщика, которому искусственно создается задолженность. Она может быть как фиктивная, так и созданная преднамеренно. То есть фальсифицируется ситуация и возникают условия, ложно свидетельствующие о том, что по независящим от такого юридического лица обстоятельствам, оно якобы далее не может исполнять свои обязательства и признается банкротом. Такие действия прямо указывают на злоупотребление доверием соинвесторов в целях мошенничества, обмана и присвоения себе денежных средств участников долевого строительства.

Так, в апреле 2022 г. в суд Челябинска было направлено уголовное дело в отношении главы местной строительной компании, который привлек на строительство жилых домов около 183 миллионов рублей у 32 граждан и юридических лиц, но обязательства не выполнил. При выяснении обстоятельств было выявлено нецелевое расходование средств инвесторов-дольщиков, которые приобретали доли в строительстве одного строящегося объекта, однако, фактически на эти деньги строился и возводился иной объект нежилой недвижимости [5].

Причинно-следственная связь в указанном случае при установлении многочисленных деликтов являлась решающим фактором в возникновении не гражданско-правовых, а уголовных правоотношений, поскольку именно сумма ущерба свыше 1 миллиона руб. привела к тому, что в действиях причинителя вреда – обвиняемого по делу – были усмотрены признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ [6]. Предпринимательские отношения как фактор возникновения деликта по возмещению стоимости похищенных денежных средств нашли свое применение в том, что строительная компания была коммерческим юридическим лицом, действующим в целях извлечения прибыли.

Особым фактором в случае возникновения деликта гражданского характера в рамках предпринимательских отношений является сама природа и сущность института предпринимательства. Под ним в соответствии с определением п. 1 ст. 2 ГК РФ понимается самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Самостоятельность как автономность волеизъявления субъекта предпринимательской деятельности является одним из главных принципов, позволяющих отнести ее к гражданско-правовым отношениям. В таком случае

деликт в предпринимательском праве связан с деятельностью по извлечению прибыли, то есть, с коммерческой деятельностью, а деликтом можно считать любое причинение вреда в рамках предпринимательского коммерческого оборота как договорного, так и внедоговорного характера. Следует ли считать причинение ущерба в рамках договора между двумя субъектами коммерческого права деликтом? На этот вопрос, как мы предполагаем, необходимо отвечать с учетом действующего законодательства. Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Например, в ст. 95 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» установлено исключение из действия моратория на удовлетворение требований кредиторов в части выплаты компенсаций сверх возмещения вреда по исполнительным документам, выданным на основании решений, вступивших в законную силу до введения внешнего управления, в том числе и по договорным спорам [7]. Таким образом, договорная ответственность также образует деликт, и деликтом в предпринимательском праве можно считать любое правоотношение с причинением вреда, за которое устанавливается гражданско-правовая ответственность.

Причинно-следственная связь как основание привлечения к ответственности имеет определяющее юридическое значение, поскольку именно наличие или отсутствие такой связи будет применяться нормы права, устанавливающей ответственность; и будет установлена личность причинителя вреда, то есть будет определен субъект, непосредственно причинивший вред; или же к ответственности будет привлечено опосредованное лицо, вина которого непосредственно в причинении вреда не только не установлена, но и не является обязательной.

В правовой науке выделяется несколько теорий причинных связей между условием причинения вреда и результатом. Так, С. В. Шиманская выделяет две теории причинной связи явлений, которые могут определить правонарушителя и причинителя вреда – это непосредственная и опосредованная теории [8, с. 34]. В настоящее время основной доктриной в науке права признается главенствующая прямая, а не косвенная причинно-следственная связь между условием и результатом. В. А. Болдырев называет такую прямую причинно-следственную связь адекватной связью [1, с. 56].

Косвенная причинно-следственная связь, очевидно, устанавливается в тех случаях, когда законом ответственность возлагается на лицо, не являющееся непосредственным причинителем вреда, либо на лицо, привлекаемое к ответственности в силу закона или договора. В доктрине права такая косвенная связь описывается как иные юридические обстоятельства, возникшие между противоправным поведением лица и причиненным вредом. Кроме того, непосредственного противоправного поведения лица в момент причинения вреда может и не наблюдаться, поскольку оно могло быть допущено и задолго до этого, а равно противоправного поведения лица может не быть вовсе, поскольку речь снова может идти о невиновной юридической ответ-

ственности, когда опосредованное причинение вреда может и не иметь непосредственного виновника.

В предпринимательских правоотношениях такой невиновный деликт может усугубляться тем, что в силу закона на предпринимателей как на субъектов и участников определенной деятельности законом может возлагаться повышенная «позитивная» ответственность в виде дополнительного страхования, лицензирования, иных административно-разрешительных процедур и согласований, каждое из которых наделяет субъекта контрольно-надзорного органа возможностью, полномочиями и обязанностями по установлению вины предпринимателя в случае причинения им ущерба в рамках своей коммерческой или иной деятельности.

Все это в совокупности указывает на важнейшее и главенствующее значение причинно-следственной связи в разрешении деликта и установлении всех юридически значимых обстоятельств конкретного случая причинения ущерба.

Библиографический список

1. Болдырев В. А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина: Учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2006. 108 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14–ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Ковалева О. В. Деликтные правоотношения как институт гражданского права // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 2. С. 94 – 101.

5. РИА Новости. Недвижимость. Главу челябинской строительной компании будут судить за обман дольщиков. URL: <https://realty.ria.ru/20220429/dolschiki-1786100901.html> (дата обращения: 10.05.2022).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

8. Шиманская С. В. Причинно-следственная связь как условие гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности // Медицинское право. 2010. № 4. С. 32 – 37.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В ТОКСИЧНЫХ ДЕЛИКТАХ

Яновская Ю. А., студент 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Кратенко М. В., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Высокие темпы научно-технического прогресса, включая развитие химической и пищевой промышленности, сделали актуальным новый вид гражданских правонарушений — «токсичные» деликты. Ежедневно мы подвергаемся воздействию различного рода химикатов, часть которых оказывает неблагоприятно влияние на организм, некоторые из них вызывают сильные травмы, болезни человека. Для эффективной защиты прав потерпевших в подобных правонарушениях необходимо хорошо ориентироваться в вопросах распределения бремени доказывания, владеть критериями причинно-следственной связи применительно к последствиям воздействия различных токсинов. В настоящей работе на основе российского и зарубежного опыта будут рассмотрены эти проблемы.

Ключевые слова: деликтные обязательства, токсины, травмы, причинная связь, ответственность, вред.

THE MAIN POINTS OF CAUSATION PROOFING IN TOXIC DELICTS

Yanovskaya Y. A., 3rd year student of the Faculty of Law
Supervisor: Kratenko M. V., PhD in Law
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. In connection with the inexorable technological progress, the development of the chemical and food industries in recent years, a new type of civil offense has appeared – "toxic" torts. Every day we are exposed to various kinds of chemicals, some of which have an adverse effect on the body, some of them cause severe injuries and human diseases. To effectively deal with such offenses, it is necessary to clearly understand the distribution of the burden of proof and be able to detect a causal relationship in toxin-related torts. In this paper, based on Russian and foreign experience, these problems will be considered.

Key words: torts, toxins, injuries, causation, liability, harm.

Токсичный деликт – это специфическое правонарушение, в котором травма или болезнь вызваны разного рода токсичными веществами [8]. Сложность подобных деликтов состоит в том, что, как правило, вред от токсичных субстанций не возникает одномоментно, а носит долговременный и длящийся характер. Чтобы его выявить, необходим значительный период

времени, вследствие чего затрудняется доказывание причинно-следственной связи между совершенным деянием и его последствиями.

Согласно ч. 3 ст. 56 ГПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено в законе. Бремя доказывания по своему объему равно бремени утверждения. Каждый участник процесса должен доказать факты и обстоятельства, которые им были внесены в процесс. Однако в некоторых случаях суд может осуществить перераспределение бремени доказывания, это возможно в силу, как прямого указания закона, так и в силу различных правовых презумпций. Например, в силу презумпции вины причинителя вреда не истец (потерпевший) должен доказывать вину ответчика, а, напротив, ответчик должен представить доказательства отсутствия его вины, проявления необходимой заботливости и осмотрительности.

В делах о токсичных деликтах истцу необходимо доказать следующие фактические обстоятельства: (1) опасность вещества, причинившего вред; (2) воздействие вещества на истца; и (3) вред, причиненный истцу.

Для доказывания опасности и факта воздействия того или иного вещества, как правило, необходимы специальные познания, то есть помощь экспертов. С недавнего времени в США для полной и всесторонней оценки показаний эксперта используют «Стандарт Доберта», который состоит из пяти «шагов»: во-первых, возможность применения рассматриваемой теории или методики; во-вторых, была ли такая методика рецензирована и опубликована; в-третьих, потенциальная частота её ошибок; в-четвертых, наличие и поддержание стандартов, регулирующих её работу; и, в-пятых, получила ли она широкое признание в соответствующем научном сообществе [2].

В Российской Федерации нет определённого стандарта доказывания, который применялся бы в делах о токсичных деликтах. Это и хорошо (нет каких-либо ограничений в средствах доказывания), и плохо (поскольку у суда отсутствует алгоритм оценки доказательств). Как правило, иски имеют хорошую перспективу лишь в случае общеизвестного негативного влияния того или иного вещества на организм. Изложенный тезис хорошо характеризует следующий пример из судебной практики. Е. обратился в суд с иском к ОАО «Транссибнефть» о возмещении морального вреда. В связи с отсутствием центрального водопровода, он пользовался питьевой водой из колодца, расположенного рядом с его домом. Начиная с 2009 г., истец стал замечать, что вода в колодце значительно изменилась, от нее стал исходить запах нефтепродуктов, а на поверхности появилась масляная радужная пленка. В настоящее время вода в колодце имеет стойкий нефтяной запах и не пригодна для употребления. Ранее в Мошковском районе случилась экологическая катастрофа, в результате которой произошел выброс нефти, последствия которой коснулись истца, т.к. он в течение нескольких лет употреблял воду с высоким содержанием нефтепродуктов. Учитывая, что в месте жительства истца, имело место быть лишь одна экологическая катастрофа, связанная с

выбросом нефти на нефтепроводе, принадлежащем ответчику, то ответственность за наличие повышенной концентрации нефтепродуктов, выявленных в пробах воды, отобранных в колодце, вблизи места жительства истца, может быть возложена только на ответчика. В течение нескольких лет, истец употреблял зараженную нефтью воду в пищу, использовал ее для полива огорода, в результате чего, он в настоящее время беспокоится за свою жизнь и здоровье.

Для доказывания факта воздействия вещества Е. ссылаясь на данные об экологической катастрофе, произошедшей в месте его жительства, а именно на разлив нефти по вине ответчика. Помимо того, Е. ссылаясь на анализы проб воды, однако он отказался от экологической экспертизы, неоднократно предлагаемой судом. Суд счёл, что нет достаточных оснований предполагать, что загрязнение воды произошло из-за ответчика [6].

Выводы суда не могут строиться на предположениях, разрешение спора о праве возможно только на основе доказанных юридических фактов. В нашем случае истцу и ответчику неоднократно было предложено провести экспертизу, однако они отказались.

Таким образом, можно сделать вывод, что для доказывания воздействия вещества на истца, показания экспертов играют основополагающую роль, т. к. в силу принципа состязательности суд не может отдавать предпочтений кому-либо, а в силу принципа справедливости он не может основывать свои выводы на предположениях. Поэтому для формирования внутреннего убеждения суду необходимы показания профессионалов в соответствующей области, то есть экспертов. Для того, чтобы проверить показания и выводы экспертов, в США был введён «Стандарт Доберта», повышающий доверие к экспертизе. Возможно, что при введении в российскую судебную практику подобного стандарта доказывания, российские граждане начнут более активно обращаться к помощи экспертов для подтверждения своих доводов.

В США деликты, связанные с токсинами, относят к правонарушениям «третьего уровня», то есть массовые деликты со скрытыми повреждениями [3]. Они являются скрытыми, поскольку вовлеченные вещества, как правило, представляют собой растворенные токсины, которые вызывают тонкие неврологические или метаболические повреждения, или канцерогены, у которых есть длительный инкубационный период, прежде чем болезнь проявится. Из-за этого возникают проблемы с доказыванием причинно-следственной связи в судебных разбирательствах по таким деликтам, пострадавшие от токсинов, могут не знать об их воздействии. Как правило, эти вещества рассеяны в воде или воздухе и не оставляют определенных следов, доказывающих их присутствие. Если пострадавшие узнают о таком воздействии и о причинно-следственной связи между воздействием и их травмой, то это происходит спустя годы после истечения латентного периода. Более того, они могут столкнуться с тем, что судебному разбирательству помешают ограничения срока давности.

Сегодня исследование причинно-следственной связи проводится в два этапа. Во-первых, фактическая стадия – выявление обстоятельств, опосредующих поведение ответчика и выявление того, является ли его поведение условием причинения вреда. Во-вторых, юридическая стадия – выявление непосредственной юридически значимой причины вреда [4, с. 103].

Для определения фактической причинно-следственной связи сегодня в мировой практике распространен тест «а что если» или «тест необходимого условия» [7, с. 93]. Он заключается в предполагаемом исключении ответчика из событий, которые привели к причинению вреда, т.е., если причинение вреда возможно без участия ответчика, то логично предполагать, что его поведение не может быть его причиной [5, с. 98]. Иными словами, мы должны спросить: «А что, если бы ответчик не причинял вред, наступили бы такие последствия?»

В нашумевшем деле *Cipollone v. Liggett Grp* [1] против табачной компании, истцу надо было доказать причинно-следственную связь между раком легких и курением сигарет. Фабула дела состоит в следующем. Роуз Чиполлоне начала курить в шестнадцать лет. Она постоянно курила сигареты *Chesterfield*3, до полутора пачек в день. В 1955 году Роуз переключилась на сигареты марки *Liggett and Myer*, т.к. говорилось, что их «чисто-белый фильтр *Miracle Tip*» оказался более здоровой альтернативой сигаретам *Chesterfield*. Потом по рекомендации своего врача потерпевшая перешла на сигареты *Lorillard True*. В этот момент у нее был выбор: либо бросить курить, либо перейти на эту марку сигарет с ее рекламируемыми пластиковыми фильтрующими вкладышами. Роуз выбрала последний вариант и продолжила курить марку, предложенную ее врачом.

Суть в том, что табачные компании, зная о вреде сигарет, скрывали это от людей. Как мы можем заметить, выпускали «более здоровые» сигареты, врачи, видя, что развивается рак легких, возможно понимая, что он развивается от длительного курения, пытались найти альтернативу. Истец утверждал, что ответчики *Liggett Group* и другие производители сигарет несут ответственность за непредупреждение потребителей об опасностях курения, мошенническое искажение информации об опасностях и сговор с целью лишить общественность медицинских и научных информации о курении. Истцу удалось это сделать и на основе медицинского заключения лечащего врача Роуз удалось доказать, что рак вызван именно курением.

Подводя итог изложенному, невольно возникает вопрос: «А возможно ли подобное успешное доказывание причинно-следственной связи о токсичных деликтах в реалиях отечественной правовой системы?». Положительный ответ, на наш взгляд, не столь очевиден. Поэтому и в целях защиты прав и интересов граждан, в том числе и на благоприятную окружающую среду, нам представляется возможным и необходимым заимствование позитивного зарубежного опыта выявления причинно-следственной связи между правонарушением и его последствиями. В связи с чем, подходы подобные «Стандарту Доберта», внедренные в нашу действительность, не только бы повысили доверие к экспертному сообществу РФ, но и способствовали бы

процессу доказывания причинно-следственной связи в отношениях по причинению вреда, в ситуациях, когда правонарушение (деликт) носит длящийся характер.

Библиографический список

1. Cipollone v. Liggett Grp. 505 U.S. 504, 112 S. Ct. 2608 (1992) / Cipollone v. Liggett Grp. URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-cipollone-v-liggett-grp> (дата обращения: 16.04.2022).
2. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993) / Supreme Court cases. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/> (дата обращения: 25.03.2022)
3. Deborah R. Hensler, Trends in Tort Litigation: Findings from the Institute for Civil Justice's Research, 48 Ohio St. L. J. 479 (1987)
4. Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Oxford: Hart Publishing, 2002.
5. Nicholas J. McBride, Roderick Bagshaw. Tort law. Person: Longman law series, 2018.
6. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 28 августа 2014 г. по делу № 33-7430/2014. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1wNGb2Teb6cNn011&cacheid=53A1CEF4F57448576A27906FB2158E22&mode=splus&base=SOSB&n=87616#w1IMb2TsUm6Qtat61> (дата обращения: 05.03.2022).
7. Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82 – 144.
8. Токсичные деликты. Юридический офис Аарона Ларсона. URL: https://www.expertlaw.com/library/medicine/solvents_kidney.html (дата обращения: 31.03.2022).

ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

Фотография 1. Приветственное слово директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата экономических наук **Осипова Андрея Андреевича.**

Слева направо – руководитель Организационного комитета и генеральный модератор конференции кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агибалова;**

директор Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат экономических наук **Осипов Андрей Андреевич;**

декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Александровна Сергачева**

Фотография 2. Организаторы конференции.

Слева направо – руководитель Организационного комитета и генеральный модератор конференции кандидат юридических наук, доцент

Елена Николаевна Агибалова;

декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Ольга Александровна Сергачева;

1-й заместитель руководителя Организационного комитета кандидат юридических наук, доцент

Игорь Борисович Иловайский

Фотография 3. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Симферополь), кандидат экономических наук

Наталья Александровна Кравченко;

заместитель Председателя Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Олег Александрович Коробов;

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Мадина Таукеновна Аширбекова;

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук,

профессор **Петр Мартынович Филиппов;**

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Николай Васильевич Котельников;

заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, профессор

Василий Герасимович Глебов;

заместитель начальника отдела страхования профессиональных рисков ГУ – Волгоградское региональное отделение Фонда социального страхования РФ

Татьяна Алексеевна Лапинская

Фотография 4. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Симферополь), кандидат экономических наук

Наталья Александровна Кравченко;

заместитель Председателя Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Олег Александрович Коробов;

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Мадина Таукеновна Аширбекова

Фотография 5. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – дочь М. Ф. Медведева врач-хирург, преподаватель ГАПОУ «Волгоградский медицинский колледж»

Елена Михайловна Буш;

дочь М. Ф. Медведева заместитель начальника отдела законодательства о юридических лицах Исследовательского Центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член экспертного Совета по корпоративному управлению при Банке России, член Комитета по интерпретации положений Кодекса корпоративного управления при Экспертном совете по корпоративному управлению при Банке России, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ

Татьяна Михайловна Медведева;

заместитель руководителя аппарата Губернатора Волгоградской области
Наталья Николаевна Лисименко

Фотография 6. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – секретарь Ученого совета и доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала

РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент

Александр Иванович Бортенев;

2-й заместитель руководителя Организационного комитета, руководитель студенческой творческой мастерской, кандидат юридических наук, доцент

Светлана Юрьевна Семенова

Фотография 7. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – нотариус Камышинского района Волгоградской области
Светлана Васильевна Артамонникова;

методист правового отдела Нотариальной палаты Волгоградской области
Ирина Александровна Митрофанова;

заместитель начальника отдела правового обеспечения
Управления
Росреестра по Волгоградской области

Анна Анатольевна Рагузова

Фотография 8. Выступление профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктора юридических наук, профессора **Медины Таукеновны Аширбековой**

Фотография 9. Выступление профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктора юридических наук, профессора **Петра Мартыновича Филиппова**

Фотография 10. Выступление доцента кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Симферополь), кандидата экономических наук **Натальи Александровны Кравченко**

Фотография 11. Выступление начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидата юридических наук, доцента **Николая Васильевича Котельникова**

Фотография 12. Выступление заместителя начальника отдела страхования профессиональных рисков ГУ – Волгоградское региональное отделение Фонда социального страхования РФ **Татьяны Алексеевны Лапинской**

Фотография 13. Выступление доцента кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидата юридических наук, доцента **Анны Юрьевны Осетровой**

Фотография 14. Выступление методиста правового отдела
Нотариальной палаты Волгоградской области
Ирины Александровны Митрофановой

Фотография 15. Коллективная фотография участников

Научное издание

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ
(МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2022)**

Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 ГБ оперативной памяти
Пространство на жестком диске 13,58 МБайт

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10